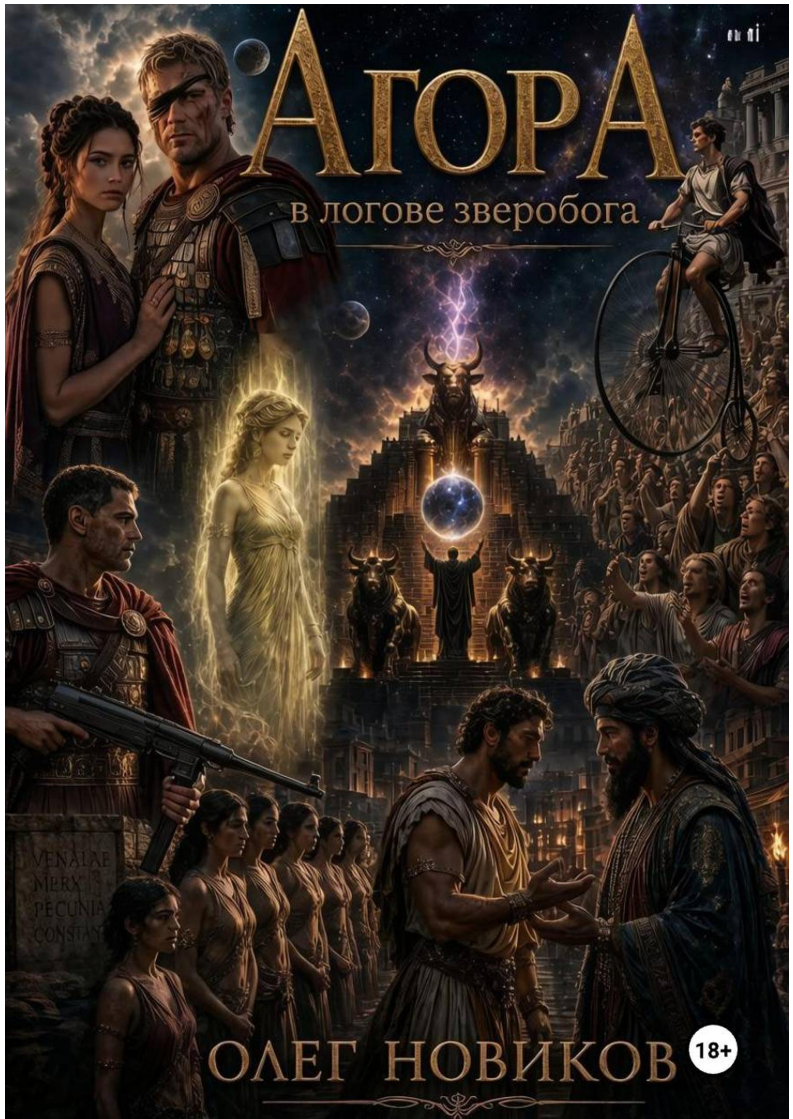

АГОРА

в логове зверобога

VENALAE
MERX
PECUNIA
CONSTANT

ОЛЕГ НОВИКОВ

18+

Олег Новиков

АгорА.В логове зверобога.

<https://litres.ru/74650202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение невероятных приключений группы землян из двух разных эпох в античном мире Агоры. По заданию "кураторов" они выполняют опасную миссию на Востоке-похищение загадочной "сферы"- реликвии жрецов культа Баала. Преодолевая трудности ,теряя друзей и соратников они идут к своей цели. На этом пути их ждут взлеты и падения. Морские сражения,интриги, засады,встречи с разными людьми от портовых блудниц и пиратов , до аристократов и сенаторов. Им предстоит победить,выполнив порученное,при этом по возможности остаться самими собой в циничной и жестокой реальности нового мира.

Олег Новиков

АгорА.В логове зверобога.

Пролог

Превратности судеб

Морской ветер, бивший в лицо, растрепал ей волосы, словно гриву породистой кобылицы. В эти мгновения лошади и колесница словно слились в одно целое – стремительное и свободное. Пришло непередаваемое ощущение полета. Ей казалось, что она словно большая птица, несущаяся по небу над кромкой моря и земли.

-Птица?!!! Да что там птица, богиня воздуха и ветра Аура, разогнавшая свою колесницу и играющая судьбами мореходов. У нас даже имена похожи: Аврелия - почти Аурелия и Аура, - пронеслась в голове крамольная мысль.

После того, как отец подарил Аврелии пару породистых кобылиц и украшенную причудливой резьбой бигу, девушка каждое утро выезжала из их приморского поместья на прогулку, сопровождаемая двумя конными слугами. Она сама управляла колесницей, отказавшись от услуг возницы.

С рождения Аврелия обладала своенравным и независимым нравом, передавшимся ей от покойной матери. Вспыль-

чивость и жестокосердие, помноженные на циничный расчет, достались ей от отца, сенатора Муция Аврелия Ореста, дополнив ее непростой характер.

События последних лет - восхождение к власти рода Бальбинов и падение в бездну их врагов - благоприятно сказались на семье Аврелиев, преумножив их богатство и влияние.

Гней Порций Бальбин приходился двоюродным дядей ее отцу.

Сенатор баловал дочь, потакая всем ее прихотям: нарядам, украшениям и увлечением лошадьми. В конюшне поместья содержались отменные жеребцы и кобылы элитных пород.

Аврелия гнала свою колесницу по выложенной камнем приморской дороге в сторону рыбацкой деревушки, раскинувшейся у поросших лесом холмов. Это был обычный маршрут. Девушка нахлестывала своих кобылиц, со смехом вполоборота наблюдая, как сопровождающие ее рабы едва успевают на своих лохматых лошаденках за полетом ее легкой биги.

Утром она хотела взять с собой на прогулку гостившую у них на вилле кузину - Квинтилию Цетег, но та, увидев ее манеру езды, вежливо отказалась.

Аврелия недолюбливала свою родственницу, из-за разности темпераментов и интересов.

-Трусиха, ей невдомек, что бег лошадей дарит ощущение непередаваемого чувства свободы. Да и вообще она стран-

ная. Любит бродить по предгорьям в сопровождении своей старой кормилицы. Собирают какие-то травы и минералы. Расспрашивает об растениях пастухов. Поговаривают, что ее служанка - ведьма.

Впрочем, сейчас Квинтилия со своими причудами совсем не занимала мыслей Аврелии, она полностью отдалась скачке.

Еще немного и, как обычно, колесница пронесется по единственной улице деревни, затаптывая кур и пугая местных жителей. Иногда, ради забавы, Аврелия перетягивала своим бичом зазевавшегося рыбака или просто пешего путника и со смехом проносилась мимо. Жаловаться на ее «шалости» не смел никто.

Да и кому было жаловаться? Их семья держала в зависимости всю округу и была кредитором местных сельских общин. Здесь, на западном побережье полуострова, господствовали старые законы и «нелепые новомодные указы» из столицы, ограничивающие произвол землевладельцев, сюда не доходили.

Высший Верховный совет последнее время пытался проводить реформы, защищающие права мелких арендаторов и даже рабов. Но никто за пределами столичной округи не воспринимал их всерьез.

Тут на Меганском побережье в тысячах стадиев от Румелии Аврелии чувствовали себя хозяевами.

Бига неслась, как ветер.

-Сейчас поверну и, не сбавляя хода, вперед, дальше - прямо вдоль полей и деревенских хижин, благо дорога позволяет... - решила девушка, нахлестывая своих кобылиц.

Однако всё произошло иначе. Прошедший недавно дождь оставил небольшие лужицы на гладких камнях дороги. Лошади легко вошли в дорожный изгиб и рванули вперед, но вот колесница...

Легкую повозку занесло, крепление оглобли не выдержало нагрузки и внезапно треснуло. Сухой щелчок, едва слышимый за цокотом копыт, решил дальнейшую судьбу пароконной повозки и ее отчаянной владелицы. Разгоряченные кобылицы, избавившись от биги, как безумные, пронеслись по дороге, а легкий двухколесный возок вылетел на обочину, отправившись в свой последний и по-настоящему реальный полет.

Аврелия ничего не успела понять. Она просто потеряла опору, мир перед ней смешался, и девушка, закрыв от ужаса глаза, ощутила падение в пропасть. По крайней мере, ей так показалось.

Она инстинктивно прикрыла голову руками и непроизвольно громко закричала.

Трудно сказать, что спасло ее в тот миг: счастливая случайность или воля неведомых богов, только на ее пути возник жидкий кустарник, а за ним свежий стог сена на крестьянском лугу.

В него-то Аврелия и влетела. Первые секунды она была

в шоке от случившегося, но потом, придя в себя, ощутила прилив злости и холодной ярости. Она увидела, как вокруг стога собирается толпа местных селян и как эти оборванцы тычут в нее своими грязными пальцами, как неумело и нелепо ей помогают два олуха-раба и как она, дочь сенатора, жалко выглядит.

В самом деле, молодая аристократка представляла собой убогое зрелище. Белая шелковая туника была разодрана, в волосах застряла солома и репей, на щеке и руках ссадины, а в довершении ко всему - Аврелия наступила ногой в коровью «лепешку».

-Кошмар. Я потеряла лицо. Теперь эти скоты будут целый год вспоминать мое падение. Потешаться, рассказывая за кружкой дешевого пойла, как она стала посмешищем толпы.

Первой мыслью Аврелии, было наказать сопровождавших ее рабов, но она вовремя опомнилась.

-Что толку от двух остолопов, если вокруг целая толпа очевидцев ее позора. Им-то рты не заткнешь. Проклятье!

Выбравшись на дорогу, перепачканная и злая, как взбесившаяся фурия, Аврелия подобрала оброненный хлыст и со всей силы ударила им одного из слуг, заподозрив беднягу в непочтении к себе. Затем, недолго думая, вскочила на его лохматую лошаденку и, нахлестывая несчастное животное, понеслась в сторону виллы.

Ворвавшись в ворота поместья, юная аристократка соско-

чила с коня. Бросила поводья удивленному конюху и, отпихнув в сторону причитающую при ее виде ключницу, быстро прошла в атриум.

-Сейчас бассейн и баня. Потом массаж ,притирки и крема, - подумала она и, крикнув служанок, направилась в сторону терм.

Аврелия быстрым шагом пересекла атриум. В душе у нее все бурлила и кипела злоба на себя, на окружающих, на весь мир в целом, кипела и искала выхода. В такие минуты ей нужно было на кого-нибудь сорваться, выплеснуть свою горечь и ярость, и она инстинктивно стала подыскивать жертву.

Вот только пересмешники боги решили еще раз подшутить над гневливой аристократкой. Видимо, им мало было ее утреннего злключения.

До блеска натертые мозаичные полы еще не просохли от влажной уборки и скользили. К тому же подошвы сандалий молодой патрицианки были измазаны грязью, глиной и еще одной субстанцией, оставленной на поле крестьянской коро- вой. Весь этот набор почв и животных выделений явно не способствовал устойчивости при ходьбе на идеально глад- кой поверхности. Поэтому результат не заставил себя ждать. Аврелия поскользнулась, растянувшись на полу с отбитым копчиком. Атриум огласили вой и проклятия. На помощь своей госпоже поспешили служанки и толстая ключница.

Стонущую от боли хозяйку подняли и попытались увести

в покой. Кто-то позвал врача. Ключница причитала и охала, что вызвало еще больший припадок злости у Аврелии. Она что было мочи отвесила толстухе пару пощечин, а потом накинута на рабынь. На крик и шум сбежалась вся челядь и гости, в лице Квинтилии Цетег.

-Надо срочно сделать примочку, - заявила Квинтилия.

Аврелия бросила на кухню ненавидящий взгляд, захотев сказать какую-нибудь гадость, но сдержалась. Лишь скривилась в натянутой улыбке.

-Вторая потеря лица за день... Нет, это уже слишком, за такое кто-то должен ответить, - промелькнула мысль в ее голове, - иначе я не успокоюсь. К тому же весь этот подобострастно причитающий двуногий скот в душе смеется надо мной. Я этого так не оставлю, наказание послужит им наглядным уроком. Остается только назначить «виновных».

Аврелия обвела окружающих ее людей недобрым взглядом, остановившись на управляющем.

Она увидела, как он сжался и напрягся подобно пружине, готовый выполнить любой приказ, лишь бы отвести от себя беду.

-Кто осматривал перед поездкой мою колесницу? - сухо и почти бесстрастно спросила молодая патрицианка.

Этот ее ровный и спокойный тон не предвещал ничего хорошего.

-Как всегда, госпожа, старший конюх и его помощник... - пролепетал управляющий.

Аврелия кивнула и, уставившись на управляющего, произнесла:

-Старшего конюха выпороть плетьюми, а помощника - распять на обочине дороги у въезда в поместье. Пусть умирает медленно, он хотел убить меня.

Управляющий кивнул, губы его дрожали, он хотел было идти выполнять ее страшный приказ, но Аврелия властным жестом остановила его.

-Это еще не все: приведи сюда девку, натиравшую пол в атриуме.

Аврелия побоялась наказывать смертью старшего конюха: во-первых, он стоил изрядных денег, а во-вторых, пользовался расположением отца. Родитель не был бы доволен поступком дочери, что же касается его помощника и какой то девки-поломойки, то их смерть не повлечет гнева главы семьи, а урок двуногому скоту будет наглядный.

Пока Аврелия мысленно рассуждала о своих решениях, два крепких надсмотрщика притащили слабо упирающуюся молодую рабыню. Темноволосую, стройную, от природы красивую девушку, но уже носящую на себе отпечаток невыносимой жизни, на которую ее обрекла судьба.

Аврелия бросила презрительный взгляд на рабыню и, ткнув в несчастную пальцем, с издевкой в голосе произнесла:

-Посмотрите на эту неблагодарную тварь, мой отец приютил ее под нашей крышей, кормил и одевал. А чем она отплатила? Своей небрежностью и ленью, подвергнув мою

жизнь, жизнь вашей госпожи, опасности. Это недопустимо.

Потом демонстративно нахмурила брови и сердито посмотрела на управляющего и ключницу. Те всё поняли правильно. Ключница, дородная толстая женщина, не раздумывая, схватила за волосы несчастную рабыню-поломойку и повалила ее на колени перед хозяйкой.

-Прости прощения, дрянь, - зашипела ключница, - а то госпожа прикажет тебя распять, как конюха.

Рабыня задрожала всем телом и стала лепетать что-то нечленораздельное, язык у нее заплетался от ужаса. Она поняла, что сейчас она в полной власти этой взбалмошной и вздорной самодурки, чудовища в женском облиции.

-Прости глупую рабыню, госпожа, - донеслось до ушей Аврелии.

Мольбы несчастной лишь раззадорили аристократку.

-Если просит прощения, то виновата, а если виновата, то нужно жестоко наказать. Показательно наказать. Распять вместе с конюхом? Ну, нет, это слишком банально. Запороть? Тоже нет, слишком быстро. Нужно что-то такое, чтобы это видели все рабы от домашних служанок, до последнего пастуха или скотницы. Что?

Внезапно извращенный разум Аврелии посетила идея, от которой ее злобная натура пришла в восторг. Лицо аристократки озарилось зловещей улыбкой. Обычно от такой ухмылки все домашние слуги приходили в ужас.

-За покушение на мою жизнь и здоровье, неблагодарная,

тебя следовало бы наказать смертью, но я сегодня милостива, ибо боги-покровители спасли меня от неминуемой гибели. Поэтому ты получишь шанс на жизнь, никчемное существо.

По толпе слуг прошел вздох облегчения, но уже через секунду сменился животным страхом от господского приговора.

-Я решила предать тебя в руки богов, пусть они решат жить тебе или умереть.

И обратившись к вилику приказала:

-Залей ей в горло соленый рыбный соус и прикуй к позорному столбу на солнцепеке. Воды не давать и не кормить три дня. Если выживет - заклеить лоб и навечно приковать к мельничному жернову.

Неожиданно приговоренная рабыня вскинула голову и, посмотрев на свою мучительницу взглядом выразительных серых глаз, четко произнесла:

-Будь ты проклята, пусть боги отправят в Гадес весь твой род и твоих холуев.

Аврелия отшатнулась, не ожидая услышать такого от рабыни, но очень быстро взяла себя в руки и рассмеявшись добавила:

-Если выживет, перед отправкой на мельницу отрежьте ей дерзкий язык.

Решение было принято, и волна гнева, схлынув, уступила место боли в отбитом копчике. Аврелия, поддерживаемая одной из горничных, двинулась в сторону терм.

Квинтилия пришла в ужас от диких и ничем не оправданных по своей жестокости приговоров ее кузины. От природы, обладая куда более мягким и терпимым характером, чем ее родственница, Квинтилия росла на лоне природы в имении своего отца под присмотром кормилицы и ученого грека- философа, выписанного из столицы.

Будучи приверженцем новомодного культа Астреи, богини справедливости и порядка, философ привил своей ученице определенную долю гуманизма и милосердия к низшим существам типа животных и рабов. Квинтилия считала, что с последними нужно обходиться мягче и строгость наказаний должна соответствовать из проступкам. Она отнюдь не была против рабства. Ведь оно, как и все остальное в этом мире, ниспослано людям богами и только им решать: кто достоин свободы, а кто обречен влачить жизнь тяглового скота. Однако несправедливость в культе Астреи была непозволительна, так как влекла за собой гнев небожительницы и воздаяние от ее сестры богини Немезиды.

Поэтому Квинтилия твердо решила поучаствовать в судьбе приговоренной к ужасной участи девушки.

День пролетел быстро, к вечеру окончательно Аврелия успокоилась и даже пришла в веселое настроение. Инцидент с колесницей стал для нее захватывающим приключением. Ведь не каждый человек смог бы пережить такое. Точно боги или лары предков хранили ее от бед и напастей.

За ужином , поглощая мясо перепелки и запивая ее густым сладким вином, она сказала своей кухне:

-Квинтилия, дорогая, не забудь мне напомнить о нашей завтрашней поездке в храм Юноны - покровительницы нашего рода. Нужно отблагодарить богиню за мое чудесное спасение. Надеюсь, ты не откажешься составить мне компанию.

-Да, конечно, о дорогая кузина, но позволь тебе напомнить, что я бы не хотела совершать поездку в храм на колеснице и предпочла бы лектику.

-Увы, любезная Квинтилия, в этот раз ты полностью права. Я прикажу подать нам носилки и изрядное количество подушек, - засмеявшись, ответила Аврелия.

Видя благодушное настроение своей родственницы, Квинтилия решила попросить Аврелию смягчить приговор несчастной девушки.

-Какой девушки? - удивленно вскинулась Аврелия, отрывнув винные пары.

Она уже хорошо набралась, выпив почти целый кувшин великолепного косского вина. Потом, вспомнив, спросила. - А к чему я ее там приговорила?

Услышав ответ, Аврелия дернула плечом и ответила:

-Да, я немного погорячилась. Три дня без воды - это слишком, пусть будет два дня, но об остальном даже не проси - заклеить и на мельницу, всё одно там долго не протянет.

Попытка возразить Аврелии натолкнулась на глухую сте-

ну непонимания.

-Давай прекратим эту бессмысленную дискуссию, дорогая кузина, я все решила, лучше скажи мне: это правда, что твоя кормилица ведьма?

Небесный бег светила подошел к концу, и солнце скрылось за морем. Поместье Аврелиев, как и весь окружающий мир, погрузились во тьму. Надсмотрщики загнали в эргастул и бараки полевых рабов, в господском доме погасли огни, и лишь в хлеву время от времени мычала чем-то обеспокоенная скотина.

Боги послали безлунную и темную ночь, небо заволочло густыми тучами, начал накрапывать мелкий дождь. Охранявший двор сторож предпочел забраться под крышу навеса и, пригубив из заветной фляжки неразбавленного виноградного пойла, уснул, закутавшись в шерстяной плащ.

Измученная жаждой и жарой девушка у позорного столба постаралась задрать повыше голову, насколько позволял ей железный ошейник, и стала ловить ртом редкие капли. Как назло, дождь прошел стороной, природа лишь поманила несчастную надеждой и, посмеявшись над ее страданиями, отогнала тучу в сторону моря.

Тем не менее, с наступлением ночной прохлады ей все-таки стало полегче: прошла изнуряющая жара, да и желудочный спазм, вызванный соленым рыбным соусом, тоже по-утих.

Днем, в первые часы у стояния у столба, она попыталась покончить с собой, стучаясь затылком о жесткую древесину, но «добрый» управляющий при виде ее попыток приказал обмотать столб плотным войлоком в районе ее головы.

-Хочешь сбежать в Гадес, голубка, - елеиным голосом произнес он, - не получится! Сначала придется помучиться, такова воля госпожи.

У приговоренной не было даже сил плюнуть в его наглую, слащавую рожу, и она лишь злобно сверкнула глазами.

После полудня она впала в беспамятство и полную апатию ко всему происходящему. Перед глазами поплыли радужные круги, и ей стало казаться, что она совсем в другом месте, перед ней, словно в бредовом калейдоскопе, пронеслась вся ее недолгая, безрадостная жизнь.

Она не всегда была рабыней в этом поместье, но никогда не видела свободы. С детства, сколько себя помнила, ей помыкали и приказывали чужие люди, распоряжавшиеся ее судьбой и жизнью по собственной прихоти.

Когда-то она имела даже имя, или точнее постоянную кличку- «Аристоника», и была звездой городских ярмарок, демонстрировавших женскую плоть, на площади Пяти углов, в самой Румелии. Она танцевала на руках среди мечей, среди бритвенно-отточенных лезвий в усладу похотливой столичной толпы и в угоду кошелька своего хозяина. Так было до того злосчастливого вечера, когда танцовщица получила травму руки, после чего не смогла больше совершать рискован-

ные для жизни кульбиты и прочие акробатические трюки.

В тот раз хозяин борделя Поркус Марлен заставил ее ходить на руках среди мечей с завязанными глазами и заработал на этом выступлении кучу денег, принимая ставки. А когда она получила травму, отправил обслуживать клиентов, как обычную шлюху, в своем лупанаре.

Здесь ей второй раз крупно не повезло. Одним из клиентов стал азартный купец, поставивший на ее смерть во время последнего выступления приличную сумму и потерявший свои деньги. Он был жестоким и злопамятным человеком, решившим отомстить беззащитной рабыне.

Она помнила, как он сразу заявил содержателю борделя, что за «порчу товара» заплатит двойную компенсацию и потребовал плетть в комнату для свиданий.

Поркус не возражал, лишь пожал плечами, и приказал связать ей руки. Для него она была лишь товаром, куском мяса, отработанным материалом не более. Такова была благодарность хозяина за всё те деньги, которые она ему принесла.

Подонки, купивший ее тело на несколько часов, наверняка бы ее искалечил, но Аристонике удалось спастись. Клиент был сильно пьян, и жертва, сумев освободиться от пут, ударила его подсвечником по голове. Насмерть. Это был приговор для нее, крест - в прямом и переносном смысле. По законам Румелии раб, убивший свободного человека, подлежал распятию, исключений не делалось.

Когда под утро Поркус обнаружил труп, то понял, что репутации его заведения может прийти конец, поэтому вовремя подсуетился, избавившись от тела и следов крови. Труп купца нашли в сточной канаве на соседней улице со следами ограбления. Что делать - и такое бывает... Ну, а от Аристоники избавились иным способом. Девушке неровно обрезали пышные волосы, одели в грязную дерюгу и отвели на рынок живого товара.

Поркус приказал продать ее на рудники за небольшие деньги лишь бы побыстрее. Там бы она не протянула и года.

Однако на этот раз боги отсрочили ее конец. Управляющий дома Аврелиев оптом покупал женщин для работ на вилле. Надсмотрщик, отведший девушку на рынок, пожалничал и пристроил ее к партии этих рабынь, за невольницу для рудников ему дали бы вполровину меньше. Естественно, не рассказав ничего своему хозяину.

Так что он долго пропивал разницу, полученную от ее продажи, в дешевых кабаках столичного предместья. Впрочем, узнай это, Аристоника вряд ли была бы против.

Почти три года она жила у Аврелиев, как рабочая скотина, знающая только две вещи в жизни: отупляющую работу и сон на соломе, ах да, еще побои, оплеухи, кличку «эй девка» - и всё это за две миски ячменной каши в день.

И вот чудом уцелевшая после встречи с острым клинком, избежавшая страшной смерти на кресте, она умирает здесь, у позорного столба, на хозяйственном дворе виллы, между

баракком для говорящего скота и хлебом для скота мычащего. А ведь ей всего-то двадцать лет и очень хочется жить.

-Жить, - при этой мысли она инстинктивна рванулась вперед, что лишь усилило ее страдания. Веревки еще сильнее врезались в тело и зазвенела цепь ошейника,

- Боги, если вы есть, пусть будут прокляты мои хозяева, пусть эта стерва Аврелия не переживет этой ночи, и пусть Поркус Марлен закончит свою жизнь в сточной канаве!

Аристоника почувствовала, как незначительный прилив сил, дарованный ночной прохладой, начинает заканчиваться и вновь подступает дурнота. От боли раскалывалась голова, а главное – неимоверно, невыносимо хотелось пить. Она бы отдала всё за глоток воды, но у нее ничего не было, даже ее жалкая жизнь не принадлежала ей, и оставалось только ждать смерти.

В полузабытии она не услышала легкие шаги, тихо ступающие по плитам двора, и не смогла различить очертания женской фигурки, закутанной в темный плащ. Аристоника очнулась лишь тогда, когда чья-то рука осторожно убрала спутанные пряди волос с ее лица и поднесла кувшин с водой к потрескавшимся губам.

Несчастливая не могла поверить в случившееся.

-Вода, целый кувшин!

Она жадно припала ртом к горлышку и, не отрываясь, пила и пила...

Наконец, утолив первоначальную жажду, Аристоника

подняла глаза на свою спасительницу.

Она узнала ее, это была Квинтилия Цетег.

- Это ты, госпожа ? - с трудом произнесла рабыня, удивленно посмотрев на аристократку, - Спасибо тебе, да хранят тебя боги...

Квинтилия сняла капюшон плаща со своей головы и словно ребенку наставительно произнесла:

- Аврелия поступила с тобой несправедливо, а несправедливость влечет за собой гнев богини Астреи, моей покровительницы. Твоя госпожа смягчилась, ты прстоишь у столба только два дня.

- Чтобы потом умереть, надрываясь на мельнице, - горько усмехнулась Аристоника, - богам видно плевать на таких как я.

- Не гневи богов, они предначертали твою судьбу, и ты должна принять ее как должное. Твой удел быть рабыней, усердно трудиться, преумножая богатство своих господ, и молить богов об их благополучии.

- Молиться за Аврелиев - никогда, но я готова молиться за тебя, дай мне еще воды.

Квинтилия поднесла к ее губам кувшин, и Аристоника осушила весь кувшин до последней капли.

- Ты дерзкая и злая на язык, - заметила Квинтилия.

- Это будет скоро исправлено, они мне его отрежут.

- Значит на то воля богов, - заявила Квинтилия с холодностью и без тени сочувствия, - прощай, рабыня.

-Прощай, госпожа, если представится возможность, я отплачу тебе добром.

- Ты? Ну это вряд ли, - усмехнулась Квинтилия и шагнула в темноту ночи.

Усмешка аристократки и усмешка Немезиды

Горст напряженно всматривался в темнеющий неподалеку берег и белую пенную полосу прилива.

-Что ты там высматриваешь – спросил подошедший Хельб, - русалок?

-Нет, прикидываю, где лучше начать высадку.

-Ну, так Шрам с Марданом уже все решили: прямо на пляже рыбацкой деревни, они нас не ждут.

-Да, это основная группа десанта, но у меня особое задание от наварха.

-От Мардана?

-От него самого .

-Что за задание?

-Перекрыть путь к бегству румелийских собак из поместья .

- Мардан все не может успокоиться, крови жаждет, - поморщился Хельб.

-Ты же знаешь, после той ночи в Астрии он дал обет не брать в плен румелийцев даже за выкуп.

-Я считаю, это неправильно - деньги всегда деньги.

-А ты что забыл, как был рабом, прикованным к веслу, -

спросил Горст.

-Мы были рабами «Берегового братства»... - ответил Хельб

-А кто тебя им продал? Пираты из «братства» сейчас союзники Румелии, а мы служим ассанидам, - напомнил Горст.

-Мы служим сами себе, а ассаниды нас используют, - парировал Хельб.

Сзади раздались тяжелые шаги в грубых калигах, и хриплый голос, принадлежащий Шраму, приказал:

-Хватит болтать, готовьтесь к высадке. Хельб, пойдешь со мной, Таб, иди сюда.

Таб, крепкий аксумский негр огромного роста, вышел из тени, закутанный в темный плащ.

-Да, вождь, - Таб кое-как говорил на смеси греческого и румелийского языков с ужасным акцентом, но, слава богам, его понимали. В остальном это был сильный и свирепый воин, командир абордажной группы флагмана пиратской флотилии.

-Таб, понял задачу? Повтори.

-Я захожу с моими воинами на окраину деревни к холмам, прятаться и ждать. Ты нападать на деревню с юга и гнать их на меня. Пугать их и жечь дома, я хватать и убивать. Как на охоте.

-Не всех, - напомнил Шрам.

-Я знаю, вождь, Таб не дурак.

-Конечно, не дурак, глупец бы не стал командиром, -

Шрам оскалился обезображенным ртом и хлопнул негра по плечу.

-Теперь ты, Горст. На тебе и твоих людях поместье, вы должны окружить его, чтобы ни одна муха не проскочила. Они наверняка пошлют за подмогой в ближайший городской гарнизон.

-Они не ждут нашего удара здесь, вождь. Мы никогда не атаковали их западное побережье, всегда нападая с востока.

-Да это так, но надо быть осторожными и после налета сразу уходить с добычей на юг на соединение с основными силами эскадры. Эти воды для нас чужие.

-Можно подумать, что где то есть свои, - вздохнул Хельб.

Шрам бросил на него недовольный взгляд, но промолчал.

Пиратская флотилия из пяти кораблей во главе с двумя большими триерами «Нимезидой» и «Симургом» под командованием Мардана и Шрама отделилась от основных сил пиратского флота шахиншаха и пошла вдоль западного румелийского побережья. Это был новый маршрут ассанидских корсаров на службе царя царей.

После восстания и побега из порта Астрии Мардан - ассанидский аристократ и имперский офицер по особым поручениям - привел к присяге шахиншаху толпу беглецов. Военнопленные и каторжники стали в одночасье пиратской братией на службе царя царей. Те, кому нечего было терять, вдруг получили шанс обрести славу и богатства под знаменами империи. От них требовалось лишь соблюдение дисциплины.

плины и безумная удаль.

Последней у этой вольницы было хоть отбавляй. Страху не было - отбоялись. Впереди их ждала смерть в бою, в волнах или на кресте. Поэтому всё награбленное спускалось в портовых тавернах на выпивку, девок и игру в кости. Жили одним днем, от добычи до добычи.

Что же касалось дисциплины на пиратской эскадре, то она была как на военном флоте. Конечно, не сразу, но с помощью своих помощников, Шакира, Бакра и особенно капитана Азада, Мардан навел ее железной рукой, повесив полсотни бунтарей. Шрам не возражал, скорее наоборот: он - в прошлом бывший румелийский наемник, приговоренный к смерти, бывший галерный раб и главарь бунтовщиков - хорошо знал, что такое дисциплина. Но еще лучше усвоил истину - кто платит, тот и заказывает музыку. Ассаниды не платили, но они укрывали пиратов в своих гаванях, скупали награбленное, поставляли оружие и предоставляли защиту. Без всего этого затея Мардана с морскими набегами была бы обречена на провал.

Шахиншаху это тоже было выгодно: потерпев тяжелейшие поражения на суше от румелийской армии, вооруженной страшным громовым оружием, он заключил с республикой невыгодный «вечный мир» и стал готовился к новой войне.

Мир был холодным и формальным, с постоянными провокациями на границе, налетами на купеческие караваны и пи-

ратскими рейдами подкупленных или нанятых моряков уда-
чи.

Одним козырем в этой негласной войне стал флот Марда-
на.

-Всё. Вон сигнал с «Симурга», готовьте лодки начинаем
высадку, - отдал команду Шрам.

На «Немезиде», как и на «Симурге», было по две большие
лодки, вмещавшие в себя по десять воинов. Их экипажам
предстояло пресекать попытки побега или прорыва, блоки-
руя селение. Сразу после высадки они должны были подать
световой сигнал.

По их знаку основной десант не таясь войдет в гавань ры-
бацкой деревни и начнет атаку. Сопротивления не предпо-
лагалось.

Спланированную операцию разыграли, как по нотам.
Увидав сигналы с берега, две остроносые триеры, вспенив
прибрежную полосу, уткнулись своими носами в желтый пе-
сок рыбацкого пляжа.

Ночь огласилась жуткими боевыми кличами нападавших.
-Марга, убивай!

Воинский клич ассанидской империи был продублирован
боевым рогом, вселившим ужас в мирно спящий поселок.

Атака была стремительной, большинство жителей ничего
и не успели понять. Люди выбегали из своих жилищ, ища
спасение или укрытия, но спасения не было. Бессмысленное
метание полуголых, напуганных селян быстро пресекалось

налетчиками. Пираты с факелами поджигали хижины рыбаков, их снасти и лодки. Это еще больше усилило смятение.

Те немногие «счастливики», кому удалось вырваться из охваченного паникой и огнем поселения, устремились к поросшим лесом холмам, где их уже ждали люди Таба.

Уйти удалось единицам.

Почти все уцелевшие жители рыбацкой деревушки оказались согнанными на поселковую площадь перед алтарем богам моря. Увы, боги морской стихии, обычно щедро делящиеся уловом с рыбаками, сегодня были глухи к их мольбам.

За двумя боевыми триерами пиратов следовало три транспортных парусника. Именно их командам предстояло заняться пленниками: произвести сортировку и отбраковку живого товара, отобранных к продаже загнать в трюмы, а остальных пустить под нож. Таков был приказ Мардана.

Пока ассанидский аристократ, а ныне командующий пиратского флота, распоряжался в обреченном поселке, Шрам продолжил атаку.

Под его командой, налетчики направились в сторону имения.

Горст занял выгодную позицию на дороге, ведущей от виллы Аврелиев в сторону ближайшего города.

-Смотри, они слышали крики в поселке и всполошились, - показывая пальцем в сторону поместья, сказал Бык (крепкий парень, но изрядный выпивоха и бабник), - сейчас по-

шлют за подмогой.

-Всем приготовиться. Бык, натягивай веревку, да выше натягивай, чтобы на уровне груди, а то весь удар на лошадь придет.

Пираты привязали тонкий прочный канат к одному из деревьев на обочине и протянули его через дорогу, набросив другой конец веревки на противоположное дерево.

-Готово, Горст, теперь никто не проскочит, может оставим здесь пару- тройку парней, а сами пойдем по поместью погуляем, развлечься больно охота.

-Сиди - жди, перехватим гонца и развлечешься, - отрезал Горст.

Бык вздохнул и уставился в темноту ночи.

Впрочем, ждать долго не пришлось: на дороге раздался топот копыт и из-за поворота показался одинокий всадник, явно спешивший с тревожной вестью.

-Натягивай веревку, - скомандовал Горст.

Канат натянулся, как струна, и гонец пробкой вылетел из седла, сломав себе шею. Испуганного конька подхватили под уздцы чьи-то сильные руки, остановив его бег.

-Ну, а теперь можно и погулять, - усмехнувшись, произнес Горст. – Веселей, ребята!

Они прибыли на виллу в числе первых и сразу вломились в хозяйские покои, слабое сопротивление нескольких деморализованных охранников и слуг было сломлено в считанные минуты.

Миновав залитый кровью атриум, Горст с товарищами молнией влетел в триклиний и под истошные визги слуга-нок сорвал со стола шелковую скатерть, сделав из нее подобие узла.

-Все серебро сюда, парни! Веселее! Бык, да оставь ты деву-ку, никуда она не денется, связал и пусть лежит, канделябры забирай! Что ты стоишь?!

Бык отодрал от лепнины серебряный подсвечник, потом еще один и принялся выковыривать самоцветные глаза ка-кой-то мраморной статуе, изображавшей то ли богиню, то ли нимфу.

-Ты бы остерегся, - со страхом в голосе произнес один из налетчиков, хватаясь за оберег, - а то навлечешь на себя гнев... - он кивнул на статую, но Бык лишь скривился:

-Я в нее не верю, у меня собственные боги.

-Ну, как знаешь, - пожал плечами его напарник и боязливо отошел в сторону.

Вскоре с триклинием было покончено, и Горст приказал двигаться дальше.

По дому уже вовсю сновали вооруженные пираты, то тут то там слышалась брань, женский визг и крики, чей-то плач и проклятия.

Под дикое гикание и гогот четверо парней из команды Шрама вышибали скамьей крепкую дверь, окованную ме-дью. При каждом ударе импровизированного тарана слы-шался мелодичный звон металла и потрескивание дерева.

-Горст, помоги нам, там, похоже, хозяйева закрылись! Не поддаётся проклятая дверь!

-Да, похоже скамьей ее не взять, - скривил рот Горст.

-Зачем скамьей, там же статуя есть каменная, - напомнил всем Бык, - ну та, что я зенки выковырял, давай ее попробуем.

Идею поддержали, и вскоре каменное изваяние неведомой богини превратилось в таран.

С ним дело пошло веселее. После пятого удара створки, наконец, поддались и, видимо, треснул запорный брус.

-Наддай, ребята, еще немного и всё.

Аврелия с Квинтилией, кормилица и домашние рабыни во главе с толстой ключницей заложили запорным брусом дверь в хозяйские покои, рассчитывая отсидеться до прихода помощи.

-Стаскивайте всю мебель к дверям, быстрее, шевелитесь, мерзавки, или хотите, чтобы вас поимела толпа грязных варваров, - кричала Аврелия на служанок.

Только сейчас ее ругань и крики были неуместны, потому что всё, что можно было сдвинуть или подтащить к дверям слабыми женскими руками, было уже придвинуто и подтащено к проходу. В результате их усилий створки были надежно забаррикадированы.

Оглядевшись вокруг, Аврелия поняла, что большего сделать невозможно и, развернувшись, кинулась в таблиниум

отца. Сенатор был страстным охотником, и стены его кабинета украшали головы и шкуры зверей, но сейчас Аврелию меньше всего занимали охотничьи трофеи родителя. Она сорвала закрепленные на стене охотничьи дротики и длинный кинжал с ухватистой рукояткой.

С этим оружием дочь сенатора и встретила разъяренную толпу пиратов, вломившихся в ее покои.

Аврелия, конечно, не была воином, но она росла в семье румелийского патриция, где отец и два старших брата командовали легионами. К тому же братья иногда брали ее с собой, на охоту. Поэтому первый бросок легкого охотничьего дротика пришелся точно в цель: здоровенный пират, вооруженный длинным топором, упал с пробитым горлом, захлебываясь кровью. Однако второй бросок был менее удачен, дротик лишь оцарапал руку одного из нападавших.

-Румелийская сучка, - раненый пират взревел от ярости и метнул свое копье в ответ.

В ту же секунду в грудь Аврелии вонзился тяжелый длинный наконечник, она вскрикнула, но ее крик перешел в предсмертный хрип, и свет померк в глазах дочери сенатора.

Озлобленные потерей товарища налетчики походя закололи толстую ключницу и старую кормилицу Квинтилии. Вслед за ними в загробный мир отправилась и одна из служанок.

Самой Квинтилии и одной из рабынь повезло больше: еще перед тем, как рухнула баррикада, они забились под огром-

ную широченную кровать в хозяйской спальне и затаились под ней.

-Сиди тихо, может, нас не заметят, - прошептала Квинтилия служанке и сама от страха зажала себе рот ладонью.

Они хорошо слышали, как разговаривали мужчины, как зазвенела опрокинутая ваза и как кололся бесценный синский фарфор.

-Варвары, - подумала Квинтилия, - грязные варвары.

Но ее возмущение ушло на второй план перед страхом, когда в комнату, где они прятались, вломилось несколько налетчиков.

-Здесь, похоже, никого нет, - произнес один из них на ломаном греческом, точнее на койне-суржике этого языка, понятном многим торговцам, морякам и, как выяснилось, пиратам. Серидиноморский суржик - адская смесь румелийских, финикийских слов и выражений, положенная на базовую основу греческого, - был прост, примитивен, но понятен народам Внутреннего моря.

-Нет, так нет, - ответил второй голос, - но эта кровать подойдет для погребального костра.

Убитым пиратом оказался Бык. Видно, не зря его предупреждали о мести богини, над чьей статуей он изощренно поглумился.

Бык был уважаемым бойцом и командиром десятка, по-

этому пираты постановили воздать ему почести в виде погребальной кремации.

С этой просьбой пиратская «братва» обратилась к Шраму. Предводитель не возражал, лишь потребовал, чтобы всё было быстро, без излишних ритуалов.

Соратники убиенного решили соорудить костер из мебели, водрузив на его вершину хозяйское ложе.

-Хорошая мысль, лучше и не придумаешь: Бык уйдет к своим предкам ,как царь, возлежа на сенаторской кровати, - сказал один из пиратов.

Остальные подхватили идею и пошли разламывать мебель для церемонии.

-Надо бы еще жертвы принести и покамлать перед богами. Кто знает, в каких богов верил Бык? - спросил кто-то.

-Бык верил в собственную удачу и боевой топор, - глухо ответил Горст, - а жертвы, жертвы будут. Там управляющий и пара надсмотрщиков, тащите их сюда.

-Так еще бы девку какую, чтобы Быку слаще было на небесах среди предков... - не унимался один из пиратов, - давайте еще девку...

Неизвестно, чем бы всё закончилось, но в дело вмешался Шрам. Вождь налетчиков никогда не отличался гуманизмом, но имел рациональное мышление и всегда был противником бессмысленного забоя «живого товара». Он считал, что за румелийцев можно и нужно было бы получить выкуп, в отличии от Мардана, у которого уничтожение румелийской

верхушки и ее приспешников вошло в своеобразный религиозный культ. Шрам подходил к таким вопросам с гибкостью и расчетом, когда мог себе это позволить. Увы, в большинстве случаев такого не происходило, Мардан был главным навархом флота и последнее слово всегда оставалось за ним.

-Всё, хватит с него жертв, вон патрицианка, та что его убила, ее тело на костер вместе с Быком возложите, она ему послужит как наложница и рабыня в загробном мире.

-Точно, - заревели пираты, - пусть отправляется с Быком в загробный мир и служит ему там!

-Вождь, ты мудр, лучше и не придумать. Тащите сюда кровать!

Четверо пиратов вошли в сенаторскую спальню и, бесцеремонно сорвав балдахин, подхватили широченное ложе хозяина, потащив его к выходу. Каково же было их удивление увидеть под кроватью еще и двух насмерть перепуганных девушек.

-Ой, смотрите кто здесь спрятался, - с деланной издевкой воскликнул бородатый детина, пнув ногой Квинтилию, - на выход, красавицы, прятки закончились, сейчас будем играть в другие игры.

Шутка вызвала смех. Девушки растерянно смотрели на налетчиков, не зная, что от них ждать.

-Поднимайтесь, - приказал бородатый и схватил девушек за волосы, заставив встать на ноги, потом грубо подтолкнул их в спину.

-На выход, быстрее , а то отведаете моих кулаков.

Квинтилия и служанка не сопротивлялись, страх давно подавил их волю, и они послушно двинулись к двери.

Выйдя во двор, Квинтилия стала свидетельницей ужасной сцены: к погребальному костру пираты притащили избитого и упирающегося управляющего имением, а вслед за ним еще двух слуг. В них она едва узнала надсмотрщиков, у одного вместо лица была кровавая маска, другой из них был ранен.

Всех троих поставили на колени перед грудой мебели, водрузив сверху senatorскую кровать, на которой покоилось два тела : пирата огромного роста, держащего в мертвых руках боевой топор, и... ее убитой кузины.

Тело Аврелии положили в ноги погибшего, как бы символизируя ее зависимое положение от мертвого воина в предстоящем «путешествии» в загробный мир.

-Хорошо смотрится поверженная румелийская аристократка в ногах Быка... - заявил Горст и, кивнув на стоящего на коленях поместного администратора и его помощников, скомандовал:

-Приступайте!

В тот же миг все трое, подобно жертвенным животным, были заколоты под дружные крики, прославляющие разноплеменных неведомых богов.

Гора ломаной мебели и кровать, превратившаяся в одночасье в погребальное ложе, были обильно политы маслом, и когда их подожгли - занялись быстро. Огонь, лизнув пропи-

танную древесину, вмиг превратил все в горящий факел.

Впрочем, Квинтилия и ее подруга по несчастью этого не увидели - их погнали к толпе связанных пленниц.

По дороге Квинтилия упала и измазалась в грязи. Возможно, это обстоятельство, да и еще то, что она была в домашней тунике и босиком, спасло ей жизнь. Именно в таком виде она прошла мимо самого страшного для нее человека - наварха пиратского флота Мардана.

Она с ужасом услышала его приказ:

-Всех румелийских господ, кого найдете, распять или сжечь живьем.

-Наварх, румелийцев в живых не осталось. В имении была только дочь хозяина, но она погибла... - доложил один из помощников главаря пиратов.

-Жаль, ну что же, для устрашения у нас, хвала богам, остался староста деревни и его сыновья. Распните их.

-Сделаем, наварх, а что делать с остальными деревенскими?

-Молодых присоедини к рабам с виллы и гоните на корабли, а остальных... - Мардан сделал жест, не оставляющий сомнений. Потом повернулся к толпе служанок, пригнанных из господского дома, и девушек-рабынь с хозяйственного двора. Он хотел их рассмотреть поближе, но что-то отвлекло его внимание.

Квинтилия сжалась от страха, внутри ее всё похолодело, внезапно на ее плечо легла чья-то рука и дернула ее в глубь

толпы пленниц.

-Стой тихо и молчи, - произнес над ухом знакомый голос. Она узнала девушку у позорного столба.

Квинтилия замерла от ужаса, впад в оцепенение.

-Не бойся, - прошептала рабыня, - я тебя не выдам, просто слушайся меня и останешься жить. Когда будет сортировка, скажи, что ты домашняя служанка и занимаешься косметикой. Разбираешься в косметике?

-Да, немного, - тихо ответила Квинтилия.

-Вот и хорошо, - проведя ей рукой по волосам, ответила рабыня.

-Словно ребенка, - подумала Квинтилия. Наверняка, она была бы готова обидеться от такой фамильярности от столь низкого существа, но сейчас предпочла промолчать.

Раздались отрывистые команды и свист бича, погнавшие сбившееся в кучу людское стадо к берегу.

Пленницы думали, что их будут сортировать , но они ошиблись: их просто разбили на десятки и, наспех сковав друг с другом, загнали в трюм грузового корабля.

Так у Квинтилии началась новая жизнь.

Глава первая

Вынужденное решение

Совет заседал уже второй час. Гней Порций за сегодняшний день подписал уже кипу документов, в основном касающихся неотложных дел по выделению средств на ремонт до-

рог и акведука, реконструкции портовых сооружений и расширению сети светового телеграфа-гелиографа.

О последнем старый сенатор пекся особо - благодаря разветвленной системе гелиографических башен правительство в столице могло получать сведения из самых отдаленных уголков государства максимум за три дня. Ну, если, конечно, позволяла погода. Световые сигналы и специально придуманная к ним азбука доставляли послание в десятки раз быстрее любого гонца.

-Нам надо открыть еще две школы гелиографистов в провинциях, специалистов катастрофически не хватает, - высказал свое мнение Головачев .

-Ну, мы предприняли ряд мер по улучшению связи и обучению персонала, открыв в каждом легионе курсы по гелиографии ... - начал было бывший лейтенант-танкист, а ныне префект транспорта и связи Смирнов. Его вызвали на совещание Высшего Верховного совета с докладом о развитии коммуникаций и механизации транспорта.

Ну, если с первым Сергей Смирнов еще как-то справлялся, то со вторым - проблемы росли подобно снежному кому, и это была не его вина. Прежде всего, упор делался на речной транспорт, как наиболее дешевый и доступный с точки зрения механизации. «Промышленность» в виде производственных эргастериев и фабрик давала по шесть слабеньких паровых двигателей в год, а установка их на речные барки была делом сложным и не быстрым. Сейчас по рекам и в

каботажном плавании бегало восемь небольших пароходов, таскающих за собой баржи, еще два стояло в ремонтных доках.

Смирнов жаловался, что последнее время все имеющиеся запчасти к паровым двигателям, особенно клапана, уходят в горнорудную промышленность для насосов по откачке воды из шахт.

-Ой, опять плач Ярославны, - по-русски сказал Головачев и, перейдя на румелийский, добавил, - нам известно об этих проблемах, но ни лишних клапанов, ни цилиндров я тебе не рожу, ты лучше экономней используй ресурс. Там где можно по течению - своим ходом или на парусах, а уж против течения - на двигателе.

-Мы и так экономим, мне в прошлом месяце пришлось купить пять сотен бурлаков из числа военнопленных, но легче от этого не стало. К ним еще конвой нужен, да идохнут они быстро...

Кириллов, слушавший их диалог, поймал себя на мысли о том, как они изменились. Вот Сергей Смирнов, вчерашний комсорг, почти политрук, еще недавно призывавший к отмене рабства, по прошествии трех лет цинично рассуждает о местных как о тягловых животных, словно они скотина. Да, «бытие определяет сознание», поистине лучше не скажешь.

-Ты бурлаками не прикрывайся, - перебил его Головачев, - я сам видел, как два капитана устроили гонки по реке на вверенных им пароходах, так никакого ресурса не хватит.

-Они уже наказаны, и такое больше не повторится, Виктор Сергеевич... - ответил Смирнов.

-Не повторится, посмотрим, - буркнул бывший кавторанг, а ныне сенатор и член верховного совета.

-А что если вместо бурлаков использовать «водоходы» Кулибина, самоходные баржи, они против течения и ветра по реке идти могут,- предложил Кириллов, - у нас на Волге до изобретения пароходов такие ходили, я в детстве о них читал.

Гней Порций не понял почти ничего из сказанного зятем, потому как ни о замечательном русском механике –самоучке, ни тем более о Волге румелийский аристократ знать не мог, но самоходные баржи его заинтересовали.

Началось обсуждение. Кирилов вчерне набросал чертеж «водохода», однако пыл присутствующих охладил Головачев.

-Не получится, - отрезал он.

-Почему? - спросил Кириллов.

-Сэкономить не получится, Женя, там слишком сложный и ненадежный механизм у Кулибина был, плюс на каждую баржу нужен механик. Рабский труд бурлаков дешевле, но я подумаю о разработке «коноводных» судов, может, чего и выйдет.

-«Коноводных»?- переспросил Кириллов.

-Да, в 19 веке русский крепостной крестьянин Сутырин изобрел коноводную машину, ворот приводится мускульной

силой лошадей или волов, вот ее-то мы попробуем повторить. Думаю, может получиться. Принцип-то примерно такой же как у Кулибина, но эффективнее и проще. На конной тяге груженная баржа может пройти сто пятьдесят стадий в день, считай, тридцать километров против течения. Не паром, конечно, но раза в два быстрее бурлаков.

-Ну, ты у нас инженер, да еще и моряк, так что и карты в руки, а мы тебе поможем, чем можем, - заключил Кириллов.

Он хотел перейти к следующему вопросу, но на пороге зала заседаний в подобострастной позе возникла фигура старшего секретаря Гестия.

Обычно никто не смел тревожить членов совета во время их работы, секретари и служки лишь подносили документы на подпись, вели протоколы заседаний и были не заметны, как тени.

Сейчас же Гестий демонстративно, хотя и с должным почтением, обозначил своё присутствие.

Гней Порций кивнул на стоящую в дверях фигуру и сделал знак приблизиться.

Гестий с поклоном подошел к столу членов Верховного совета и, раскрыв папку, с которой по обыкновению не расставался, вкрадчиво произнес, обращаясь к председателю:

-Сиятельный диктатор и вы господа Верховный Совет, простите мою дерзость, но дело не терпит отлагательств, поэтому я решился побеспокоить вас... - начал Гестий.

-Покороче, словоблуд, что там у тебя, - оборвал его Гней

Порций.

-По гелиографу прибыла весть с Западного побережья с тревожными новостями. Только что расшифровали.

-Короче... - раздражаясь, бросил сенатор.

-Набег, господа. Серия пиратских набегов флотилии Мардана. Разорены и разграблены с десяток прибрежных деревень, поселков, и три виллы. Одна из них...

Гестий со страхом покосился на сидящего рядом с Кирилловым сенатора Гая Квинтилия Цетег: - одна из них ... вилла, принадлежащая Аврелиям, дочь сенатора Аврелия Постума злодейски убита налетчиками, а имение сожжено.

-В имении Аврелиев гостила моя племянница, - дрогнувшим голосом произнес Квинтилий Цетег.

Все присутствующие знали, что у Гая Квинтилия не осталось законных детей, его сыновья погибли во время мора несколько лет назад. Так что потеря дочери брата стало для него ударом.

Гестий робко приблизился к Гнею Порцию и положил на стол послание претора провинции Мегания, подтверждающее его слова.

-Иди, - махнув рукой, бросил Гней Порций, углубившись в послание главы провинции.

Через минуту, оторвавшись от чтения, он произнес:

-Не хочу обнадеживать тебя, Гай, - обратился он к Квинтилию, - но тела твоей племянницы найдено не было в отличии от Аврелии, которую сожгли на костре вместе с трупом

какого-то подонка. Тому есть случайно уцелевшие свидетели из числа слуг.

-Слабое утешение, - закусив губу, произнес Гай Квинтилий, - всем известно, этот мерзавец Мардан не берет в плен аристократов ни в обмен, ни за выкуп...

-Ее могли по случайности принять за служанку, - предположил Кириллов.

-Такое возможно, но какая судьба ее в этом случае ожидает...

-Как бы там ни было, пусть это слабый, но шанс: из плена иногда возвращаются, а из царства мертвых никогда, - заключил Головачев.

Гай Квинтилий лишь помотал головой и тяжело вздохнул.

-Мы сочувствуем твоему горю, Гай, но нам сейчас надо решить вопрос, как перехватить налетчиков и уничтожить эту пиратскую шайку, - с жестью в голосе произнес Гней Порций.

-Легко сказать - уничтожить, у нас на Западном побережье меньше тридцати вымпелов, включая вооруженные транспортники, а у Мардана не менее восьмидесяти, - напомнил Головачев.

-Почему?- спросил со злобной ноткой в голосе Гай Цетег, - Почему?

-Да потому что мы не придавали этому участку обороны должного значения из-за удаленности и растянутости коммуникаций... - начал было Головачев.

-Почему именно ее, немилосердные боги, сначала сыновей...- произносил Цетег.

Виктор Сергеевич понял, что сенатор обращается с риторическим вопросом не к присутствующим, а к кому-то за пределами человеческого понимания.

-Лишь бы умом не тронулся,- тихо по-русски произнес Головачев,- может за Вяземским послать?

-Не надо, доктор тут бессилен, даже наш профессор.

Их негромкую речь, к тому же произнесенную на русском , как ни странно понял сидевший во главе угла Гней Порций. По крайней мере ее смысл.

Он недовольно кивнул и обратился к Головачеву и сидевшему напротив него Тиберию:

- Виктор Сергей, и ты, Тиберий, попробуйте перехватить у южного мыса пиратскую эскадру, они не могут двигаться плотной массой с большой скоростью.

Тиберий посмотрел на Головачев , но тот только мотнул головой.

-Мы, конечно, попробуем, но боюсь, это невозможно. Наш флот размазан вдоль восточного побережья, а часть вообще на севере. В лучшем случае уйдет неделя, а то и две, чтобы собрать силы.

-Значит, ничего сделать нельзя?- спросил Гней Порций.

-Можно попытаться с силами, базирующимися в Астрии, перехватить их арьергард. Это может получиться, но не более, - ответил Головачев. - Однако у меня есть встречное

предложение: необходимо срочно связаться с Окиносом, он сейчас по нашим данным разбойничает в районе северо-восточной части Внутреннего моря, а если мы соединимся с его силами, то скорей всего заставим Мардана укрыться в союзных ему портах.

Кириллов слушал их эмоциональный диалог и понимал, на море они пока слабы. Разгромив шахиншаха в всех сухопутных битвах, они не смогли задавить морскую составляющую ассанидского флота и разбойную вольницу, присягнувшую царю царей.

Да, «Береговое братство» и пиратский наварх Окинос стали их союзниками, но уж больно своенравными и, мягко говоря, ненадежными. Бывали случаи, когда румелийский флот в союзе с моряками «братства» запирали пиратов в узких изрезанных бухтах восточной части Внутреннего моря. Однако Мардан золотом покупал себе проход через боевые порядки «братства» и уходил в открытое море.

На протесты румелийцев и обвинения в предательстве всегда следовал ответ от Окиноса, что он не контролирует всех лидеров «братства». Каждый «член совета капитанов» проводит свою политику, руководствуясь собственной выгодой. В общем, бардак среди союзных пиратов иногда был хуже измены.

- На Окиноса надежды нет, - скривился Гней Порций, - разбойник - он и есть разбойник, пусть грабит ассанидов там, где может, с паршивой овцы, как говорится, хоть бы шерсти

клок получить - и то прибыль. Действуйте своими силами, если сможете перехватить их отставшие транспорты, то хотя бы это можно будет выдать за нашу победу.

Глава вторая

Перехват

Головачев понимал тщетность их усилий и не верил в успех погони, но, как говорится, нужен был «гол престижа», и в надежде на удачу десять быстроходных триер и легких бирем утром второго дня, готовились выйти на перехват кораблей Мардана.

Флагманом эскадры была триера «Хитроумный Улисс» во главе со старым триерархом по имени Одиссей. Этот каламбур был притчей в языках у всех румелийских моряков Астрии и округи.

Улисс и Одиссей были тезками, и если корабль носил эпитет «хитроумный», то у его капитана было другое прозвище «хитрозадый». Триерарх Одиссей и в самом деле был хитрющим человеком, сочетавшим, казалось бы, не сочетаемые вещи - службу на военном флоте и контрабанду. Ко всему прочему этот морской волк участвовал в стольких сражениях на море, абордажах и морских десантах, что потерял им счет. Под стать ему была и команда.

С раннего утра, приняв на свой борт командующего и почти полную центурию морской пехоты, Одиссей готов был отваливать, но Головачев приказал задержать отправку эскадры. Он ждал расчеты новейших морских огнеметов и

фальконетов . К тому же вторым навархом эскадры ему навязали Тиберия, а он по обыкновению запаздывал:

-Ну что с него взять?! Их «светлость» почивать изволит, - Головачев вспомнил язвительные реплики Кириллова в адрес аристократа. Тиберий парень был неплохой, но сибарит, игрок, выпивоха и бабник, впрочем, все мы не без недостатков...

Кроме команд и отрядов морпехов, имевших на своем вооружение дульнозарядные штуцеры, на борту больших триер имелась и артиллерия: одна пушка и два малых фальконета на судно. Кроме этого, каждый корабль эскадры должен был получить по расчету с ручным пулеметом.

А еще, местные умельцы под руководством земных химиков создали несколько стационарных дальнобойных огнеметов или, как их тут называли, «сифонов», отличавшихся большим напором струи, что позволяло метать огнесмесь на расстояние почти пятьдесят-шестьдесят шагов. Хотя результативность во многом зависела от ветра и погоды.

Когда огнеметное оборудование было доставлено и закреплено на специальной боевой платформе, к Головачеву подошёл Одиссей и, почесав затылок, с интересом уставился на ранее не виданный агрегат, не решаясь спросить, как он устроен.

-Интересуешься? – усмехнувшись, спросил Головачев.

-Ну да, он отличается от обычного сифона с огненной смесью.

-Отличается по дистанции боя, но главное - по скорострельности. Старые сифоны плюются огнем шагов на тридцать, при попутном ветре на пятьдесят, раз в полчаса. Испытания этого агрегата дают уверенные пятьдесят шагов, при скорострельности в пять раз выше за счет насосов нагнетания и сжатия воздуха, вон в этом баллоне.

Баллон больше походил на огромный чугунный горшок со шлангами и трубками, чем на изделие, известное современникам Головачева. Для переноски по краям горшка были приварены ручки, его передвигали два крепких воина, еще двое нагнетали в баллон воздух с помощью насоса, особый специалист отвечал за вентиль и огнесмесь. Ну и, наконец, сам стрелок-огнеметчик с помощником наводил трубу этого диковинного агрегата на цель.

Конструкция получилась несколько громоздкая, и Виктор Сергеевич собирался ее сделать компактнее, заменив примитивный насос на баллоны с углекислотой, как в обычных ранцевых огнеметах его эпохи. Будь у него время, он бы занялся этим вопросом и ранее, но не разорваться же.

-Это чего же за полчаса пять раз выстрелить может? - в голосе Одиссея прозвучало сомнение.

Не то, что бы капитан «Улисса» сомневался, он и ранее видел чудеса техники «пришельцев с севера» и даже самостоятельно применил их в бою, снеся картечью фальконета вражеский такелаж. Тогда этот выстрел произвел «неизгладимое впечатление» на его противника, заставив отказаться от

схватки.

-Эх, если бы построить сотни три больших кораблей, мы бы захватили с таким оружием всё Внутреннее море... И о чем там думают господа из Верховного совета и сената? - часто задавал себе вопрос Одиссей.- Всё средства экономят, флот у них по остаточному принципу.

Увы, это была румелийская традиция: при сильной сухопутной армии военно-морским силам уделялось мало внимания. Правда, за последние три года усилиями землян флот увеличили в полтора раза и оснастили «новейшими» разработками местной промышленности. Это позволило уверенно контролировать перевозку хлеба, защитив караваны судов от пиратов, но совсем не гарантировало побережье от набегов.

Ассанидские эскадры и флотилии корсаров Мардана безраздельно господствовали в восточной части моря, опираясь на союзные им города, напуганные внезапным усилением Румелии.

По числу вымпелов ассаниды и их сателлиты раз в пять превосходили румелийцев, к тому же пираты «жили морем» и, уступая военному флоту республики в вооружении, превосходили их в мореходстве, уходя от прямых схваток.

Головачев и Одиссей понимали это.

Капитан «Хитроумного Улисса» посмотрел в лицо Виктора Сергеевича и решился задать долго мучавший его вопрос.

-Превосходнейший, ведь ты сенатор и член Высшего Верховного совета, могу я спросить тебя?

-Спрашивай, отвечу, как моряк моряка.

Одиссей, несколько смутившись, задал вопрос:

-Ты в самом деле моряк, господин? Нет, я понимаю, ты - великий изобретатель, а теперь еще наварх-адмирал флота...

-Наварх в данном случае - политическая должность, - уточнил Головачев, - а я имею в виду свой немалый жизненный опыт.

-О, о тебе ходит много слухов, ты был моряком? - удивленно спросил Одиссей.

-Да, и начинал с младшего помощника триерарха на большом корабле.

Как можно по другому было объяснить этому античному капитану, что такое молодой лейтенант на атомной подводной лодке, пожалуй, в данном случае, это была самая доступная аналогия.

-Как, - вскинув брови, воскликнул Одиссей, - ты же аристократ, как младшим помощником?

-Если хочешь освоить профессию моряка, чтобы морские боги видели в тебе сына, а не чужеродное тело, начинать надо с низов.

-Ты хорошо сказал, это мудрые слова,- было видно, что Одиссей впечатлен.

-Так, о чем ты хотел спросить, капитан, думаю не о моем

прошлом или происхождении?

-Да, господин. У меня сердце болит, когда слышу, что эти ассанидские собаки и их прихвостни грабят побережье, убивают и насилуют, а мы при всей нашей огневой мощи даже охвостье обрубить им не можем. Почему правительство не строит корабли?

-Ты не прав Одиссей, мы делаем всё, что можем, на следующий год запланирован спуск на воду пятидесяти вымпелов. К тому же нескольких морских транспортов будут переделаны в самоходные суда с паровой машиной. Мощные вооруженные пароходы, скоростные и не зависящие от ветра. Дай срок.

Они бы и дальше обсуждали вопросы кораблестроения и политики, но на пирсе показался конный отряд.

-Ну вот и Тиберий пожаловал, распорядись о приеме, Одиссей.

Кавалькада светлейшего сенатора Тиберия Бальбина поражала своей роскошью и богатством. Не а бы кто, а племянник самого Гнея Порция и претор столичной гвардии, понимать должны.

С Тиберием прибыло пятьдесят воинов, разодетых как павлины. В блестящих кирасах- лориках мускулата, в кольчугах с серебряной насечкой и богато украшенных шлемах. Правда, не все выглядели петухами. Были люди и попроще, совсем не румельской внешности, по виду наемники, но даже они выглядели франтами в сравнении с морскими пехо-

тинцами из команды «Хитроумного Улисса».

-Цирк уехал, клоуны остались,- произнес Головачев и сплюнул за борт, наблюдая попугайскую роскошь местных аристократов и их свиты.

Нет, он хорошо относился к Тиберию, но его безумные и неизживаемые понты, тяга к шику и аристократическая надменность у многих вызывала раздражение и ,наверное, чувство зависти.

Ведь весь его наряд, начиная от сапог из кожи болотного ящера, которого Головачев не без основания считал крокодиллом-переростком, до страусовых перьев на плюмаже, покрашенных в ярко-синий цвет, стоил таких денег, которые превышали жалование центуриона–морпеха за несколько лет безупречной службы.

-Надеюсь, они элитный бордель с собой в поход не захватили,- хмыкнул Одиссей,- на парад что ли собрались, - он, как и Головачев, смачно сплюнул за борт и скомандовал.- Спустить дополнительные грузовые сходни!

Трудно сказать, кому из аристократов пригодились широкие сходни, но точно не Тиберию и сопровождавшим его офицерам. Сенатор взошел на корабль уверенно и величаво, по-царски поприветствовав присутствующих мановением руки. Рукопожатия удостоился только Головачев, как равный по положению. Одиссея аристократ покровительственно хлопнул по плечу, а центурион морпехов не удостоился даже кивка.

-Ну что, старина, догоним супостатов? - в деланно развязанном тоне спросил Тиберий.

-Догоним, сиятельный,- заверил Одиссей.

-Догоним и развесим для просушки,- добавил центурион. Только тут Тиберий, наконец, удостоил морпеха вниманием, ткнув в его сторону серебряным жезлом.

-Вот сразу видно, бывалого человека, как твое имя воин?

-Муций Авл, центурион отдельной когорты морской стражи.

-Хорошо, я кажется слышал о тебе, ты тот, кто командовал обороной «Соляной биржи» во время подавления бунта.

-Так точно, господин, было дело.

Что-что, а память на имена и лица у Тиберия была феноменальная.

-Ну так, значит, мы поплывем навстречу с твоими старыми знакомыми,- усмехнулся Тиберий.

-Да, господин, я их должник, уж больно хочется расплатиться.

-Расплатимся, а Одиссей обеспечит нам встречу с ними.

-Обеспечу, если на то будет воля богов,- ответил триерарх.

Пока Тиберий произносил бравурные речи перед своей свитой, на носу корабля шла работа. Бывший сержант РККА Николай Лещов, а ныне помощник префекта артиллерийского арсенала, проверял установку морской пушки - единственного приличного орудия на корабле. Увы, сама конструкция триеры не предполагала размещения на ней ниче-

го тяжелее фальконета. С большим трудом на специально оборудованных площадках четырех самых больших кораблей сумели разместить по одному орудию.

Когда Лещов закончил, он поднялся к командующим доложить о готовности.

-Наша арта не впечатляет,- прокомментировал Виктор Сергеевич по-русски.

-Во всяком случае лучше, чем метательные машины на здешних кораблях,- парировал Лещов.

-Ну, это бесспорно. Ты с нами пойдешь, Николай, или на «Любимце Фортуны»?- спросил Головачев уже на местном диалекте, видя недовольный взгляд Тиберия.

-Лучше на «Любимце», там расчет неопытный, префект просил подстраховать.

-Добро, а остальные расчеты как?

-Ну как сказать, стрелять умеют. Надеюсь, не подведут.

-Ясно, ну давай. Удачи.

Расчеты орудий были смешанные: командир обязательно землянин, остальные три воина - подготовленные в арсенале туземцы. Для этого были открыты специальные курсы морских артиллеристов. Вскоре им предстояло продемонстрировать свои навыки в деле.

Осеннее море встретило эскадру неприветливо - серым до горизонта пейзажем и периодическими порывами ветра. Пока не наступил период штормов, но чувствовалось его неминуемое приближение.

-Еще недели две- три и Посейдон покажет свою ярость,- проворчал Одиссей, триерарх упрямо называл бога моря на греческий манер в отличие от румелийцев, как бы подчеркивая свое эллинское происхождение.

-А мы успеем до штормов перехватить хотя бы их арьергард,- спросил стоящий рядом невысокий крепыш в форме центуриона гвардии.

Он прибыл с Тиберием, но держался особняком и не принимал участия в разговорах и забавах аристократов.

Одиссей оценивающе посмотрел на него, отметив, что перед ним не избалованный столичный хлыщ, а бывалый солдат, слишком уж загорелый, с мозолью под подбородком от постоянного ношения шлема и явно провинциальным выговором.

-Должны успеть и вернуться до сезона бурь, иначе сам понимаешь...

-Куда уж яснее,- усмехнулся центурион.

-Ты, я смотрю, раньше на кораблях-то ходил, «прикаченный», и не мутит тебя, как их, - Одиссей кивнул на двух штабных трибунов, перевалившихся через борт и изрыгающих в море содержимое своих желудков.

-Привыкнут. Пару дней рыб покормят и тоже «прикачаются»,- пожав плечами, ответил крепыш.

-Как твое имя?- спросил Одиссей.

-Тит, Тит Лупо.

-Ну, тогда ты точно не аристократ,- улыбнулся триерарх,-

как в гвардии оказался, да еще офицером. Смотрю, сам Тиберий Бальбин к тебе благоволит. Давно его знаешь?

-Долгая история, воевали вместе,- нехотя ответил центурион.

-Ну, тогда понятно,- перестал лезть с расспросами Одиссей.

Они оба уставились на море и пролетающих мимо птиц. Буревестники и чайки безмолвно кружили над плывущими на юг кораблями, иногда пикируя в морскую бездну в поисках зазевавшейся рыбы.

Пока еще высокое небо дарило ощущение простора, но в нем уже не чувствовалось прозрачности и яркости лета. Окружающие воды были пустынные. Лишь иногда на горизонте появлялся одинокий парус, но, заметив эскадру, тут же скрывался из виду.

-Боятся,- прокомментировал Тит.

-Само собой, опасаются.

Одиссей снял с шеи кожаный футляр и очень бережно извлек из него медную подзорную трубу. Это трехкратное чудо оптики производства мастерской Соломона Моисеевича Штокмана было предметом зависти, многих капитанов эскадры. Одиссей приобрел ее за баснословные деньги, потратив на нее двухмесячное жалование.

Оптическая мастерская Штокмана, открытая им с «благословения» Кириллова, была завалена заказами на год вперед. Румелийские аристократы и купцы заказывали очки, лупы,

ну и, конечно, зрительные трубы. Плюс к этому сам Соломон бен Моше, как теперь все называли бывшего киевского ювелира и банковского оценщика, за последние три года открыл торговлю огранёнными цветными драгоценными камнями. И не какими-то «кабашонами», как было принято у местных, а с фасетной и ступенчатой огранкой, не ведомой в этом мире. Всё это приносило бешеную прибыль.

Кроме зрительных приборов, Штокман под руководством бывшего капитана РККА Денисова год назад начал экспериментировать с оптическими прицелами, но, увы, пока без особого успеха. Кратность его оптики никак не могла превысить $\times 3$, а обычно была 2 или 2,5. Подводило качество стекла и несовершенство технологии.

Видя интерес к подзорной трубе, Одиссей сказал Титу:

-Это сложная оптика, хочешь посмотреть?

Каково же было его разочарование, когда центурион, приложив зрительный прибор к глазу и поведя им по линии горизонта, пожав плечами, вернул трубу хозяину, с равнодушным видом.

-Хорошая штука, но слабовата, у Тиберия есть подобная, только сразу для двух глаз. Говорит, что шестикратный, как его, бинокль, кажется...

-Шестикратный, не может быть!- воскликнул Одиссей, пока не увижу - не поверю.

-Ну, за что купил, за то и продал,- ответил центурион.

Тит не хотел влезать в дискуссию об оптике, потому что

сам мало что в ней смыслил. Только в том, что Тиберий говорил правду, он не сомневался. Ведь самолично, с разрешения хозяина, наблюдал в бинокль корабли на рейде, различая всё до мельчайших подробностей.

Бинокль командира РККА гвардейскому претору подарил сам Кириллов. Кроме полевой оптики Тиберий получил и пару единиц огнестрела: револьвер системы «наган» и винтовку Мосина образца 1891 года. Трехлинейку Тиберий возил с собой не часто, только в военные походы или экспедиции типа этой, а вот револьвер...

Это его оружие стало для многих объектом слухов и домыслов. Начиная с того дня, когда Тиберий устроил бойню в сенате во время захвата власти Бальбинами, до банальных хулиганских выходок взбалмошного аристократа на симпозиуме у гетеры Калипсо.

В тот вечер он не поделил хозяйку торжества с каким-то провинциальным богатеем и, угрожая убийством, вместе с дружками оседлал незадачливого конкурента. Начал учить несчастного правильной верховой выездке, при этом паля в воздух. Увы, «лошадь» под сенатором пала на третьем круге от разрыва сердца.

К чести Тиберия он, протрезвев, искренне сокрушался о своем поступке и предложил вдове покойного оплатить его похороны по высшему разряду, с поминальным пиром и боем трех пар гладиаторов насмерть.

В общем, широкой души человек.

Столь «веселое» торжество с «конной» выездкой Тит не застал, но револьвер на поясе своего друга и патрона наблюдал воочию. Тиберий заменил стандартную кобуру на точно такую же но из кожи болотного ящера, простые деревянные накладки - на накладки из слоновой кости с золотом, но само вороненое изделие тульских мастеров благоразумно трогать не стал. Так и ходил с ним, не расставаясь. Слева - богатая кавалерийский меч-спата, а справа - кобура из крокодила.

Стоило лишь вспомнить о Тиберии, как он показался из адмиральской каюты и, с усмешкой окинув страдающих от морской болезни офицеров, прошествовал на мостик.

-Ну что, капитан, мы, похоже, поймали попутный ветер?

-Так и есть, господин, если будет угодно богам, то на месте будем через четыре дня.

Наспех разработанная операция включала в себя быстрый переход на юг, до оконечности румелийского полуострова, и засаду в узком проливе между материком и островным архипелагом.

Кроме десяти имеющихся в их распоряжении кораблей, флотилия должна была пополниться легкой эскадрой охраны берегового района, базировавшейся в Никополе - самом южном городе побережья.

Сил там было мало: всего около пятнадцати легких бирем и либурн да торговые транспортники, кое-как вооруженные для морского боя. Ну, хоть что-то.

Ставка на успех базировалась на логическом заключении

- противник растянется вдоль западного побережья, и кто-то из пиратов попадется в расставленную ловушку.

Еще на совещании совета Головачев расстелил на столе подробную карту Внутреннего моря и ткнул пальцем в один из островов.

-Они, наверняка, назначили общее рандеву где-нибудь на востоке от румелийского полуострова, скорей всего здесь.

-Деспотитос,- проговорил Гней Порций, скривившись как от боли.

Это был удобный порт. Самый ближайший из так называемых вольных морских городов, стоящий костью в горле у соседей. Его несколько раз пытались прибрать к рукам многие окрестные правители, но всякий раз ломали зубы об скальные бастионы островной крепости. Для румелийцев он был пока выгоден. Правитель острова разрешал иметь на своей территории торговую факторию, служившую перевалочной базой купческих караванов, идущих с востока. Это было важно, особенно в морских хлебных поставках .

Однако пользуясь своим географическим положением, Деспотитос давал прибежище не только румелийцам, а всем, кто готов был заплатить. Так что на его улицах можно было встретить непримиримых врагов или представителей мало кому известных стран и народов.

-Скорее всего общий сбор этих подонков намечен именно на Деспотитосе, они сбросят здесь часть награбленного и продадут пленников, а сами налегке уйдут на восток, при-

крывшись от бурь архипелагом Ганимеда, ищи их там свищи,- заключил Головачев.

-Ты прав, Виктор Сергей, - согласился Гней Порций, - я бы так и сделал.

-Значит, будем исходить из твоего плана, Сергеич, других всё одно нет,- резюмировал Кириллов. - Остается только уповать на наших небесных покровителей и удачу.

-Да, на все воля богов, - кивнул Тиберий.

И вот, согласно плану и под покровительством богов этого мира, эскадра третий день шла на юг, навстречу своей судьбе.

Одиссей и другие триерархи, хорошо знали эти воды и были уверены в своих силах. Да только своенравная богиня Фортуна в своей капризной и ветреной манере решила скрасить себе унылый осенний денек, убыстряя бег событий.

Поздним вечером третьего дня небо покрылось темными низкими тучами и зарядил дождь. Ветер начал крепчать и усиливаться с каждой минутой.

-Убрать паруса, горнистам приготовиться подавать сигналы, - раздалась команда Одиссея, - все лишние в трюм, проверить, как закреплены груз и оружие на палубе!

-Капитан, что - шторм?- спросил Тиберий, перекрикивая порыв ветра.

-Иди внутрь, господин, эта моя работа, я заберусь мориствие и попробую обогнуть бурю с востока. Сигнальщик, труби команду «Делай как я».

Всю ночь корабли боролись с непогодой, ветром и волнами. В этой борьбе опыта и удачи с морской стихией всё же победила последняя. Эскадру разбросало и сильно потрепало.

Когда наступило утро, они к своему ужасу обнаружили, что от десятка выпелов вышедших из Астрии в строю остались только три. Вместе с «Хитроумным Улиссом» и «Любимцем Фортуны» в небольшом отдалении шла маленькая посыльная бирема - и всё.

Судьба остальных кораблей была неизвестна.

Всё случившееся резко меняло их планы.

Нужно было срочно что-то решать. Однако все решили за них. То ли стечение обстоятельств, то ли провидение неведомых сил вынесли свой вердикт.

-Вижу паруса!- крик марсового матроса в вороньем гнезде на мачте означеновал начало последующих событий.- Восемь кораблей!

-Похоже, мы встретили того, кого искали, вот только ..., - с горечью произнес один из военных трибунов.

Он не договорил.

-Не раскисать, подготовиться к бою! Зарядить пушку и фальконеты. Огнеметчикам - давление в баллоне до предельного уровня. Мы атакуем!- раздался приказ Головачева.

Тиберий подошел к бывшему кавторрангу и так, чтобы никто не слышал, спросил:

-Ты уверен, Виктор Сергей?

Головачев дернул краешком рта и, кивнув, ответил:

-Уверен, таких действий они от нас не ждут. Посмотри сам, - он направил свой бинокль на корабли противника, то же сделал и Тиберий.

-Восемь выпелов, из них только два боевых корабля, посыльное судно, а остальные транспортные гаулы хотя и большие. Они изрядно потрепаны штормом, состояние парусов и такелажа на первых двух просто плачевно, остальные лучше, но, наверняка, в море не первый месяц и давно нуждаются в килевании. Ракушками обросли, это помешает их маневру.

-Значит, решено - трубим атаку,- выдохнул из себя Тиберий и приказал слуге принести винтовку.

-Ветер попутный, боги благоволят нам. Идем на сближение,- командовал Одиссей.

Головачев посмотрел на своего аристократического коллегу и согласно кивнул:

-Вот это дело - проредить их шкиперов и командный состав до боя. Хорошая идея, сейчас схожу за своим карабином, - улыбнувшись сказал Виктор Сергеевич.

Через несколько минут два стрелка заняли позицию на носу «Хитроумного Улиса» и начали свою охоту.

До цели было еще около трехсот метров и стрелять из Мосинки в условиях легкой качки было почти бессмысленно. Зато карабин «Тигр» с оптикой в руках опытного охотника, каковым был Головачев, с третьего выстрела снял пиратско-

го кормчего и на время лишил головную триеру врага управления. Вскоре за кормчим последовал и его помощник.

Тиберий с завистью смотрел на работу Виктора Сергеевича, сетуя на отсутствие оптического прицела.

Хотя через некоторое время к стрельбе подключился и он сам. Правда, в отличие от своего напарника, гвардейский претор стрелял куда попало, не выбирая цели, и, расстреляв две обоймы, имел всего три попадания по вражеским матросам.

-Почему молчит пулемет?- спросил Тиберий.

-Погоди, подпустим поближе и устроим им пляску смерти, два фальконета с картечью и кинжальный огонь пулемета в упор, им понравится.

-Не сомневаюсь,- осклабился Тиберий, по-видимому представив себе картину будущего побоища.

Пока начальство «забавлялось» охотой, расчет орудия по приказу Головачева пристреливался к огромному крутобому транспорту, идущему на всех парусах рядом с головной триерой.

Сказать по правде, Головачев не ожидал от грузового судна такой прыти, несмотря на свою тяжеловесность, оно обладало превосходной мореходностью, чему в немалой степени способствовало наличие двух мачт и дополнительного косого паруса.

-Это, точно, не грузовоз, - закричал Одиссей, - на нем бойцов как сельдей в бочке. Они слишком быстро идут на сбли-

жение.

В самом деле, за фальшбортами огромного по местным меркам судна укрывалось изрядное количество воинов.

-Орудие, огонь! - закричал Головачев .

Но приказывать лишний раз не требовалось, «шайтан труба» извергла из себя сноп огня и дыма, выплюнув тяжелое ядро, которое, проломив борт врага, вызвало пожар, сопровождаемый воплями ужаса и стонами раненых.

К тому же, помогая коллегам с «Улиса», «Любимец Фортуны» тоже открыл артиллерийский огонь. Его ядра крушили надстройки и фальшборт пиратского судна, порвали такелаж, заставляя команду искать укрытия в трюме. Второй залп орудий свалил мачту противника и повредил кормовое весло, служившее рулем.

Совместными действиями двух расчетов транспортник был обездвижен и лег в неуправляемый дрейф, к тому же на нем все сильнее разгоралось пламя.

-Один готов,- с мальчишеским задором закричал Одиссей.

-Барра, - во всю глотку заорали румелийские моряки и морпехи.

Однако радоваться было рано. Пираты, похоже, окончательно осознали, что от боя им не отвертеться, узость пролива между островами и дальнобойное оружие врагов диктовали только одну единственную тактику – ближний бой. Поэтому все вражеские суда устремились навстречу остаткам

румелийской эскадры.

-Ну все, сейчас начнется, - проговорил Головачев, посылая очередную пулю в одного из пиратских лидеров на баке вражеского корабля.

Несмотря на точный снайперский огонь Виктора Сергеевича и смертоносный артобстрел, поджегший как минимум три вражеских посудины, пять пиратских судов во главе с мощной триерой отчаянно атаковали румелийцев.

Головачев рассчитывал, что кинжальный огонь пулеметов, залпы фальконетов и ружья сумеют отбить охоту к абордажу у его противников. Однако все оказалось не так просто.

Да, при приближении на расстояние примерно сотню метров с юта «Хитроумного Улисса» ударил «дегтарь», сильно проредив пиратов абордажников, но разогнавшаяся триера врага, убрав парус, на веслах упрямо шла на таран, разрезая своим страшным, окованным медью бивнем, морскую гладь.

-Отворачивай, Одиссей, отворачивай! – завопил Тиберий.

-Не мешай,- заорал в ответ триерарх,- без тебя обойдусь.

-Он нас погубит, - в ужасе запричитал какой-то столичный хлыщ из числа аристократов

Только Одиссей не слушал ни советов, ни приказов, ни воплей, он уверенно шел не меняя курса, поймав в парус попутный ветер, и лишь в последний момент резко взял вправо, уходя от столкновения. От такого маневра многие не устояли на ногах и попадали на палубу.

Его противник слишком поздно разгадал маневр руме-

лийца, страшный таран пирата ударил в пустоту. Корабли разминулись в нескольких метрах друг от друга. При этом «Улисс» сломал, как спички, почти все весла по борту своего соперника, начисто лишив вражескую триеру хода. Это был несомненный успех. К тому же непрерывный огонь из всех имеющихся стволов смел пиратскую вольницу с палубы, заставив ее затаится за фальшбортом. Были убиты шкипер и кормчий пиратов, так что почти неуправляемая триера врага не представляла опасности. В довершение ко всему с борта «Улисса» ударил огнемет-сифон, превращая поверженного противника в горящий факел.

Одиссей со зловещей ухмылкой наблюдал, как объятые огнем морские разбойники в отчаянии прыгали за борт и находили свою смерть в холодных осенних волнах.

Вот только радоваться было рано.

Привычный к тому, что грузовые суда не являются серьезным противником для боевых кораблей, Одиссей не принял во внимание идущий на сближение транспортник пиратов.

Это была фатальная ошибка.

Совершая боевой маневр, «Хитроумный Улисс» потерял попутный ветер и двигался по инерции, а отданные команды «Свернуть парус» и «Весла на воду» явно запаздывали, но даже не это было главное. Румелийцев ждал крайне неприятный сюрприз.

На пиратском транспортнике происходило, что-то странное, при этом почти не было видно людей. Пулеметчики

попытались нейтрализовать вражеского шкипера, но тот, укрывшись за надстройкой и фальшбортом на юте, был не досягаем для их огня. От балок летели щепы, доски пробились насквозь, загорелась крыша надстройки вражеского судна, но эта монструозная громадина неумолимо приближалась к «Улиссу».

-Почему не стреляет наша пушка?- возмущенно спросил Тиберий.

-Не развернуть ее,- бросил в ответ Головачев и громко приказал,- приготовить «сифон»!

-Давление в баллоне!- последовал ответ.- Мы готовы!

Расстояние сокращалось, и румелийцам начало казаться, что еще немного и очередной враг, объятый пламенем, сгинет в пучине моря. Только иногда коварные боги готовят зарвавшимся смертным тяжелые испытания.

Когда дистанция между триерой и транспортником сократилось до сотни шагов, на судне пиратов, словно по мановению волшебной палочки, отвалилось ограждение фальш-борта. А в следующую секунду по румелийцам ударил залп зажигательных пороховых ракет.

Как назло, именно в это момент пулеметчики меняли диск, и вражеским ракетчикам противостояли только две винтовки в руках Головачева и Тиберия да мало эффективные дульнозарядные ружья румелийских морпехов.

Удар ракетами с небольшого расстояния был страшен не столько для людей, хотя потери от залпа имелись, сколько

для такелажа. Пиратский залп вызвал пожар на «Хитроумном Улиссе». Первыми, как водится, вспыхнул парус и такелаж, а затем занялась и просмоленная древесина, в довершение ко всему рванул небольшой бочонок с порохом, который румеллийские артиллеристы использовали для зарядки фальконетов. Взрыв разрушил баковую надстройку, оторвал резной нос корабля и пробил настил палубы. Погиб расчет орудия, а сама «шайтан труба» вместе с боезапасом ушла под воду.

-Мать твою...- только и сумел воскликнуть Головачев.

Это была их вторая человеческая потеря за все три года пребывания на Агоре, начиная с той памятной ночи, когда разгромили банду Косутия. Командир расчета был землянин – бывший боец из роты Денисова. Безусловно, каждая смерть человека из их немногочисленного отряда воспринималась как катастрофа, но в данную минуту нужно было думать о том, как спасти оставшихся людей и корабль.

Разрушения на баке были значительными, к тому же в трюм стала поступать вода. Началась борьба за живучесть судна, матросы и гребцы кинулись ставить пластырь на течь.

В этот миг Головачев лишний раз добром вспомнил Гнея Порция, поддержавшего его идею полностью отказаться от услуг рабов и преступников на гребных палубах боевых кораблей.

Свободные люди на приличном жаловании были многократно надежнее и мотивированнее прикованных цепями

невольников.

Однако если течь кое-как заделали, то пожар разгорался все сильнее и сильнее, к тому же обнаглевшие пираты обстреливали охваченную пламенем триеру из луков и самострелов, но самое страшное - то что они готовили второй ракетный залп.

Только, вот, их тоже подвела самонадеянность.

На баке у развороченного носа в кровавой луже корчился в муках один из огнеметчиков - болт из самострела вошел ему в живот пробив панцирь морпеха. Командир расчета был контужен.

Остальные утонули, сметенные взрывом пороха. При этом сам «сифон», похоже, не пострадал.

Головачев, понимая их отчаянное положение, принял единственно правильное решение.

Он нашел глазами Муция Авла, отдающего громовым голосом команды своим морпехам и ринулся к нему.

-Центурион, бойцов ко мне, живо.

Муций хотел было отдать приказ, но с вражеской гаулы прилетел каменный шар, выпущенный из баллисты, и, разбив ограждение, расщепил деревянную балку, саданув командира морпехов по щиту, слава богам, на излете. Прочный skutum центуриона треснул, а его самого отбросило в сторону.

-Муций, жив?- крикнул Головачев.

Ответом ему была трехэтажная площадная брань.

-Значит, точно жить будет,- подумал Виктор. - Эй вы, ко мне, - заорал он охрипшим голосом.

Вокруг метались люди, кто-то тушил пожар, заливая очаги огня из кожаных ведер, кто-то стрелял, кто-то банально прикрывал щитом товарищей от стрел и болтов, летящих с вражеского корабля, кто-то оттаскивал раненых, которых с каждой секундой становилось всё больше и больше.

- Мы с тобой, что надо делать? Приказывай, Виктор Сергий.

Головачев обернулся и увидел стоящих рядом Тиберия и Тита Лупо.

-К сифону,- только и сумел произнести он.

Они, расталкивая матросов, занятых тушением пожара, рванулись на бак, где у разрушенной надстройки, стояла установка с огнеметом.

-Давай за мной!- на ходу крикнул Головачев, хватая при этом за тунику одного из матросов.

Парень всё понял и кинулся за навархом

Когда они добрались до сифона, корабль врага был в пятидесяти шагах от горящей триеры.

В устройстве огнемета, кроме Головачева ,более менее разобрался Тиберий, по крайней мере, он мог навести сопло сифона на цель.

-Тиберий, я проверю давление , а ты прицеливайся, огонь по моей команде. Ты,- ткнул он в матроса,- помогай ему!

Потерявший прежний лоск гвардейский претор, в закоп-

ченной дорогой кирасе, шлеме с обгорелым плюмажем, и полуголый босой матрос, прикрывшись защитным щитком, навели сопло на цель, Тиберий щелкнул кремневой зажигалкой, установленной на стволе огнемета.

-Воспламенение готово! -заорал он.

-Давление в норме, Тит, отпускай вот этот вентиль. Тиберий, давай огонь!

Вырвавшаяся под давлением струя горячей огнесмеси за секунды преодолела расстояние между кораблями и ударила в пиратскую посудину, вызвав панику среди ее команды. Загорелось все, что могло гореть, факелом вслед за такелажем занялась надстройка. Огонь перекинулся на палубу, в довершение ко всему стали взрываться и разлетаясь в разные стороны пороховые ракеты.

-Вот это фейерверк,- пронеслось в голове у Головачева.

На мгновение от такого завораживающего зрелища все бросили работу и уставились на объятый огнем корабль врага.

С пиратского транспортника никто больше не стрелял. Морским разбойникам стало не до того. Вопли сгораемых живо людей огласили округу, перекрыв собой звуки боя.

Однако схватка на этом не закончилась. Судно пиратов шла прямо на «Улиса». То ли оно потеряло управление, то ли вражеский шкипер понял, что терять ему уже нечего, но столкновение было неминуемо.

Триера румелийцев тоже практически не управлялась.

Парус сторел. Гребцы вместе с матросами и солдатами ликвидировали течь или тушили огонь. Так что спастись от столкновения могло только чудо. Именно его и совершил Одиссей, невероятными усилиями немного развернув корабль – спасаясь от смертельного удара в борт. Столкновение произошло, но скула в скулу, хотя от этого было немногим легче. В воздухе замелькали абордажные крюки и кошки, с высокого борта транспортника на румелийцев обрушился град стрел и копий. В ответ с юта отчаянно заработал пулемет, уложив на месте полтора десятка нападавших разом, но вскоре он затих – банально кончились патроны. Уцелевшие мушкетеры морпехов дали залп, но он не был эффективным.

Тит и Головачев, не обращая внимания на обстрел, как бешеные, нагнетали воздух в баллон для очередного «плевка» сифона.

Выигрывая для них время, Тиберий вел огонь из револьвера по наседавшим пиратам, а его случайный напарник-матрос отбивался тяжелым багром, прикрывая наварха сбоку.

Кое-как пришедший в себя Муций Авл организовал подобие строя из числа морпехов и матросов, приняв на себя основной удар абордажной команды противника. Вскоре к нему присоединился расчет уже бесполезного пулемета. Оставив «дегтярь» на юте, пулеметчики использовали своё личное оружие – два «нагана», ставшие неплохим подспорьем в ближнем бою. Они, прикрывшись строем солдат, вели

огонь в упор по атакующим, нанося им значительные потери. Только вот все эти усилия были напрасны: сцепившиеся корабли было уже не спасти, объятая пламенем гаула заключила «Хитроумного Улисса» в свои смертельные объятия, навеки сцепившись с ним абордажными крючьями, огонь жадно лизал сухие чисто выскобленные доски палуб и просмоленные борта обоих кораблей. Сцепившиеся суда полыхали, как факелы. Десятки людей от отчаяния прыгали в воду, даже не рассчитывая на спасение, но большинство дралось, уже не за жизнь, а скорее движимые яростью и ненавистью к своим врагам.

-Давление, выстрел!- перекрикивая шум схватки, закричал Головачев .

-Есть, выстрел!- гаркнул в ответ Тиберий и нажал на спуск огнемётного сопла, только на этот раз гвардейский претор направил свое страшное оружие вдоль борта, где пираты, несмотря на потери, оттеснили людей Муция Авла, заставив их отступить.

Струя жидкого огня просто смела самых активных из нападавших, превратив их в обгорелые куски мяса. Остальные попятились.

-Бросаем всё и отступаем на ют,- скомандовал Головачев,- еще немного и будет поздно.

Нос судна был полностью объят пламенем и находиться на нем было уже невозможно, доски палубы дымились.

-В трюме пожар! Уходим.

Корма была единственным местом, куда огонь еще не добрался.

Именно туда и устремились все уцелевшие румелийцы, их не преследовали - стена огня надежно разделила врагов. На рулевой площадке юта и вокруг тлеющей кормовой надстройки столпилось человек пятьдесят разного народа. От полуголых вооруженных топорами и баграми гребцов и матросов - до пары столичных аристократов, от лоска и пышности которых остались одни воспоминания. Сейчас они все были равны, равны перед смертью, огнем и мечами врагов.

-Ну что, Виктор Сергеевич, похоже, хана нам,- по-русски спросил первый номер пулеметного расчета .

-Не раскисай, патроны есть? – Головачев силился вспомнить имя этого человека , но не мог.

-Три штуки осталось,- покрутив барабан револьвера, ответил пулеметчик. - А дальше только это, - он хлопнул себя по бедру, на котором висел широкий кинжал-пугио.

-Не богато, но у меня едва ли лучше.

-Если попрут - не отобьёмся, наших человек сорок тут осталось, остальные убиты,- вздохнул второй номер пулемета.

-Не попрут, мы все сгорим или утонем: и они, и мы.

-Нет, смотри, их спасают,- указал рукой первый номер.

Да, сквозь всполохи огня и черный дым пожарища было видно, как к корме транспортника приблизилась другая пиратская посудина по типу корбит, существенно меньших

размеров, и с него спустили лодку.

Моряки с «Хитроумного Улисса» наблюдали за этим с отчаянием и яростью - им на помощь не спешил никто.

«Любимец Фортуны», отчаянно маневрируя, отбивался от двух нападавших на него врагов и даже поджег одного из них, а второго, походу, таранил, но почему-то ни один из его противников не пошел ко дну и продолжил борьбу с румелийским кораблем. Короче, спасением погибающего «Улисса» он не смог бы заняться при всем желании.

- Где наша бирема, ты видел, чтобы она сражалась ?- спросил Головачев Одиссея.

- В самом начале боя пошла на перехват посыльного судна и скрылась за утесом.

- К Богам Гадеса это посыльное судно, нам ее помощь здесь нужна.

- Остается только молиться,- вздохнул Одиссей. Он прикрывшись плащом от жара, исходившего от горящей надстройки, благо ветер не дул в их сторону и пока еще можно было дышать.

Но с каждой минутой становилось все хуже и хуже: стояли и кричали раненые и обожженные, кто-то просил пить, кто-то от отчаяния растаскивал на доски надстройку и вязал из обломков дерева плот, используя ремни и обрывки собственных плащей.

- Вода холодная, долго не продержаться ,- уныло промолвил пулеметчик.

-Предпочитаешь сгореть, приятель,- зло огрызнулся Муций Авл, сдирая с себя портупею с ремнем и кидая строителям плота.

Головачев тоже решил принять посильное участие в сооружении этого убогого спасательного средства, его примеру последовал и Тиберий.

Им повезло - как только они избавились от панцирией и верхней одежды, случился последний акт драмы добивший «Хитроумного Улисса».

Взлетела на воздух огнесмесь «сифона», складированная под палубой.

Взрыв и сноп огня был такой силы , что треть конструкции румелийского корабля просто оторвалась и пустоты трюма моментально заполнились забортной водой.

Это был конец. Искалеченная триера должна была бы сразу уйти на дно, но она, намертво принайтованная к пиратскому судну, пока сохраняла плавучесть.

Однако и транспортник морских разбойников получил при взрыве изрядные повреждения. В его борту зияла пробоина. Кроме этого, взрывная волна утопила лодку пиратов вместе со всеми, кто в ней спасался. Капитан корбита, лишившись единственной лодки, решил, что уже ничем не поможет утопающим, к тому же жар от погибающих судов мог поджечь и его корабль. Поэтому он благоразумно отошел от обреченных посудин.

Вот только всего этого ни Головачев, ни Тиберий, ни их

товарищи по несчастью не увидели. Их просто смело за борт, и они вместе с десятками несчастных людей болтались в холодной воде осеннего моря, взывая о помощи.

-Ну вот и всё, похоже, приехали, никакая регенерация не спасет, через полчаса - максимум час - критическое переохлаждение и конец,- подумал Виктор, невольно вспоминая всю свою жизнь.- Глупо так погибать, надо попытаться выжить, надо бороться, не раскисать. Сергееич, не раскисать, родной.

С этими мыслями он сделал несколько энергичных гребков и подплыл к самодельному плоту.

Плот представлял из себя слегка обгорелую конструкцию из стены кормовой надстройки и досок, кое-как привязанных к ней ремнями. За это плавсредство уже ухватились несколько человек, в которых Головачев узнал Тиберия и Тита Лупо. Рядом с ними, держась обеими руками за доски настила, плыл первый номер пулемета, другие люди были ему не знакомы.

-Восемь человек! Неужели только восемь человек, а остальные погибли?- от досады захотелось выть, - Как же глупо и самонадеянно.

К счастью, он ошибся: кроме импровизированного плота вокруг плавало изрядное количество деревянных обломков, бывших когда-то частями погибших кораблей, именно ими и воспользовались еще несколько моряков из команды «Хитроумного Улисса» во главе с его капитаном.

-Чтобы не замерзнуть, надо двигаться, двигаться, движение - жизнь ...

Головачев подплыл к Тиберию и ухватился за край плота.

-Живой!- кивнул сенатор.

-Пока живой, но, похоже, осталось только молиться в надежде на чудо, а я в чудеса не верю.

-Не гневи богов, Виктор Сергей, то, что мы уцелели, уже чудо.

Сколько они так пробыли в холодной воде, Головачев не знал, внезапно он поймал себя на том, что отключается - его окоченевшие пальцы перестают слушаться и он уже не в силах держаться за край плота.

Он не помнил, как чьи-то сильные руки втащили его тело на хлипкую деревянную конструкцию, схватив за шиворот туники, и привязали ремнем к балке.

Очнулся он от пронизывающего ветра. Его знобило, а кто-то рядом выбивал дробь зубами. Головачев с трудом повернул голову и увидел бледное лицо Тиберия.

Виктор огляделся вокруг и понял, что их спасают - спасают ценой собственной жизни. Из восьми человек за минутом гвардейского претора в живых на плаву осталось четверо: Тит, пулеметчик, матрос - напарник Тиберия по стрельбе - и один из морпехов. Остальных не было видно.

Виктор попытался приподняться на локте, чтобы оглядеться вокруг. Он нашел глазами силуэт «Любимца Фортуны». Стало ясно, румелийский корабль сумел добить одно-

го пирата, но второй, хоть и поврежденный, ушел в отрыв и был уже на значительном расстоянии от триеры, а еще дальше белел парус разбойничьего корбита.

-Если он кинется в погоню за ними, то мы пропали, спасения не будет,- мелькнула мысль.

Только опасения Головачева были напрасны. «Любимец Фортуны» сильно пострадал в схватке - потерял мачту и имел две течи в борту. Его оппонентам тоже досталось: один ушел на дно, второй получил пробоину и имел проблемы с рулевыми веслами.

Не имея возможности драться, враги решили разойтись краями, не рискуя продолжать битву. Поэтому триерарх «Любимца» принял решение начать спасательную операцию.

-Они возвращаются, они идут за нами,- прохрипел Втктор. – Держитесь, парни, еще немного.

Надежда придала силы, и через полчаса насмерть замёрзших моряков с «Хитроумного Улисса» подобрала спасательная лодка.

В живых осталось всего пятнадцать человек. Потери были катастрофические: погибло больше двухсот румелийцев и два землянина, кроме этого был навсегда утрачен пулемет и карабин с оптикой.

Из восьми пиратских кораблей уйти удалось только двум: искалеченной гауле и осторожному корбиту. К вечеру «Любимца Фортуны» догнала бирема и захваченное ею малое

посыльное судно морских разбойников - утешительный трофей. Который, впрочем, не освободил Головачева от мрачных мыслей.

Он, лежа в капитанской каюте «Любимца Фортуны» под лисьим одеялом вместе с мечущимся в жару Тиберием, размышлял о случившемся:

-Нам преподали урок, хороший урок, показав, чего мы стоим на море. Сильная пощечина нашей наглой самоуверенности. Теперь и у врага есть пороховое оружие, пока примитивное, но этот фактор надо учесть в последующих схватках.

Регенерация кураторов начала действовать примерно через два часа, как он оказался на борту «Любимца». Виктор и оставшийся в живых пулеметчик чувствовали себя неплохо, чего нельзя было сказать о других спасенных. Все они наверняка получили воспаление легких, что в местных условиях было сродни приговору. Оставалась только одна надежда на Вяземского и его медицину.

К вечеру они прибыли в порт Никополя, где встретили изрядно потрепанные бурей шесть кораблей своей эскадры. У трех из них шторм истрепал такелаж, разорвал паруса. У одной из триер сломалось рулевое весло и смыло за борт шкипера, остальные тоже нуждались в ремонте.

-Итак, у нас потери два корабля: один погиб в бою, один - во время шторма.

-Не совсем, наварх. Бирема «Синопа» выбросилась на

пляж в тридцати стадиях отсюда, ее триерарх погубил корабль, но спас почти всех людей, - проинформировал начальник порта.

-Слава богам,- выдохнул Головачев, - как бы там ни было, а бирема - это всего лишь деревяшка, самое важное - люди, профессиональные моряки и воины.

-Очень мудрые слова, - с толикой лести согласно кивнул начальник порта.

Головачев с неприязнью посмотрел на чиновника и приказал:

-Срочно сообщи по гелиографу, что нам нужна медицинская помощь, у нас больные с переохлаждением, среди них Тиберий Бальбин, пусть присылают квалифицированного медика и медикаменты.

Состояние больных вызывало большие опасения, двое были совсем плохи и могли не дотянуть до утра.

Приезд доктора Вяземского или хотя бы Усатоова с «современными» медикаментами мог бы спасти положение.

К счастью, Владимир Викентьевич прибыл вовремя. Вяземского доставили на третий день вместе с двумя санинструкторами на «эмке» Кириллова. Так что интенсивное, хотя и запоздалое лечение позволило спасти одиннадцать человек, четверо, к сожалению, умерли.

Глава третья

Постановка задачи

Спустя месяц, проанализировав результаты случившегося

с ними, Головачев подготовил для членов Верховного совета записку и проект плана развития кораблестроения на ближайший год, посчитав меры, запланированные ранее, недостаточными. Морскую составляющую нужно было срочно усиливать новыми кораблями и не гребными триерами, а оснащенными пушками пароходами, к тому же с приличным парусным вооружением. Это было новое слово в местной технике, шаг, меняющий всё.

-Но мы запланировали на следующий год строительство сорока триер и десяти больших пентеконтер с пятью рядами весел и палубными надстройками. Между прочим, по твоему проекту, Виктор Сергей, - напомнил Гней Порций, - а сейчас выходит, что всё придется переделывать. К тому же мы уже заложили на верфях несколько корпусов.

-Я понимаю, но в силу сложившихся обстоятельств нам надо менять приоритеты, последние события показали неэффективность старой тактики боя.

-Может, не стоит драматизировать. Мы все же одержали убедительную победу: в бою враг потерял семь кораблей, а мы лишь один.

-Два, если точнее. «Любимца Фортуны» после этого сражения пришлось разбирать на дрова, и это не считая биремы, которая во время шторма выбросилась на берег, - уточнил Головачев.

- Ну, шторма - это воля богов, тут мы бессильны, и все же разгром вражеских кораблей - это триумф твой и Тиберия,

надо наградить участников сражения.

-С последним я согласен, - сказал молчавший до этого времени Кириллов. - Как бы то ни было, а вы преподали пиратам урок. Однако радости мало, у врага появилось достаточно эффективное оружие против традиционных типов судов: пока примитивные ракетные установки, но скоро и артиллерия появится. Учитывая их многочисленность, тут теперь одними таранными ударами и фальконетами не отделаешься. Даже пулеметы не помогли.

- Они подловили нас и использовали элемент внезапности, - высказался Тиберий, - такое больше не повторится, но я согласен с Виктором Сергием. Если у них появятся пушки, то нам мало не покажется. Их транспортные корабли вдвое выше наших триер, а эффективная стрельба из пулеметов велась только с кормовой надстройки. Этого недостаточно, к тому же парусное вооружение врага позволило быстро маневрировать и сократить дистанцию. И их было в три раза больше...

-То, что вы по сути вдвоем атаковали вражескую эскадру, говорит о самонадеянности и расчете на мощное оружие, а его оказалось недостаточно - тяжелый урок, - заключил Кириллов.

-Отсюда вывод: нужны новые типы кораблей, -еще раз заявил Головачев.

-Где деньги взять?- задал риторический вопрос Гней Порций.

-Поднимем налоги, придумаем новые сборы, увеличим пошлины, - заявил Гай Цетег .

После похищения племянницы он горел жадой мести.

-И это вызовет всеобщее недовольство и возмущение, а там, глядишь, и тайные сторонники Петрониев зашевелятся, - парировал Кириллов

Упоминание о разгромленном клане своих врагов вызвало явный прилив раздражения, у всех присутствующих.

-Поэтому считаю, что полностью сворачивать программу по строительству триер не целесообразно, от больших гребных судов предлагаю отказаться, вместо них нужно заложить нормальные, пусть и не очень большие парусники, с десятком легких пушек каждый. Ну, а потом постараемся построить парходы.

-Что же, этот вариант вполне приемлем на пока, - согласился Гней Порций.

Теперь нам необходимо как-то отметить нашу победу над пиратами, народу нужен праздник и чествование героев. Мы откладывали торжества по случаю болезни Тиберия, но сейчас, Виктор Сергей, тебе и моему дражайшему племяннику необходимо устроить малый триумф- «овацию». Пройтись под литавры и буцины по улицам города в лавровых венках. Устроить пир для плебса и гладиаторские игры в честь морской победы.

-Триумф стоит денег, а их у нас и так немного...- напомнил Кириллов.

-Ну, тогда гладиаторские бои пленников, вы же выловили некоторое количество тонущих пиратов и не добились их.

-Да, около сотни, - подтвердил Головачев.

-Ну, вот видишь...

-Нецелесообразная трата людского ресурса.

-Не начинай, Виктор Сергей, толпа требует зрелищ и хлеба, ее низменные чувства надо удовлетворять, мы и так сократили количество игр до двух в год, этак до бунта недалеко. Ваш этот ножной мяч не заменит хороших бойцовских схваток не на жизнь, а на смерть.

-Ладно, давайте устроим гладиаторские бои, - согласился Головачев, подумав про себя, - всё равно эти подонки обречены, пусть хоть сдохнут как люди.

-Вот это дело, - одобрительно кивнул Гней Порций, - осталось только назначить дату и не затягивайте с этим, а еще я приказал отчеканить специальные серебряные и золотые фалеры для особо отличившихся воинов флотилии. Большие в золоте - для вас с Тиберием, малые золотые - для капитанов и некоторых офицеров, серебро - для рядовых воинов и моряков. Что скажете?

-Прекрасная идея, - одобрили все присутствующие, лишь Кириллов не выказал энтузиазма. Евгений как бы ушел в себя и молчал.

-Что с тобой? - спросил его Гней Порций.

-Ничего, я думаю, идея с наградами хорошая, прямо на трибуне цирка и вручим, чтобы торжественно и при параде,

- высказал своё мнение Кириллов, потом попросил разрешение удалиться, мотивируя это неотложными делами в арсенале.

-Да-да, конечно, - кивнул Гней Порций, напомнив Евгению о завтрашнем званом ужине .

Кириллов улыбнулся и поблагодарил за приглашение: - Всенепременно, дорогой тесть, мы с Порцией с большим удовольствием посетим твой дворец.

Когда двери зала заседаний захлопнулись за ним, Кириллов ускорил шаг по коридору ведущему в атриум и потрогал тихо вибрирующий на запястье браслет. Кураторы просили выйти на контакт, а их желания были сродни приказу.

Приехав домой, Евгений скинул плащ и, бросив взгляд на склонившегося в поклоне управляющего, приказал:

-Меня не беспокоить,- и прошел в таблинум. Только здесь, оставшись один, он активировал браслет.

Как обычно с минуту ничего не происходило, затем в комнате возник столб света, и показался силуэт девушки.

-Добрый день, Евгений Николаевич, - произнесло изображение.

-Здравствуйте, Эола.

-Для вас будет первое задание, -без предисловий сразу к делу перешло изображение.

-Я - весь внимание, приказывайте?

-Вашим людям необходимо весной следующего года совершить экспедицию в Сурхадаш и посетить весенний

праздник бога Баала, здесь его асоциируют с земным Молохом. Хотя в вашей земной истории это разные боги.

-Слышал о таком, - сказал Кириллов, - весьма неприятный небожитель.

-Не могу не согласиться с данным утверждением, и тем не менее.

-Что мы должны сделать, кроме выражения почтения к этому мифическому существу? - спросил Кириллов.

-Вы должны проникнуть в святая святых храма бога-быка и изъять из него одну небольшую вещицу. Сделать это надо в самый апогей праздника ни часом раньше, ни часом позже.

Перед глазами Кирилова возникла серебристая сфера размером с волейбольный мяч, покоящаяся в специальном углублении внутри камеры с идеально гладкими, словно отполированными стенами, явно не местного происхождения.

-А что это за шарик? - спросил Кириллов.

-Это вам знать не обязательно, - жестко ответила Эола, но потом ее голос чуть смягчился. - Местные жрецы считают его яйцом, из которого родился этот мир и вновь рождается после гибели всего сущего. Ну, а если серьезно, то на месте храма бога-быка или Тельца была станция ретрансляции «Неведомых странников». Хозяева давно ушли, а аппаратура работает как часы, посылая раз в год импульс в определенную точку пространства. Всегда один и тот же.

-Так...- протянул Кириллов.

-Ну, так вот, рентранслятор в древности находился на хол-

ме в центре нынешнего храмового комплекса. Жрецы приказали возвести вокруг него мощный зиккурат-ступенчатую пирамиду так, чтобы камера с ретранслятором была на его верхней площадке.

-Понятно, я так понимаю, что доступ в эту самую камеру открыт только в краткий момент, один раз в год.

-Абсолютно точно, вы проницательны, Евгений Николаевич. Один раз в год, примерно на полтора часа по вашему земному времени.

-И именно в то время мы должны похитить сферу из камеры ретранслятора.

-Да. К тому же есть определенные сложности. Ну, во-первых, как вы догадались, не всякий может пройти вовнутрь и вернуться оттуда живым. Камера защищена не только створками, которые в это время будут открыты, но и мощным вибрационным воздействием. Аборигены называют его «глас бога», выдержать которое и не погибнуть могут лишь единицы.

-Для этого нам и нужен был Никифоров?

-Да, он прошел проверку «переходом», хотя и не блестяще, но всё же не погиб и не сошел с ума. Значит справится, просто после выполнения задания ему потребуется реабилитация.

-Это понятно. Вы сказали - во –первых, а во-вторых?

-Во вторых и в третьих, - усмехнулась Эола, проведя рукой перед собой. Тут же из воздуха возник виртуальный

экран. - Вот еще одно препятствие на вашем пути.

Перед Кирилловым возникла сцена огромной, едва ли меньше большого цирка, огороженной трибунами площади, на которой присутствовало тысяч десять зрителей, не меньше. Вся это толпа безумствовала, впадая в нечеловеческий экстаз с сильнейшими эмоциями при лицезрении своих жрецов и сотен человеческих жертвоприношений, имеющих самые отвратительные формы и самые дикие способы.

На ум Кириллову внезапно пришло слово .

-Гекатомба.

Именно его произносил в далеком теперь Киеве его первый тесть, приват доцент университета, когда Евгений как-то раз рассматривал книжку про индейцев-ацтеков. Зачетные были людоеды - конченное зверье. Жрецы Баала-Молоха людей не ели, но гуманизма в них было не больше, чем в их индейских коллегах, а уж изобретательности...

-Да, гекатомба, а еще гиена огненная, увеличенная в масштабе раз в десять. Впрочем, в вашем мире в древности было то же самое: жрецы бога-быка требовали отдать ему самое ценное - детей-первенцев, - напомнила о жутком культе Эола.

-Неужто отдавали, это же каким надо быть фанатиком, - возмущению Евгения не было предела.

-Ну, может, поначалу так и было, - кивнуло изображение, - однако потом все перешло на коммерческую основу.

-Это как? Откупались что ли? - спросил Кириллов.

-Почти, можно и так выразится. Просто состоятельный человек, глава семейства, идет на рынок и покупает ребенка-раба, а потом в присутствии свидетелей и жрецов за немалую мзду храму усыновляет его. Сейчас этот процесс несколько усложнился и стал дороже. Такой ребенок живет в доме своего хозяина как сын до праздника, посвященного богу-быку. Ну, а на торжествах Тельца его просто посвящали храму. Тем более стало совсем не обязательным отдавать в храм первенцев, можно просто сыновей.

-Понятно, - раздраженно произнес Кириллов, - но я смотрю, тут не только детей губят, но и взрослых толпами живьем сжигают, быками рвут...

-Так и есть, к празднику, чтобы умиловить небожителя, местные рабовладельцы сдают бунтарей или изношенных и больных рабов в храм, чтобы получить удачу в делах.

-Подонки.

-Согласна, но такова местная традиция.

-Хочу спросить: а жрецам-то зачем это надо?

-Я ждала этого вопроса, Евгений Николаевич. У ретранслятора, который вы должны похитить, есть еще одна побочная особенность, ее и использует верхушка местного жречества.

-Какая?

Эола взяла паузу и посмотрела на Кириллова.

-Он чего, экстаз что ли какой вызывает, как наркотик, - предположил Евгений.

-Отчасти вы угадали , но это не главное, Евгений Николаевич. Экстаз и временный прилив сил нужен толпе, а вот жрецам нужно совсем другое. Сфера ретранслятора в момент активизации очень подвержена внешним раздражителям, в том числе колебательным импульсам и прочим подобным процессам, правда, всего лишь на незначительное время. Потом она сбрасывает всё лишнее аккумулированное ею в этот момент, как шелуху, и посылает в пространство запрограммированный импульс.

-А шелуха ?

-А трансформированная сферой шелуха оседает поблизости от камеры и впитывается жреческой верхушкой, что позволяет ей продлить свое земное существование, способствуя повышению иммунитета и стимуляции работы эндокринной системы. Ну, и половых желез, конечно.

-Ничего себе, это что - вечная жизнь?

-Нет, не вечная, но при средней продолжительности жизни в местных обществах, составляющей, в среднем около сорока лет, верховный жрец разменял уже сотню, если точнее, ему сейчас сто три года, да и его помощники не слишком молоды. При этом все они сохраняют острый ум и относительную бодрость.

-Думаю, для обычного человека это кажется чудом, их считают почти полубогами.

-Не почти, а так и есть.

-Н-да, - только и произнес Кириллов, - дела.

-Так что, как видите, задача перед вами стоит не тривиальная, но и награда, поверьте, будет соответствующей.

Евгений заинтересованно посмотрел на Эолу.

-Позвольте спросить, какой?

-Несколько недолгих посещений вашего мира в течении года, плюс переброска значительных материальных ценностей и ресурсов на Агору.

-Ничего себе, а в какое время, в смысле год ?

-Это будет обсуждено отдельно, но это еще не все. В случае проникновения в главный храм Тельца вам откроется доступ в сокровищницу его жрецов. Для местных исполнителей такое может послужить дополнительным стимулом.

-Ну, это несомненно. Тут мало кто устоит.

-Да, золото лишним не будет и поспособствует нашим дальнейшим планам.

Кириллов кивнул.

-Ну, Евгений Николаевич, в общих чертах я обрисовала вам задачу, а конкретику мы обсудим позднее, начинайте готовиться. Готовьте корабль, людей , оружие.

-Принято, Эола.

-Удачи, господин Кириллов.

Изображение еще секунду повисело внутри столба света, затем растаяло вместе с ним.

Оставшись один, Евгений стал прикидывать в уме, как и какими силами им предстоит выполнить поставленную задачу. Необходимо было срочно собирать расширенный со-

вет всех командиров землян и, пожалуй, пригласить на него обоих Бальбинов.

-Придется и Гнея Порция и Тиберия в курс дела ставить , тем боле как-никак родня.

Глава четвертая

Совет

Совет собрали только на второй день: кто-то был в отъезде, а у кого-то были неотложные дела, связанные с производством. Вяземский выехал в соседнюю провинцию, где инспектировал качество питьевой воды и проводил соответствующие анализы. Ну, так или иначе, наконец, собрались все.

Совещание предполагалось провести, не привлекая особого внимания, вне столицы. Для этого, по предложению Кириллова, идеально подходила бывшая вилла Косутия на австрийской дороге. Туда под видом охотников стали стекаться приглашенные. Никакой пышности и помпезности. Простые и неброские плащи, добротные, но малозаметные охотничьи куртки из замши. Малоприметные лошаденки и дорожный возок Гнея Порция.

Никаких машин, ассанидских иноходцев и прочих атрибутов власти и богатства.

Когда все собрались, Кириллов отослал слуг и начал сразу и без предисловий, лишь заменив Эолу на Минерву, а кура-торов на богов для лучшей адаптации присутствующих здесь румелийских сенаторов.

-Вот, господа, нам поручено нашими небесными родичами непростое задание.

Он наблюдал каменные мины на лице землян и крайнее удивление и тревогу на физиономиях Бальбинов.

-Да, дорогой тесть, и ты, доблестный Тиберий, я полностью открываю вам тайну, о которой мы могли говорить лишь намеками последние три года. Нас послали для выполнения непростых и опасных миссий в этом мире, которые сами боги не желают выполнять по тем или иным причинам.

-Миссии - это как подвиги Геркулеса? - предположил Тиберий.

-Что-то вроде того, только у этого богатыря их было двенадцать, а нам предстоит выполнить всего лишь три,- кивнув головой, ответил Кириллов.

-Тогда излагай в чем суть дела, Кирилл Евгениус, будем решать, как осуществить порученное.

Кириллов взял со стола кубок с разбавленным коским и, пригубив из него, неторопливо и обстоятельно изложил разговор с кураторами, не забыв упомянуть и про награду.

После его рассказа в триклинии, где происходил совет, повисла тишина.

Нарушил ее Головачев, буднично и просто сказав:

-Ну, чего молчим, задание получено, задачи поставлены, человек, способный преодолеть «барьер голоса бога», у нас есть, давайте обсуждать технические детали.

-Погоди, Виктор Сергеевич, пока предлагаю подумать над

тем, как и какими силами мы проведем данную акцию.

-Я думаю, это должна быть диверсионная операция относительно малой и хорошо подготовленной группы под прикрытием, - предположил Игнатьев.

-Ты прав, Игнасий Андроник, - вдруг подал голос старший из Бальбинов, - под прикрытием, не привлекая внимания «Союза Вольных городов», куда входит Сурхадаш, а то нам только войны с ними не хватало. Ведь объединенные силы ассанидских пиратов и «Вольных городов» вполне могут устроить резню на наших хлебных коммуникациях. К тому же им проще простого отказать нам в гостеприимстве в своих портах и разграбить наши фактории.

-Можно подумать, что после завершения миссии они не догадаются, кто совершил это святотатство, по-другому они наши действия воспринимать не будут, - мотнув головой, высказался капитан Денисов.

-А наплевать, даже если и так, - сказал Жуков. - Во первых, победителей не судят, тем более задание мы получили и его надо выполнять, а во вторых, наши небесные родственники обещали просто царскую награду. Посетив наши миры, мы получим такую мощь и силу, что в течение короткого времени ликвидируем всю пиратскую вольницу под корень. Лишим приморские города и острова статуса «вольных», превратив их в свои провинции. У нас будут десятки боевых машин и кораблей на механической тяге, тысячи винтовок и горы взрывчатки. Я не исключаю даже появление легких

аэропланов.

-Эк, ты куда хватил,- по-русски произнес Денисов, - авиацию уже учреждаешь...

-А что, пилот у нас уже есть, дело за малым: подучимся, добудем самолеты и летать начнем, - воскликнул Смирнов.

-Прыткий ты больно, Серега,- усмехнулся Головачев.

-Так, дискуссию об авиации продолжим в другое время. Давайте решать вопрос о составе группы захвата, численность и командование,- прервал их диалог Кириллов.- У кого какие предложения?

-Считаю, что операцию нужно проводить силами нашего «особого отдела», то есть «тайной канцелярии», - поправился Игнатьев,- так как мы имеем самый большой опыт в подобных делах. Группу готов возглавить я.

-С этим трудно не согласиться, но твоих даже очень хорошо вооруженных и подготовленных бойцов явно будет не достаточно. Тем более, с тебя никто не снимал функции по обеспечению безопасности в столице, господин первый квестор. Так что ты останешься в Румелии, и это не обсуждается, - безапелляционно заявил Кириллов

-Ну, я считал ,что мой опыт и ...-начал было Игнатьев.

-Нет, Андрей, нет.

-Тогда группу нужно возглавлять мне, - подал голос Жуков.

- Да, наверное, ты лучший выбор, Леонид, впрочем, может, у кого есть иные предложения или замечания относи-

тельно командира группы, высказывайтесь,- предложил Евгений.

Но против кандидатуры Жукова никто не высказался.

-Хорошо, а теперь давайте поговорим в общих чертах о технических деталях и возможном составе группы.

-Думаю, что в группу нужно включить как можно меньшее число этнических румелийцев, - предложил Игнатъев.

-Это еще почему! -возмутился Тиберий. - Ты нам не доверяешь?

-Нет. Дело не в этом. Это для того, чтобы после выполнения задания у потерпевшей стороны возникли сомнения в том, кто сотворил такое святотатство. Чтобы не сразу на нас подумали.

-Умно, - одобрил Гней Порций,- но как такое доверишь наемникам без контроля за ними нельзя.

-Ну, контроль-то мы осуществим, -уверил Игнатъев.

-Во-первых, нужно материально заинтересовать наемников. Во-вторых, подобрать для этой цели самых проверенных годами службы, связанных родовыми клятвами и всё такое. Поставить над ними толковых командиров, это как минимум. При этом все они будут выполнять вспомогательную роль, обеспечивая успех группе захвата, - сказал Кириллов.

-Так, это понятно, однако есть еще одно препятствие. Я так понимаю, никто из нас в этом городе не был и имеет весьма поверхностное представления о нем,- напомнил Гней Порций.

-А ведь он прав, тысячу раз прав старый сенатор,- подумал Кириллов и потрогал рукой браслет на запястье.

Ему показалось , что браслет стал теплым, и это успокаивало.

Евгений вздохнул и взял слово:

-Думаю, что план города я раздобуду в самое ближайшее время, подробный план, но кроме него нам бы не мешало иметь явки, знакомых и рекомендательные письма. К тому же предлагаю уже сейчас подумать о том, как заранее задолго до праздника заслат в Сурхадаш своих людей под видом торговцев.

-Хорошая мысль,- согласился Головачев, после этого почему то все взгляды скрестились на Леониде Жукове.

-Квестор Леонидус,- многозначительно произнес Гней Порций.

-Ну это... Господа, я что и жнец, и швец, и на дуде игрец?! Вы уж определитесь кем мне быть: резидентом во вражеском городе, лазутчиком или командиром группы захвата. Всем сразу я быть не смогу.

- В самом деле господа, Леонидус назначен командиром группы, а торговлей должен заниматься кто-то из профессиональных купцов, желательно финикийских. Ведь Сурхадаш - это финикийский город, - напомнил Кириллов.

-Ну, раз такое дело, давайте пошлем с этой миссией Зенона,- предложил Головачев. – Он - финикиец и, тем не менее, румелийский гражданин. Любит деньги, а главное - он

известный торговец и финансист, ему это подходит как никому другому.

-Погодите, не все так просто,- возразил Игнатьев,- тещушка у меня еще тот барыга, но на такое не подпишется. В его понимании, это страшное преступление - ограбить храм верховного бога.

-Постой, Игнасий, не горячись. Баал- бык или Телец, конечно, уважаемый бог финикийцев, только у здешних представителей этой общины к нему неоднозначное отношение. Местные пуны, то есть финикийцы, больше поклоняются Элю, его отцу, богу всего сущего, впрочем, не брезгуя и нашим пантеоном,- перебил его старший Бальбин.

-Твои знания велики, Гней Порций, вот уж не думал, что ты знаток в вопросах религии,- удивленно вскинул брови Головачев.

-Обижаешь, Виктор Сергей, я - пожизненный глава коллегии жрецов храма Юпитера Громовержца, мне по должности положено.

О том, как старый сенатор исполнял возложенные на него обязанности жреца, не судачил только ленивый. Хорошо, если Гней Порций бывал в храме своего верховного бога пару раз в год, открывая весенние праздники Ид и Виналий, посвященные грозному небожителю, в остальном он полагался на своих помощников.

-Тем не менее, Зенон вряд ли пойдет на такое,- настаивал Игнатьев.

- На что такое, Андрей? - по-русски спросил Головачев. - Ему надо-то всего навсего собрать кое-какую информацию да снять дом, а лучше два: один в городе и один в пригороде. Вот и всё. Мы даже его в курс дела ставить не будем.

- Нет, так дело не пойдет, - уже переходя на румелийский, возразил Кириллов, - он должен знать, конечно, не всю правду, но общую цель и задачи.

- Зачем это? - спросил Головачев.

- Возможно, возникнет необходимость сбить противника со следа, отвлечь внимание или еще для чего, - туманно ответил Кириллов.

- Зенон не согласится. Мало того, что это святотатство, да еще реальный риск жизни, давайте поищем кого-нибудь другого, - заявил Игнатьев.

- Ну то, что ты о тесте беспокоишься, это понятно... - начал было Денисов.

Однако возмущенный Игнатьев, резко перебил его:

- При чем здесь это, просто не подходит Зенон для такого дела. Он даже за десять талантов на подобное не согласится, они все здесь на религиозных суевериях помешены.

Здесь Андрей понял, что сболтнул лишнего, и покосился на семейство Бальбинов.

Тиберий насупился, а Гней Порций пропустил слова Игнатьева мимо ушей, он был согласен с Игнатьевым.

- За десять талантов не пойдет на такое, говоришь, - усмехнувшись, произнес Кириллов, - а я-то по своей наивности хо-

тел предложить ему всего один талант за его услуги, только в золоте.

Повисла немая пауза, учитывая жуткий дефицит желтого металла в этом мире по сравнению с Землей, это предложение граничило с фантастикой.

Первым нарушил молчание Гней Порций.

-Прости, дорогой зять, откуда такие деньги и такая щедрость?

-Из сокровищницы Тельца, там около трехста талантов в золоте. По крайней мере так сказала богиня.

-Сколько, сколько?

Глаза старого сенатора полезли на лоб.

-А откуда столько? Это же почти восемь тонн золота!- воскликнул прикинувший в уме цифры Головачев.

-Ну, все очень просто, три четверти этой суммы - храмовые деньги, накопившиеся за столетия, подношения и подарки. Их пускали в рост, финансировали торговлю специями с Востока и ценными породами древесины. Сурхадаш - самый большой посредник между нами и ассанидами, ему плевать на войны. Его фактории раскинулись аж до Хинда.

-Да, нам известна их торговая сеть, но такая сумма...- задумчиво произнес Гней Порций,- ты уверен?

-Они уверены,- Кириллов поднял палец в небо и вновь повисла тишина.

-Хм, за талант золотом половина сенатской курии согласится на любое святотатство: хоть ограбить бога-быка, хоть

сжечь храм бога болотных ящеров Кемта в дельте Великой реки Айгиптуса,-хмыкнул Гней Порций, -наперегонки побегут.

Это вызвало улыбки присутствующих и задорный смех Тиберия, он представил, как чванливые сенаторы, путаясь в своих тогах, бегут за золотом.

-Ладно, шутки шутками, однако кроме магической «сферы» нужно и о себе подумать, золото бросать нельзя,- произнес Евгений.

-Думаю, за такие деньги Зенон согласится, если обеспечить его безопасность,- почесав подбородок, сказал Игнатьев.

-Да не оставим мы его одного, под присмотром и охраной будет. Должна же быть у солидного купца охрана,- кивнул Кириллов.

-Если всё выйдет как задумано, то, клянусь Юпитером, я сам буду ходатайствовать перед курией о сенаторском достоинстве для этого финикийского проходимца,- пообещал Гней Порций.

-Ну, и я бы сенатором его сделал,- засмеялся Денисов,- он поумнее и почестнее, как ни странно, многих из них будет. Тем более, сенат сейчас ничего не решает.

Кириллов откашлялся, требуя к себе внимания. Все головы повернулись к нему.

-В общих чертах я осветил нашу задачу. Для начала достаточно. Теперь тебе, Леонидус Виталий, предстоит подо-

брать людей и готовится.

Жуков кивнул.

-А тебе, Виктор Сергей,- продолжил Кириллов, обращаясь к Головачеву, - необходимо в ближайшее время заложить на стапелях корабль нового типа и продумать его силовую установку, полагаться только на ветер мы не станем - на кону большое дело и жизнь наших товарищей. О подготовке к операции докладывать членам совета еженедельно. За сим не смею задерживать, господа.

-Принято,- кивнул Головачев,- завтра же займусь этим.

-Давай, Витя, -по-русски сказал Евгений,- продумай двигатель.

Головачев кивнул и вышел из-за стола.

Глава пятая

Кошмар наяву

Корабль болтало из стороны в сторону, подбрасывая на волнах, казалось, этому не будет конца. Бесконечные качели вверх-вниз, вверх-вниз. Квинтилия уперлась босыми ногами в какой-то брус в трюме и, вжавшись в деревянную переборку, впала в забытие. Ее уже не беспокоили и не тревожили крики и стоны узников этого плавучего ада. Она уже не ощущала запахов нечистот, немых тел и рвотных масс. Ей было все равно. Квинтилия тупо смотрела перед собой и не понимала, что происходит, точнее ее сознание отказывалось понимать происходящее. Зажатая между досками переборки и соседкой слева, той самой девушкой-служанкой, с которой

Квинтилия пряталась под кроватью.

-Надо бы узнать ее имя, или, как там у них, кличку. У них? Нет, теперь уже у нас. У нас!- от этой мысли стало совсем горько и слезы сами навернулись на глаза.

-За что, немилосердные боги?- непроизвольно вырвался вопрос ,из ее уст.

Лежащая в ее ногах темноволосая девушка, звякнув цепью на ноге, внезапно повернулась к ней и жестко произнесла:

-Не гневи богов, сенаторша, ты жива , а могла лежать с перерезанным горлом, как наша хозяйка, или что они там с ней сделали, прежде чем зажарить на погребальном костре.

Это была та самая рабыня, которую Аврелия приказала заморить у позорного столба.

-Как ты смеешь...- начала было Квинтилия, но осеклась, произнеся,- прости, я не хотела.

Рабыня хмыкнула и потянулась до хруста в суставах, казалось, что ей все нипочем: качка, грязный трюм, цепи.

-Смею, сенаторша, смею, мы теперь все здесь одинаковы. Кстати, как тебя зовут?

-Квинтилия Цетег,- ответила пленная аристократка.

-Ты это имя забудь, если хочешь жить. Будешь Квинтой, так теперь и говори, когда спросят, а лучше вообще молчи и отвечай «Как угодно господину». Попадешь в бордель, тебе новую кличку дадут, ну, это если повезет.

-А если не повезет? - в ужасе произнесла Квинтилия.

-Ну, а если не повезет, отправишься на ферму вместе с ними,- она кивнула на сидящих напротив рабынь варварок - молодых крепких девок с простыми крестьянскими лицами, отупевшими от работы и побоев. Трое из них сильно страдали от морской болезни, четвертая меланхолично грызла сухарь, как ни в чем не бывало, почесывая время от времени свой поротый зад.

-Ну чт,о сенаторша, нравится компания?

-Не называй меня так, - со страхом взмолилась Квинтия.

-Не бойся, они не понимают языка, только команды. В нашем трюмном закутке говорить на румелийском да и на серединоморском диалекте можем мы трое, остальные, считай, немые.

Им в самом деле, можно сказать, повезло попасть не в общий трюм, а в какой-то отдельный грузовой отсек, где когда-то хранились канаты и другой такелаж.

-Совсем не понимают? - спросила рабыня –бывшая служанка.

-Совсем. Их захватили где-то на севере и продали в поместье Аврелиев. Вся их жизнь - это работа в поле или сон, а вон та, крайняя, вообще говорить не может - добрая хозяйка приказала отрезать ей язык ради забавы. Впрочем, мне они его тоже хотели отрезать, как ты помнишь. Только боги вращают колесо судеб и никто не знает как оно повернется.

-Надеюсь, им повезет с новым хозяином, - предположила

рабыня-служанка.

-Не знаю, может - да , а может - нет.

-Как тебя зовут?- спросила Квинтилия бывшую прислугу.- Давайте хоть познакомимся.

-Когда-то звали Берникой, давно, в прошлой жизни. -ответила та. - Госпожа Аврелия называла «массаж» или «эй ты».

-Ну да, «эй ты», «девка», «поломойка», некоторые вообще только номер имеют, сама скоро всё узнаешь, - ответила темноволосая.

Квинтилия вздохнула и спросила:

-Но ведь ты тоже не всегда была просто - «эй девкой»?

-Не всегда, когда-то у меня было имя или скорее прозвище, похожее на имя человека.

-Какое?

-Аристоника. Я была танцовщицей, акробаткой в столичном заведении, пока не получила травму руки на одном из выступлений.

-А дальше, как ты попала к Аврелиям?

-Это долгая история, я не хочу об этом, - тряхнула головой Аристоника.

-У каждой из нас своя история,- вздохнула Берника.

-Кроме сенаторши, у нее нет истории, только сказка, жизнь как медовая плюшка была.

Последнее слово она выделила особо.

-Была,- кивнула Квинтилия и замолчала.

В тот день они больше не проронили ни слова. Качка усилилась, снаружи дул крепкий ветер, его завывание долетало даже до ушей узниц трюма. На какой-то момент Квинтилия отключилась и впала в спасительное забытие.

Разбудил ее солнечный луч, каким-то чудом пробившийся в их темницу сквозь настил палубы. Шторм наконец закончился, и корабль шел в спокойных водах.

Квинтилия окончательно проснулась и, открыв глаза, сладко потянулась, разминая затекшие мышцы.

Рядом, в позе эмбриона сопела Берника, а напротив с меланхоличным видом, закинув руки за голову, лежала Аристоника, она смотрела куда-то вверх и улыбалась.

Это было так удивительно, что Квинтилия от неожиданности для себя прикрыла рот рукой.

Аристоника заметила ее пробуждение и повернула к ней голову.

-Ну что, проснулась, Квинта? Доброе утро, подруга.

-Доброе,- как-то нерешительно отозвалась Квинтилия. - А мы что ли приплыли куда-то?

Аристоника пожала плечами и с равнодушием произнесла:

-Не знаю, наверное – нет. С утра матросы кричали о какой-то бухте и месте сбора.

-Место сбора, что это?

-Мне почем знать, ты у нас сенаторша, читать и писать наверняка умеешь.

-А ты?

-Смеешься, говорящей скотине грамота ни к чему. Если бы умела, то была бы помощницей ключницы в поместье. Грамотная рабыня дороже стоит, ты, когда тебя продавать поведут, обязательно скажи об этом, может, в служанки попадешь.

-Ты вчера говорила о борделе.

-Это я так, чтобы тебя позлить, хотя и в бордель продать могут, ты красивая и молодая.

-Красивая, правда?

-Правда,- хмыкнула Аристоника и потрепала Квинтилию по ноге.- Слушай, а у тебя мужики были?

-Мужики...- переспросила Квинтилия.

-Ну да.

-Ты хочешь спросить девственница ли я?

-Да.

-Да.

-Да – что: были или нет?

-Нет, не были.

Аристоника хлопнула себя по колену и засмеялась:

-Да ты никак в весталки готовилась, вот повезет кому-то.

-Кому?

-Ну, твоему будущему хозяину. Моли богов, чтобы это был не толстый плешивый старик,- улыбнувшись, сказала бывшая танцовщица.

-Пусть будет кто угодно: лысый, плешивый, толстый, ка-

кой угодно, только бы не злой,- произнесла проснувшаяся от смеха Аристоники Берника.

Аристоника посмотрела на подругу по несчастью и, перестав усмехаться, серьезным голосом произнесла:

-Ты права, самое страшное - попасть во власть извращенца или богатого сибарита, для такого ты будешь лишь очередной игрушкой, которую не жалко сломать ради сиюминутной забавы.

Квинтилия слушала и внутренне содрогалась: будущее вызывало в ее сердце оторопь.

Их разговор прервался на полуслове, наверху раздался топот ног. Потом был всплеск воды, как будто в нее упало что-то тяжелое.

-Якорь бросили,- догадалась Квинтилия.

Еще некоторое время продолжалась беготня и суeta на палубе, затем крики и шаги стихли, будто корабль опустел, лишь переругивание вахтенных ,тихий скрип снастей и плеск волн нарушали тишину. Так продолжалось около часа.

Потом, над узниками трюма откинулась крышка люка, и в глаза девушкам ударил яркий солнечный свет и, о чудо, поток свежего воздуха

-Похоже, есть принесут, а то живот подводить начало,- сказала Аристоника, - со вчерашнего дня одни сухари были.

-А мне и есть не хотелось, все время мутило, а вот пить хочется, - вздохнула Берника.

-Опять, наверное, сухари дадут и воду.

Квинтилия вспомнила покрытый плесенью ячменный сахар, который получила вчера на завтрак, плавно перешедший в ужин, и внутренне содрогнулась.

-Неужели мне все время придется есть такую дрянь.

Но она ошиблась: на этот раз кроме заплесневелых сухарей была каша и завяленная рыба.

Это Шрам расщедрился на еду, он как никто другой понимал, что пленники не должны терять товарный вид перед будущей продажей. Тем более, причалив в этой укромной, мало кому известной бухте, пираты наведались в прибрежную рыбацкую деревню. Нет, совсем не для того, чтобы пограбить, у их предводителей здесь были свои люди. Староста деревушки, имел интерес к «сотрудничеству» с морскими разбойниками, снабжая их рыбой и свежей водой, а взамен получая железные инструменты, ткани и немного серебра.

Так что, получив провиант, Шрам решил кормить и невольников.

В трюм спустили корыта с остывшей ячменной кашей, черствые лепешки, связку сушеной рыбы и несколько ведер свежей воды.

Одно корыто досталось и обитательницам отсека, где сидела Квинтилия.

-Приятного аппетита, красотки, - хохотнул один из матросов,- давайте жрите, после завтрака искупаетесь, а вечером мы пригласим некоторых из вас на вечеринку. Будут вино, танцы и крепкие...- он показал на свою набедренную повяз-

ку, сделав недвусмысленный жест руками. - Довольны останетесь! Ха-ха, ха.

Пираты ослабились и, окинув взглядом напуганных девушек, полезли верх на палубу.

Внезапно Аристоника вскочила на ноги и насколько позволяла цепь подобралась к лестнице.

-Господин,- обратилась она к матросу.

-Чего тебе, шлюха?- кивнув головой, спросил он.

-Господин, не закрывай люк, здесь очень душно, мы все равно никуда не сбежим.

-Ладно,- милостиво согласился пират, - дышите свежим воздухом, пока здесь стоять будем.

-А долго стоять-то будем?- спросила Аристонику.

-Не твое дело, рабыня, сколько надо - столько и будем, жрите давайте и болтайте поменьше, - грубо оборвал ее матрос.

-А ложки и миски дадут? - поинтересовалась Квинтилия.

Аристонику бросила на нее уничтожающий взгляд и ответила:

-Привыкай.

После чего подала знак девчонкам, сидевшим у противоположной стены, слегка подвинув корыто к ним, при этом сама запустила пятерню в уже подстывшую комкастую кашу.

Квинтилия первый раз видела, как люди с жадностью, подобно свиньям хватали из корыта больше похожую на клейстер еду и зубами, как звери, отрывали куски от черствых

лепешек.

Аристонику бросила взгляд на пленную аристократку и, подтянув ее за руку к каше, жестко приказала:

-Ешь давай, рабыня, а то ноги протянешь.

-Не могу...-начала было Квинтилия, но ее новая подруга по несчастью грубо отрезала:

-Жри, сенаторша, ослабеешь или заболеешь, они тебя за борт выкинут, ешь!

Квинтилия покорно примостилась на колени между Берникой и молодой белокурой варваркой, громко чавкающей с набитым ртом. Дикарка жадно загребала рукой овсянку и закусывала ячменной лепешкой, при этом, улыбаясь, смотрела на румелийку.

-Боги, куда я попала,- думая про себя, содрогнулась Квинтилия, при этом она тоже взяла пригоршню каши и лепешку и попробовала проглотить ее.

Каша была почти безвкусной, немного солоноватой, ее варили на морской воде, а лепешка хоть и не свежая, но все же вполне съедобная, отметила про себя Квинтилия.

Она никогда не ела ячменный хлеб, это считалось крайне дурным моветоном в ее среде, чем-то недопустимым, ведь ячмень - пища скота и рабов. Квинтилия даже своих слуганок им не кормила.

А сейчас она вгрызается в эту ячменную лепешку грубого помола и находит ее приемлемой для себя.

-Быстро же ты адаптируешься к ситуации, Квинтилия Це-

тег, скоро, наверное, вот также чавкать и отрывивать начнешь, как эта дикарка.

Эта мысль возмутила ее и вызвала внутренний протест, но с другой стороны: -Надо выживать, и если боги послали таких спутниц, значит, на то их воля.

После завтрака, который она кое-как, борясь с брезгливостью и стойким неприятием окружающего мира, сумела засунуть в себя, Квинтилия, как ни странно, почувствовала себя лучше.

Запив поганый овсяный клейстер двумя кружками чистой воды, пленная аристократка решила повнимательнее приглядеться к своим спутницам, благо обстановка в их отсеке это легко позволяла сделать. Люк по-прежнему был открыт, свежий воздух постепенно вытеснял вонь трюма, по крайней мере она не ощущалась так явственно. К тому же на якорной стоянке не было даже намека на качку, так что Квинтилия, стараясь не привлекать внимания, стала изучать подруг по несчастью.

Каково же было ее смущение, когда она увидела на себе бесцеремонные взгляды молодых варварок, их гортанную лающую речь и тыканье пальцем в ее сторону, сопровождавшуюся смешками. Они открыто обсуждали ее.

Шесть коротко стриженных, немых девок, загорелых, с обветренной на солнце кожей, волосами цвета спелой соломой, непонятного возраста. Скорей всего они были ровесницами Квинтилии, но выглядели явно старше своих лет из-

за неухоженности и тяжелой работы.

-Полевые рабыни,- подумала Квинтилия, - я раньше совсем не обращала на них внимания. Помню, наш управляющий считал их по головам, как скот, но ведь они и есть скот, достаточно посмотреть, как они едят и как ведут себя. Ужас, и ты тоже только что хватала кашу руками из общего корыта, словно животное.

Она смущенно опустила глаза и сделала вид, что решила подремать, прислонившись к перегородке.

-Спать охота или компания не очень, -хмыкнула Аристоника.

-Я так понимаю, кампанию здесь не выбирают, -посмотрев на нее, ответила Квинтилия, - тебе было бы приятно, когда в тебя смеясь тычут грязными пальцами и насмеваются?

-Ну, во-первых, они не насмеются,- сказала бывшая танцовщица.- Просто у них манера общения такая, они диковатые, но не злые. А что касается остального, то когда тебя поставят на камень продаж и будут лапать, обсуждая твои достоинства и недостатки, вот тогда ты с нежностью вспомнишь их манеры.

Квинтилия внутренне содрогнулась от такой будущности, но, взяв себя в руки, спросила:

-А долго продавать-то будут, сколько обычно стоят на рынке?

-Тут два варианта,- авторитетно пояснила Аристоника,- скорей всего, пираты сбросят весь живой товар в ближайшем

порту оптом местным купцам, а потом работорговцы будут продавать нас мелкими партиями или в розницу по головам. Хотя если у них будет свой торговый дом в городе - займутся этим сами.

-Откуда знаешь, -задала вопрос Квинтилия,- тебя часто продавали ?

-Нет, меня не часто, но у нас было достаточно девушек, попавших в рабство подобным путем. Иногда мы рассказывали друг другу истории своих судеб и злоключений.

-Послушай, а если они продадут меня работорговцу, то я ведь могу сказать, что я румелийская аристократка и за меня положен выкуп, родня не поскупится, а ты и Берника можете назваться моими служанками.

Аристоника посмотрела на Квинтилию и вздохнула:

-Не знаю, может, тебе и удастся такое, но я бы не рассчитывала. Сейчас лучше молчать о своем происхождении, а то вмиг Мардан отправит тебя на свидание с твоей кузиной, Квинта.

Квинтилия закусил губу, но промолчала.

Аристоника посмотрела на нее и добавила:

-А ты не плохая девчонка, хоть и сенаторша, за предложение насчет служанки, конечно, спасибо, только я воздержусь от него.

-Почему ты не хочешь вернуться?

-Вернуться?! Куда, к Аврелиям?! Нет, уж не надо, хуже, чем у этих самодуров мне не будет, лучше в лупанар, всё

одно пропадать.

-Но кухня мертва и управляющий тоже...

-И что? Мыть полы и удовлетворять похотливого надсмотрщика я могу и в другом месте. Нет разницы.

-Не скажи, вмешалась Берника, иногда есть.

-Ну так расскажи, принцесса, а мы послушаем, может, ты дочь властителя, тогда у меня, выходит, царская компания, всем буду рассказывать, как в гнилом трюме с царевнами на одной цепи сидела.

-Зачем ты так,- мотнув головой, ответила массажистка,- ты просто хочешь выглядеть злее и хуже, чем есть на самом деле.

-Пошли вы обе куда подальше,- Аристоника насупилась и отвернулась.

Они больше не проронили ни слова. Квинтилия вновь впала в спасительное забытие, уснув тяжелым сном. Ей снился дом, отец и дядюшка, покойная Аврелия со своей колесницей, дробный цокот коней по дороге, который почему-то перешел в топот босых ног по деревянному настилу и отборную ругань на неведомом языке.

Она проснулась.

На палубе вновь слышались шаги, брань и крики, с берега вернулась часть команды. Снаружи начало темнеть, приближался вечер.

-Я проспала весь день, странно, наверное, из-за пережитых волнений. Это называется нервы, так объяснял подоб-

ную реакцию организма их домашний врач, ученый грек Филолай. Боги, Филолай, нервы, наставления учителей - где всё сейчас это?

Послышалось приближение шагов, и люк в ту же минуту захлопнулся, в их отсеке вновь наступила темнота.

Одна из девушек варварок, та, что меланхолично жевала сухарь, громко произнесла какую-то фразу, на никому неизвестном языке. Это вызвало смех у Аристоники.

Бывшая танцовщица обратилась к дикарке, и та залилась смехом.

-Ты говоришь на их языке?- с удивлением воскликнула Квинтилия.

-Нет, знаю сотни полторы слов, не более, ну и ругательства, конечно.

-Откуда?- поинтересовалась Берника.

-У меня подруга была с Севера, от нее научилась, веселая была девчонка.

-Ты сказала была, что с ней стало?

-Заболела дурной болезнью, и Поркус Марлен - наш владелец - продал ее на рудники. Обычное дело для вас, румелийцев, впрочем, наверное, для всех хозяев. Меня тоже на рудники хотели продать, а продали Аврелиям.

-За что? Что ты сделала?- задала вопрос Квинтилия.

-Плохо удовлетворила одного извращенца,- усмехнувшись, ответила Аристоника.

-Ты когда-нибудь была свободной?- спросила румелийка.

-Нет, я родилась в борделе, так что кроме борделя, трена-
ра по акробатике и площадки для танцев не видела ничего.
Меня с семи лет, почти четыре года, учили танцам и цирко-
вым кульбитам, а потом заставили выступать каждый вечер
перед публикой. Хозяин не продавал мое тело, он продавал
мое умение и навыки для услады зрителей.

-Я так понимаю, это были не просто танцы?- спросила
Квинтилия.

-Ты догадливая, это были танцы среди мечей, постоянная
игра со смертью. Кто - кого. Шесть лет подряд.

-Какой ужас! - воскликнула Квинтилия.

-Ну почему ужас! Это лучше, чем обслуживать кого попа-
ло, и по два раза в год провоцировать выкидыши, от этого и
умереть можно. Впрочем, на все воля богов.

-Я знаю, есть средства, не позволяющие беременеть,- ска-
зала Берника.

-Есть, но они не всегда помогают,- вздохнула Квинтилия,-
я разбираюсь в травах и снадобьях.

-Правда, вот уж не подумала бы, зачем тебе это нужно?-
хмыкнула Аристоника.

-Интересно. Мы с моей кормилицей, да упокоят ее душу
боги, даже домашних рабов лечили, особенно детей.

-Видно, ты была доброй госпожой, раз так, -заклЮчила
Берника.

Квинтилия пожала плечами, не найдя, что ответить.

-А у меня, когда заболел мой ребенок, его просто отобра-

ли, не знаю - выжила дочка или нет,- дрогнувшим голосом сказала Берника. - Вилика приказала мне тогда кормить грудью щенков на псарне, чтобы молоко не пропадало зря, но оно очень скоро закончилось.

-У тебя был ребенок?- спросила Аристоника.

-Да, был от любимого человека.

-Любимого?- в голосе бывшей акробатки чувствовалось недоверие. - Он был рабом?

-Нет, он был солдатом.

-Солдатом, это даже не смешно,- хмыкнула Аристоника.

-Хочешь верь - хочешь нет, но мы с Титом любили друг друга.

-А потом он бросил тебя с пузом, а сам отправился завоевывать новые страны...

-Нет, он попал в тюрьму, защищая меня, избив румелийского аристократа на вилле Тиберия Бальбина.

-Прости, подруга, я много слышала сказочных историй, но такую слышу впервые: чтобы за девку типа тебя два румелийских аристократа устроили драку...

-Тит не был аристократом, он был офицером в армии...

-Звучит как сказка...

Она не договорила, люк вновь откинулся, и на лестнице, ведущей в трюм, показался матрос.

-Ну что, шлюшки, соскучились по мужикам?- хрипло захохотал он, отрывая винные пары. При этих словах пират, словно колокольчиком, звякнул связкой ключей.- Сейчас я

кое-кого из вас отопру.

Парень был сильно пьян и чуть было не сверзился с лестницы.

-Осторожно, матросик,- развязано и нагло засмеялась Аристоника,- а то сломаешь свой стойкий меч и нечем будет радовать девушек.

Пират расхохотался.

-А ты веселая потаскуха, сразу видно - горячая.

-Ну так не обожгись, милый.

-Не бойся, не обожгусь.

Он окинул взглядом отсек и остановился на светловолосых варварках.

-Капитан приказал привести блондинок, только они какие-то потасканные, помыть бы вас не мешало, свиньи.

-Сам свинья,- подумала про себя Квинтилия, в ужасе вжавшись спиной в угол.

Матрос позвал своего напарника:

-Эй, Мезий, спустись сюда и посвети мне, а то я их толком рассмотреть не могу.

Тот, кого называли Мезием, что-то хмыкнул в ответ и буквально скатился в трюм, держа в руке масляный светильник.

-Ну что тут у тебя, просили же белокурых девок привести...

-Ну, ты сам посмотри: вот эта острижена под мальчишку, а у той спина, как у зебры, их только на мельницу отправлять, а не для развлечения капитану.

Напарник Мезия грубо повернул к свету очередную девушку и, схватив ее за лицо, тут же оттолкнул, со словами:

-Клеймо на щеке, беглая.

Рабыня промычала что-то в ответ.

-И язык, похоже, отрезан, ну дела.

-Бери вон ту, что с краю, она получше выглядит, и волосы хозяева обрезать не успели, да и соседка ее ничего так, ноги толстоваты, ну так это на любителя,- ткнул Мезий пальцем в двух девушек.

Пират с ключами недолго провозился с замком и, освободив от общей цепи пару рабынь, и погнал их к люку. Его напарник тем временем осветил помещение отсека и оглядел оставшихся девиц.

Взгляд его упал на Квинтилию.

- О, смотри: вот эту тоже можно взять.

-Но она же не блондинка,- возразил первый пират.

-Но зато и не чернявая, да и не сильно загорела, сразу видно - домашняя прислуга.

Мезий обдал Квинтилию ядреным перегаром и запахом чеснока.

-Меня сейчас стошнит,- подумала румелийка и произвольно отрыгнула.

-Фу, ее блевать тянет, видно, совсем укачало,- отшатнулся матрос.

-Наплевать, бери, разберемся, вино в глотку зальем, и ей полегчает,- засмеялся обладатель ключей.

-Господин, зачем тебе это неумеха, ее постоянно рвет, эта изнеженная сучка не переносит мужчин, возьми лучше меня, я была танцовщицей в лучшем столичном лупанаре,- заявила Аристоника.

-Правда,- за секунду потеряв интерес к Квинтилии, осклабился Мезий,- а не врешь?

-Зачем мне тебе врать, посмотри на меня,- с этими словами Аристоника продемонстрировала длинные стройные ноги и игриво задрала подол и без того короткой туники.

-Вот это да! - хлопнул себя по бедрам Мезий. – Эй, давай сюда ключи, я забираю эту суку с собой.

-Надеюсь, у вас там найдется глоток вина для меня, господин, и, может, кусочек мяса, а то каша в глотку уже не лезет,- развязано спросила Аристоника .

-Найдется ,если заработаешь,- весело ответил Мезий, залезая ей под подол.

-Мне бы еще вымыться...

-Конечно, на палубе тебя ждет ведро с водой, да и море к твоим услугам, давай живее, шевели задницей.

С этими словами пират отпер замок на ее щиколотке и потащил девушку к лестнице.

Через минуту люк вновь захлопнулся и трюм погрузился во мрак.

-О боги, она второй раз спасла меня,- подумала Квинтилия,-а я думала о ней как о низшем существе. Какая же я гадкая. Клянусь, если только выберусь - спасу и Аристонику

с Берникой.

То ли от обиды на саму себя, то ли от жалости к своей судьбе Квинтилия расплакалась.

Почувствовав, что ей плохо, Берника подвинулась вплотную к ней и обняла, как ребенка.

-Успокойся, они ничего плохого ей не сделают, ничего такого, что бы она не переживала в этой жизни. Она сильная и смелая, она выдержит.

-Я-я - избалованная дрянь,- только и произнесла Квинтилия сквозь слезы.

-Нет, просто ты не должна здесь быть, госпожа.

-Здесь никто не должен быть, ни ты, ни она...

-На всё воля богов, они обрекли нас на такую участь, госпожа, но тебе здесь не место.

-Не называй меня госпожой, я жалкая пленница этих скотов, как и ты, такая же рабыня, как все здесь. Я Квинта. Квинта - игрушка в руках судьбы и твоя сестра по несчастью.

-Хорошо, Квинта, мы будем держаться вместе, ты, я и Аристоника, пока судьба или смерть не разлучит нас. К несчастью, от таких, как мы, ничего не зависит.

Квинтилия плохо помнила, как прошла ночь: она то просыпалась от далеких звуков варварской музыки и криков где-то на берегу, то вновь проваливалась в тяжелый сон. Рядом дремала Берника, а в соседнем углу храпели варварки и металась в бреду немая рабыня, видимо, ей снились кошмары.

Аристоника и девушки вернулись под утро, измученные,

в обрывках и без того жалкой одежды.

Матрос приковал их к общей цепи и, почесав волосатую грудь, ухмыльнулся:

-Отдыхайте, через пару часов принесу завтрак, - после чего неторопливо поднялся наверх.

Квинтилия попыталась объясниться с Аристоникой, но та лишь грубо оборвала ее, буркнув :

-Отвали,- и повернулась к ней спиной.

-Я просто хотела,...- начала было румелийка.

-Раз хотела, в следующий раз сама пойдешь, а сейчас дай поспать.

Берника помотала головой:

-Не трогай ее, видишь, она сама не своя.

Проникший сквозь доски палубы луч света ,на секунду прорезал мрак их застенка и упал на лицо девушки-варварки, той, что чавкала за обедом. Она тупо смотрела перед собой ничего не выражающими глазами, бедра рабыни покрывали свежие синяки, а в уголке рта запеклась кровь из-за разбитой губы.

-Я могла оказаться вместе с ней, если бы не Аристоника,- отчаяние холодной змеи вползало в душу Квинтилии, ей захотелось покончить с этой жизнью раз и навсегда .

-Если они вызовут еще раз девушек на свою поганую оргию, я пойду и или утоплюсь по дороге, или, как Аврелия, улучу момент и всажу столовый нож кому-нибудь в брюхо, а там пусть убивают, хоть на крест, хоть на кол, не нужна мне

такая жизнь.

Однако мысли о кресте вызвали в ней жуткие воспоминания, а с ними вновь накатил страх. Она вспомнила, как в соседнем поместье распяли двух служанок, за попытку наведения порчи на свою госпожу. Кресты с несчастными поставили на перекрестке дорог, и все могли видеть процесс их мучительной и долгой смерти. Смерти без погребения, ибо их тела склевали птицы и растащили по кускам бродячие собаки.

-Умереть без погребения, в муках,- Квинтилию передернуло, она посмотрела на Аристонику и заметила, что та трясется в беззвучных рыданиях.

Румелийка и Берника, не сговариваясь, на сколько им позволяла цепь подползли к бывшей танцовщице и попыталась обнять ее. Та не отстранилась, а лишь прижалась к своим подругам всем телом и дала волю слезам и эмоциям.

Так они просидели почти до полудня, пока люк не открылся, и узникам не спустили корыто с кашей и лепешками.

В этот раз у Аристоники не было аппетита, она, как и сидевшие напротив варварки, механически грызла лепешку и смотрела в одну точку не видящим взглядом.

-Ты, больше не пойдешь туда, не пойдешь к этим животным,- решительно заявила Квинтилия,- пойду я, я должна привыкать.

Сказала и осеклась под взглядом Аристоники.

-Помолчи, дура,- беззлобно бросила танцовщица,- сама не

знаешь, что несешь... Я, считай, шлюха и то едва выдержала этих пьяных ублюдков, а ты просто сошла бы с ума.

-Я, я, – было начала Квинтилия.

-Заткнись,- уже со злобой в голосе прошипела Аристоника,- скажи спасибо своей богине, как ее там, что ты спасла меня от смерти, поэтому, если будет на то воля небожителей, ты дойдешь до камня продаж нетронутой, а остальное уже зависит от случая .

Однако Квинтилия твердо решила больше не укрываться за спинами своих нечаянных подруг и покорно встретить предначертанную ей судьбу .

Да вот только ее покровительница, богиня Астрейя или кто-то из богов, вновь пожелали продолжить игру, не обрывая нить жизни Квинтилии.

После полудня корабль выбрал якорь и вышел в открытое море.

Невольники в трюме не знали, да и не могли знать маршрут эскадры их похитителей.

Глава шестая

Пираты и пленницы.

-Арьергард мы потеряли, проклятые румелийские собаки перехватили наши корабли, но, клянусь всеми богами, они за это заплатят,- воскликнул Арий Бабак, бывший капитан ассанидского флота, а ныне один из лидеров пиратов.

-Похоже, уже начали платить. По утверждениям очевидцев, один военный корабль республики мы утопили, а второй

повредили настолько, что он вряд ли когда выйдет в море,- напомнил Бакр.

-Утопили, а какой ценой?! - с возмущением прорычал Мардан.- Три их корабля разбили в пух и прах наш арьергард, практически весь, а если бы их было больше...

-Но, наварх, ты же знаешь, что у них непревзойденное огневое оружие, на суше они разбили армию царя царей, перебив даже элиту...- начал было Бакр.

-Замолчи, не твоего ума дело, жалкий червь, поминать все деяния шахиншаха.

Мардан не терпел, чтобы кто-то обсуждал в его присутствии верховного правителя, тем более напоминая о его прочетах и поражениях.

-Я только хотел сказать...

-Всё! Больше ни слова о шахиншахе.

-Ну ни слова, так ни слова,- подумал про себя Шрам и предпочел помолчать пока не спросят, он видел Мардана в гневе и знал о его злопамятности.

Когда пиратский наварх немного успокоился и стал рассуждать более логически, Шрам предложил выработать тактику, позволяющую избегать столкновений с румелийским флотом в будущем.

-Да, пока так и надо делать: всеми способами уходить от столкновений, наши корабли более быстроходны, ну а если придется вступать в бой, то только с численным перевесом - три-четыре к одному.

-Что-то в этот раз перевес нам не помог,- не унимался Бакр.

-Ну так и понятно, они начали бой на своих условиях: сразу завладели инициативой и атаковали первыми в теснине пролива.

-А где гарантия, что такое не случится в дальнейшем?- спросил Шрам.

-Восточная часть моря нам известна лучше, и там много наших крепостей, факторий и укромных бухт,- уверил Арий Бабак.

-На это только и осталось надеяться,- проворчал Бакр.

-Нет, не только на это,- возвысил свой голос Мардан,- перед нашим набегом я получил заверения от двора его величества, что в самое ближайшее время мы получим три десятка установок «Копья Ахурамазды» с изрядным запасом огненных стрел, тех что румелийцы почему-то зовут ракетами. Кроме этого горшки с огнесмесью к катапультам, десять огнеметных сифонов и...- тут он сделал паузу, все взгляды устремились на него, - к нам перебежал синский мастер огненного боя. Сейчас в столице разворачивается производство громовых труб, так что самое позднее через полгода у нас появится эффективное оружие.

-Орудия румелийцев не чета синским,- скептически заметил Бакр.

Мардан злобно покосился на него, но все же удостоил реплику старого солдата ответом:

- На суше - да , а в море, кроме оружия, нужны еще выучка, сноровка, знание вод и ветров, погоды, да многое что еще, а у нас они лучше, чем у противника.

- Главное, это милость богов и удача,- напомнил молчавший ранее бывший сотник, а ныне командир всей морской пехоты пиратской флотилии Шакир.

- Боги не помешают, только не стоит забывать про наших «друзей» и бывших хозяев из «Берегового братства», - со злобой в голосе напомнил Шрам,- вот кого бы я отправил на дно, не задумываясь. Кстати о выучке и подготовке экипажей - они ни чем не уступают нам.

- Да, только очень уж деньги любят и с ними всегда можно договориться, если заплатить,- усмехнулся Мардан.

- К счастью, это так,- согласился Бакр.

- Ну, слава богам, хоть в чем-то ты со мной соглашаешься,- засмеялся пиратский наварх и хлопнул своего офицера по плечу, разрядив обстановку.

Как и предполагалась, пиратская флотилия после удачного набега на румелийское побережье держало свой путь во владения «вольного города» Деспотиса - самой ближайшей и очень удобной перевалочной гавани на Серединном море. Там предполагалось провести ремонт судов, пополнить припасы и сбыть пленников. После чего морские разбойники планировали уйти в восточное Средиземье на свои базы под защиту союзных им крепостей.

В Деспотисе у Мардана со Шрамом находился свой тор-

говый дом, конечно, открытый через аффилированное лицо. Именно эта богоугодная контора и занималась продажей и переправкой живого товара на невольничьи рынки, сбывая пленников оптом и лишь изредка проводя закрытые аукционы, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Городские власти знали о источниках получения новых партий рабов, но смотрели на это почти «законное» предприятие сквозь пальцы, ведь и налоги городу и подарки кому надо шли бесперебойным потоком.

Отвечал за всю столь прибыльную коммерцию старый проходимец, бывший расхититель гробниц и храмов Пройдоха или, как он себя сейчас именовал, Аристарх Аргир. Именно под таким именем этот «достойный» торговец когда-то появился на свет, по крайней мере по его утверждению.

Впрочем, у «Пройдохи» было и еще одно прозвище - «Безликий». Наверное потому, что этот невзрачный человек легко мог затеряться в толпе за минуту преобразившись из богатого купца в нищего ремесленника и наоборот. Он по обыкновению всегда носил просторную восточную одежду, не стеснявшую движений, и никогда не обнажался на людях, скрывая многочисленные следы от плетей и клейма, оставленные на его теле раскаленным железом.

«Безликий» был подлым и беспринципным, но полезным малым, с легкостью входившим в любые деловые круги Деспотиса, и эти его качества в полной мере использовали ли-

деры пиратов.

Для содержания живого товара Пройдоха оборудовал три казармы и подвал Торгового дома, благо они располагались рядом с рынком рабов.

Именно в негостеприимные казематы Аристарха «Безликого» и попали все пленники пиратов.

Квинтилия со смесью ужаса и затаенного интереса рассматривала длинный коридор с рядами зарешеченных дверей по бокам, по которому их гнали. К своему удивлению, она обнаружила насколько огромное количество людей было захвачено во время разбойничьего рейда.

Грабившие побережье шайки пиратов увели в плен без малого полторы тысячи человек: молодых мужчин, женщин и подростков. Сейчас эта толпа, подгоняемая тупыми накопниками копий, плетью и собственным страхом, покорно брела по тюремным коридорам, звеня цепями кандалов по каменным плитам.

-Отсчитывай по пятьдесят голов, бабы отдельно, мужики отдельно. Куда ты их загоняешь? Детей - в дальние камеры, давай быстрее, что там возитесь,- распорядился маленький невзрачный тип со злыми глазами, одетый в дорогой халат восточной работы.

-Живее, живее,- орали надсмотрщики, щелкая кнутами.

-Похоже на зверинец, - пробормотала Квинтилия.

-Ну, это и есть зверинец, а мы в нем животные,- согласилась Аристоники, потом посмотрела на румелийку и произ-

несла:- Держись нас с Берникой, иначе пропадешь.

Квинтилия кивнула, ничего не ответив.

Надсмотрщик грубо отсчитал пятьдесят голов двуногого скота, включая трех подруг по несчастью, и стал заталкивать их в камеру.

Перед входом в камеру началась сутолока и крики.

-Там моя сестра, позвольте нам быть вместе, - раздался чей то голос.

В ответ пропела плеть, крики усилились и перешли в девичий визг.

-Уйми этих истеричек, - приказал Пройдоха надсмотрщику, -они нарушают порядок.

Крепкий детина попытался расцепить двух девушек, ухватившихся друг за друга, но с первой попытки это не удалось, ему на помощь прибежал его коллега, и только вдвоем им удалось растащить сестер.

Камера, или точнее клетка, представляла собой широкую, но не глубокую нишу в стене, отделенную от коридора железной решеткой. Это позволяло надсмотрщикам и потенциальным покупателям рассматривать товар лицом. Быть постоянно на обозрении и не иметь даже маленького укромного места для интимных нужд было настолько унижительно для Квинтилии, что она вновь впала в отчаяние. Однако на помощь несчастным пришла ночь. Пройдоха сэкономил масло в светильниках, и всё узилище погрузилось во спасительный мрак.

К своему удивлению Квинтилия обнаружила, что большинство девушек почти нисколько не стесняются своего положения, равнодушно реагируют на все издевательства и насмешки охраны.

-Это рабыни с виноградников и мастерских виллы Аврелии да и из соседских имений, я тут некоторых знаю, - пояснила Берника, - свободнорожденных почти нет, рыбачек и крестьянок из поселка держат в соседней клетке, а эти ко всему привыкли.

-Хватит болтать, лучше спать ложитесь, завтра день будет трудным, - буркнула Аристоника и завалилась на прелую солому.

Квинтилия и не поняла, как уснула, просто закрыла глаза и всё. Пробуждение было резким с отвратительным звуком гремящего железа. Это охранники проводили дубинками по прутьям решеток.

-Подъем, подъем, скоты, просыпайтесь .

Аристоника сплюнула на пол и проворчала:

-Поднимают ни свет ни заря, - бывшая акробатка потянулась и, почесывая бедра, поднялась с соломенной лежанки.

- Наверное, завтрак принесут, а то ужин-то они позабыли, есть охота, - произнесла одна из пленниц.

-Покормят - не беспокойся, потом и в баню отведут и, может, даже маслом натрут, - сказала Аристоника.

-А это еще зачем? - спросила рабыня.

-Ну как зачем? Чтобы ты лучше выглядела на продаже,

обычное дело.

-Меня без масла продавали,- заинтересованно уточнила еще одна из девиц.

-Наверняка, оптом,- предположила Аристоника.

-Да,- согласно кивнула та.

-Ну, если оптом - тогда ни терм, ни масла, скорей всего, не будет. Но ты красивая, может, повезет и попадешь в служанки,- обнадежила бывшая акробатка, - ну, а если нет - попробуй охмурить надсмотрщика или управляющего, хоть бить меньше будут.

Она не договорила. Решетчатая дверь их камеры отворилась, и в помещение вошли трое: надсмотрщик и два раба. Один из них нес корыто, подобное тому, из которого задавали корм свиньям, а второй - два ведра с горячей овсяной кашей.

Надсмотрщик щелкнул бичом, и рабыни, звеня цепями, вжались в стену каземата, молча смотря, как корыто наполняется клейкой тягучей овсянкой.

Рабы косились на девушек, но притронутся к ним или заговорить не смели, а надсмотрщик сорвал с ближайшей невольницы остатки жалкой одежды, бесцеремонно лапая ее грудь.

Наконец кормушка была заполнена и мужчины удалились, звякнул ключ в замке, и пленниц предоставили самих себе.

То, что произошло после этого, наверное, вызвало бы у

Квинтилии презрительную усмешку, будь она в прежнем своем статусе.

Группа смуглых девушек, вероятнее всего, откуда-то с Востока, расталкивая и отбрасывая конкуренток, рванулась к корыту с кашей. Одна из них, видимо заводила, сильная темноволосая рабыня в драной тунике из куска мешковины с исполосованной спиной, схватила за волосы прорвавшуюся к корыту блондинку и, запрокинув ей голову, дала кулаком в зубы. Кровь из разбитой губы и носа полилась в корыто, но это не остановило других девушек: они жадно хватали пригоршнями горячую овсянку и, обжигаясь, засовывали себе в рот.

В отличие от Квинтилии, ни Берника, ни Аристоника не стали ждать развязки, а сами приняли в битве за кашу столь деятельное участие, что поразили румелийку до глубины души.

Аристоника дала затрещину одной обладательнице восточной внешности, при этом сильно лягнула другую так, что та отлетела к решетке, справа ее прикрывала Берника, сумевшая расцарапать лицо наглой и чересчур ретивой смуглянке, слева на прорыв к корыту пошла крепкая блондинка, чавкавшая за обедом на корабле. Как оказалась, северянка обладала недюжинной силой и еще большим упорством, тем более рядом были ее соплеменницы.

Угостив локтем в зубы очередную представительницу Востока, Аристоника пробила к заветному корыту и зачерп-

нула две пригоршни каши в подол своей безобразно короткой туники, потом, обернувшись влоботорота, бросила взгляд на Квинтилию.

-Что стоишь, дура, голодной хочешь остаться?!

Её окрик вывел пленную аристократку из ступора, и она молнией бросилась к корыту, оттолкнув невесть откуда взявшуюся на ее пути негритянку. Квинтилия почти добралась до цели, но запуталась в цепи ножных кандалов и буквально упала лицом в горячую кашу.

Сколько бы продолжалось это «сражение» и чем бы оно закончилось - могли предсказать только боги, но в битву за кашу вмешалась администрация и охрана. Трое здоровых надсмотрщиков ворвались в камеру и, не разбирая правых и виноватых, пустили в ход деревянные дубинки, щедро угощая их ударами девичьи зады и бедра. Рабыни вжались в стенку, пытаясь укрыться от разозленных охранников.

В результате корыто с овсянкой перевернулось, и остатки каши растеклись по каменному полу.

-Ну вот и позавтракали, - горько хмыкнула Берника.

- А все из за этих тварей,- сплюнула кровавый сгусток из разбитой губы ее соседка.

Вдруг все стихло и не стало слышно ничего, кроме сопения охранников и девичьих всхлипов.

В камеру вошел маленький плешивый человечек в дорогом восточном халате, с недовольной миной на лице и злым колючим взглядом серых глаз. Это был Аристарх Аргир - хо-

зьяин этого ада и уважаемый купец вольного города Деспотиса.

-Что здесь происходит?- спросил он, его хриплый голос прозвучал зловеще.

Вопрос был адресован к старшему надсмотрщику. Тот стоял, опустив голову, и что-то мямлил.

-Я спросил, что здесь происходит? Ты опять взялся за свое, захотел посмотреть гладиаторскую драку голозадых девок у кормушки? Где миски и ложки? Я предупреждал, что если такое еще раз повториться, то ты, тварь, гладиаторские игры испытываешь на своей шкуре, выступая на арене цирка, куда я продам тебя.

-Господин, прости, но пленников было слишком много, и управляющий не выдал миски, пришлось по старинке, из свиных кормушек...

-Если рабыни покалечили друг друга, то весь ущерб пойдет с вашего жалования, подонки, и из денег прохвоста управляющего. Принести еще каши и хлеба, и пусть едят.

Потом он строго посмотрел на пленниц и произнес:

-Еще одна такая выходка, и всех продам на рудники, а пока высечь каждую десятую розгами, нужно преподать вам урок, твари.

При этом Аристарх Аргир внимательно осмотрел сбившихся в толпу женщин и сделал знак высокому тщедушному человеку с письменными принадлежностями, по всей видимости, писцу-скрибе.

-Эй, скриба, начинай переписывать живой товар: возраст, приметы, а главное - профессии. Выясняй, где кто, среди мужиков ищи ремесленников, кузнецов, плотников, кожевников, всех кого найдешь - в отдельный список. Среди девок ищи мастериц, ткачих, прях. Туда же пиши флейтисток, музыкантш, разных танцовщиц и массажисток. Особенно если есть грамотные и владеющие несколькими языками, тех отдельно отметишь и определишь им лучшее содержание.

Пройдоха не успел закончить, как Аристоника, отодвинув стоящих рядом рабынь, вытолкнула вперед опешившую от неожиданности Квинтилию.

-Есть такая, господин, это дочь нашего вилика, она и письмо и счет знает и на греческом говорит, к тому же девственница.

Один из надсмотрщиков аж присвистнул при упоминании последнего обстоятельства и тут же получил затрещину от «Пройдохи».

-Не о том думаешь, идиот.

Аристарх Аргир, ухмыльнувшись краешком рта, поманил пальцем оробевшую Квинтилию и почти ласково произнес:

-Иди сюда, голубка, не бойся, я не кусаюсь, - это было сказано на неплохом греческом.

Квинтилия подошла, загремев цепью на ногах.

- Ты знакома с древними авторами Терры?

-Да, с Гомером и Гесиодом, еще... - по-гречески ответила девушка.

-Довольно, - поднял руку Пройдоха, - я и сам с ними не знаком, только слышал,-улыбнулся он.

-Скажи лучше: знаешь ли ты арифметические таблицы быстрого счета?

-Да, знаю, - ответила Квинтилия и, чуть замявшись, добавила,- господин.

Пройдоха одобрительно кивнул и приказал:

-Снимите с нее цепи и отведите к врачу, пусть проверит на девственность. Ведь ты не тронута, правда?

Квинтилия покраснела и кивнула.

-Удивительно, такая красotka и не тронута,- он провел по ее густым темно-русым волосам и произнес,- если бы ты не была рабыней, тебя можно было бы принять за аристократку, однако зная Мардана...

Он не договорил.

-Я росла вместе с нашей госпожой, ей скучно было учиться одной...

-Это я уже понял,- кивнул Пройдоха,- ну ничего с такими талантами ты и здесь не пропадешь.

-Господин, позволь сказать, господин...-Квинтилия решилась.

-Ну, попробуй,- милостиво разрешил Аристарх.

-С мной две подруги: одна из них танцовщица и акробатка, а вторая - служила массажисткой у госпожи.

-Вот как, ну и где они?

-Квинтилия показала пальцем на Аристонику и Бернику,

и надсмотрщик тут же вытащил их из толпы девушек. По его приказу с рабынь сорвали остатки одежды, оставив их обнаженными.

Пройдоха придирчиво осмотрел тела невольниц и, поцокав языком, произнес:

- В целом, неплохо, а что это за шрам, милочка? - осмотрев запястье Аристоники, спросил работорговец.

- На меч напоролась, господин.

- На меч?

- Да, во время пляски с мечами на руках.

- Вот как, - присвистнул Пройдоха, - а сейчас танцевать среди мечей сможешь?

- На руках - нет, - честно ответила Аристоника, - но я знаю много кемтских и восточных танцев.

- Хорошо, сойдет, - кивнул Аристарх, потом повернувшись к Бернике, произнес, - ну а ты продемонстрируешь своё искусство сегодня вечером, и я оценю твое мастерство, у меня как раз приболела массажистка.

Потом осмотрел очертание груди девушки спросил:

- Рожала?

- Да, один раз...

- Фигуру сохранила, а грудь нет, впрочем для массажистки это не так важно, всё одно выглядишь неплохо. Я доволен.

Он повернулся к надсмотрщику и приказал:

- Этих в отдельную камеру, расковать, отвести в баню и кормить получше. Завтра придут покупатели.

-А с остальными?- спросил надсмотрщик.

-Я же сказал: ремесленников и мастериц отдельно, а этих ...- он с презрением посмотрел на невольниц, - продашь на фермы оптом. Да, и завтра заберут всех парней на рудник и галеры. Возни поменьше будет.

С этими словами Пройдоха с царственным видом удалился в сопровождении двух крепких охранников.

-Нам, кажется, пока везет,- проговорила Берника, опускаясь на деревянную лежанку, покрытую свежей соломой. Есть дали по-человечески и в баню свели. Если и дальше так будет, то видно Фортуна и на нас обратила свой лик.

-Все познается в сравнении,- вспомнилось Квинтилли,- в самом деле, после грязного трюма, свиного корыта и кандалов, даже камера на три десятка человек, свежая соломенная подстилка и каша с кусками свиной печени кажутся верхом блаженства. Но главное – баня: пусть термы для рабов и были убоги, но они были, а это главное.

Квинтилия вновь почувствовала себя человеком, по крайней мере в своих внутренних ощущениях.

Помещение, где их разместили, располагалось на первом ярусе бывшего склада и не было подземным казематом. Довольно светлая казарма с деревянным настилом для сна, застеленном соломой, выгородка с отхожим местом и целая бочка свежей воды. В камере кроме них содержались еще три десятка девушек из разных концов света. Тут были и восточ-

ные красавицы, широкобедрые с пышными гривами иссиня-черных волос. Пара блондинок, по виду северянок, как ни странно очень хорошо говоривших на греческом, и несколько изящных и стройных дочерей Айгиптуса. Была даже заводная и совсем не унывающая негритянка, вечно скалящая в улыбке свои белые, словно жемчуг, зубы.

Все они оказались домашними рабынями, похищенными во время пиратского рейда: музыкантши, флейтистки и кифаристки, танцовщицы, косметологи или массажистки. Грамотных из них было только двое, Квинтилия и темноволосая девушка - по виду ассанидка, бывшая нянька и воспитательница господских детей. Именно им надсмотрщик нацепил на шею особые бронзовые бирки.

-Ну что, грамотейки, вот вам специальные украшения от хозяина, смотрите - не снимайте, а то познакомитесь с плетью. Это, девки, ключ к вашей будущей счастливой жизни. Работать в поле не придется, ну если только ноги раздвигать, да и то не перед каждым, а там, глядишь, лет через десять в домоправительницы выбьетесь или свободу получите. Впрочем, на что она вам свобода-то...

С этими словами он хлопнул соседку Квинтилии по задку и, засмеявшись, пошел к двери.

-Шутник,- произнесла Квинтилия.

-Он правду сказал,- отозвалась Аристоника,- у такой как ты есть все шансы устроиться лучше многих. Поверь мне.

-Я не хочу с вами расставаться,- ответила Квинтилия.

-А это от тебя не зависит, Квинта, тебе самое место в господском доме, учить детей и, может, стать конкубиной хозяйина, а наше место, скорее всего, в борделе.

Однако она ошиблась: играющие судьбой смертных боги решили не разлучать девушек и принять участие в их дальнейшей судьбе.

С утра в торговом доме Аристарха Аргира началась суета, раздавался ор, крики боли, топот сотен ног и звяканье кандалов о камни мостовой. Из эргастулов во внутренний двор выгоняли мужчин, прикованных друг к другу цепями, тут же располагалась группа покупателей, судя по всему капитанов торговых судов и их помощников. Рабов разбили на десятки и продавали оптом. Будущие владельцы двуногого скота проверяли крепость мышц, требовали раскрывать рты, смотрели зубы, заставляли приседать с тяжелыми мешками на спине. Кое-кого отбраковывали, а выбранных сгоняли в отдельный выгороженный прямо во дворе загон, разделенный изгородью на клетушки.

Квинтилия и несколько невольниц приникли к зарешеченному оконцу их камеры, как раз выходявшей во двор.

-Этих на галеры отправят, а тех, что отбраковали, на рудники,- авторитетно заявила одна из девушек,- я уже такое видела.

Она тяжело вздохнула и отошла вглубь помещения, потеряв всякий интерес к происходящему.

-Скоро и наша очередь придет,- с равнодушием сказала

Аристоника и завалилась на солому, закинув руки за голову, - надеюсь, сначала позавтракать дадут.

-Как ты можешь вот так спокойно... - то ли возмущившись, то ли удивившись, спросила Квинтилия.

-Если неизбежное нельзя предотвратить, то лучше принять его как должное, впрочем, ты можешь помолиться. Вот только боги не слышат столь жалких существ, как мы. Так что ложись рядом и отдыхай, когда еще такое представится.

Квинтилия последовала совету своей более опытной подруги, но мысли о будущем не покидали ее ни на минуту.

Прошло около часа, и из загонов во дворе через открытые ворота в город стали группами выводить мужчин-невольников, а их место заняла толпа женщин из числа пленниц. В основном рабынь с разоренных вилл и ферм. Потом девушек из рыбацких поселков и прибрежных деревень.

Их раздели донага, придав более менее товарный вид. Видно, что дали помыться, а некоторых даже натерли маслом, но торговля шла плохо. То ли покупателей было мало, то ли сезон уборки урожая был закончен и потребности в рабочих руках не возникало, а может, продавцы запросили слишком непомерную цену за невольниц, но за два часа не было распродано и четверти «живого товара». Бойко и быстро разобрали только мастериц для ткацких и прядильных мастерских.

Это обстоятельство бесило и раздражало Пройдоху Аристарха, и он выплескивал свой гнев на рабынях, пуская в ход

резную лакированную трость.

-Что ощерилась, сучка, опусти глаза, тварь,- накинулся он на рыжеволосую девушку, несчастная имела наглость посмотреть работорговцу в лицо.

-Рыжие-то они ведьмы, господин, как бы не сглазила,- заискивающе произнес стоящий рядом надсмотрщик.

Однако договорить ему не пришлось, трость Пройдохи ударила его по спине.

-Ты что здесь встал, скотина, думаешь я без тебя не справлюсь, иди - разберись с этими сучками , почему они опять сбились в кучу? В линию, построй их в линию!

Будь у Пройдохи время, он не делал бы подобные глупости, продавая товар оптом. Невольников следовало бы придержать и сбывать в розницу. Только приказ Мардана и, самое главное, прозрачные намеки властей города на недопустимость долгого содержания не совсем законно приобретенного «движимого имущества» не оставляли выбора.

Приказ пиратского адмирала звучал однозначно «Продать, как можно скорее».

-Боги Гадеса, шел бы он со своими приказами,- пробормотал про себя Пройдоха, - так можно несколько талантов потерять.

Он со скрипом согласился отдать более шестисот пленных мужчин по бросовой цене в сто восемьдесят денариев за голову.

-Да где это видано: сейчас цена гребца на галере мини-

мум двести пятьдесят, а то и все триста. Одни убытки, а бабы эти вообще не продаются. Хитрые приказчики с местных латифундий предлагают сотню за крепкую рабыню, но ведь это грабеж. Грабеж среди белого дня. Уж лучше пусть неделю-другую в тюрьме посидят, пока цена не вырастет, я на каше не разорюсь, да и Мардан не узнает.

С этими мыслями Пройдоха взглянул на окна казармы где содержался «элитный» товар, в виде танцовщиц, музыкантш и грамотеек, заметив испуганные девичьи лица, тут же скрывшиеся из вида под его суровым взглядом.

-Ну, вот этими я сегодня займусь, пусть проклятые правители города и не разрешили проводить аукцион, страшась мести Румелии, но покупатели на отборных рабынь всегда найдутся и дадут неплохую цену. Сегодня после полудня должны прийти, надо привести девок в порядок, натереть маслом и кое-как уложить волосы.

Он обернулся к одному из своих помощников и, указав пальцем на окно, велел: - Пошли туда цирюльника и ведро с оливковым маслом, да поживее.

Через два часа причесанные и натертые маслом обитательницы элитной камеры рабов были выведены в коридор и прикованы к специальным кольцам, вмонтированным в стену. На шее каждой висела табличка с данными: возраст, вес, рост, род занятий - отсутствовала только обычная для таких табличек строчка о стране происхождения, потому и так всем всё было ясно.

- Ну все, сейчас начнется,- произнесла Аристоники.

Квинтилия молчала, ее бил нервный озноб, камни пола холодили босые ноги, да и стоять нагишом на всеобщее обозрение было крайне неприятно. Нет, за последние дни она, конечно, видела всякое: унижительный осмотр врача , сальные руки надсмотрщиков, но ее еще никто не выставлял на показ полностью обнаженную.

- Не трясись, скажи «спасибо», что не на рынке, среди толпы,- тихо сквозь зубы процедила стоящая рядом с ней девушка.

Квинтилия с трудом попыталась унять дрожь и восстановить дыхание, как раз вовремя.

В коридоре в сопровождении нескольких покупателей появился хозяин торгового дома и их владелец - Аристарх Аргир.

- Ну вот, господа, посмотрите товар лицом: отборный товар, молодые красивые девушки, обученные многим искусствам и готовые служить вам. Здесь и флейтистки и танцовщицы на любой вкус, массажистки с сильными, но нежными руками и две удивительные ученые рабыни, обладающие живым умом и красотой, постигшие премудрости быстрого счета и поражающие грамотностью философов.

Пройдоха пел соловьем, но его сладкие речи, казалось бы, совсем не впечатлили покупателей, они ходили вдоль ряда невольниц с какими-то равнодушными, а порой суровыми лицами, периодически осматривая и ощупывая товар.

-Да-да, смотрите хорошенько, можете ощупать, - подбадривал Пройдоха,- вот посмотрите какие зубы, отменное здоровье,- он бесцеремонно заставил одну из девушек раскрыть рот, демонстрируя ее достоинства.

-Если хорошие зубы, то и костяк здоровый. Такая долго может прослужить вам, поверьте.

Наконец пышно разодетый толстяк ткнул жирным пальцем в двух девушек флейтисток и спросил:

-Сколько?

-Смешная цена для этих нимф, сама Эвтерпа, муза музыки, покровительствует им, они усадят твой слух волшебной игрой на флейтах...

-Сколько?

-Да каких-то жалких три тысячи динариев...

-Сколько!- возмущенным голосом воскликнул толстяк.- Три тысячи за пиратскую добычу, да ты с ума сошел от жадности, уважаемый.

-Вот, скотина, нашел, чем упрекнуть! Знает, что мы здесь чужаки, и так нагло ведет себя, думает за пару медяков купить целую толпу наложниц, ну нет, не на того напал,- подумал Пройдоха, однако вслух произнес иное, к тому же скорчив самую доброжелательную мину:

-Почтеннейший, мой торговый дом имеет все права торговли в этом славном вольном городе, а источники получения товара не должны тебя беспокоить.

Толстяк зло посмотрел на работорговца и с плохо скрыва-

емым раздражением сказал:

-Тогда давай реальную цену. Я готов заплатить тысячу, ну, может, тысячу двести за двоих.

Пройдоха с деланным видом закатил глаза и заломил руки:

-Это невозможно, сам посмотри - каков товар.

«Товар» молча, с внешне равнодушным видом ждал своей участи.

Наверное, они еще долго спорили бы о цене, но в их диалог ввязался высокий, хорошо сложенный мужчина средних лет с военной выправкой.

-Сколько ты просишь за них? - указал он пальцем на флейтисток.

-Три за двоих.

-Даю две тысячи и забираю, по рукам.

-Только для тебя, уважаемый стратег, могу сбросить пару сотен... - начал было Пройдоха.

-Две,- бросил мужчина.

-Две пятьсот, - стал упираться работорговец.

-Две и не динарием больше, - сказал тот, кого Пройдоха Аристарх назвал стратегом. После чего сделал вид, что уходит.

-Я беру за две двести,- неожиданно заявил толстяк.

-Началось,- подумал Пройдоха, мысленно потирая руки.

-Две триста,- с раздражением в голосе произнес стратег.

-Я первый предложил цену,- не унимался обладатель туч-

ного тела.

-А я даю больше! Две четыреста, и это конечная цена. Ну так что, по рукам, Аристарх?

-По рукам , сейчас оформим купчую,- внутренне ликуя ответил Пройдоха, и лицо его просияло.

Пока эти двое торговались за флейтисток, к Квинтилии подошла местная дама со злым желчным лицом в сопровождении рабыни-служанки, которая махала над ней страусовым опахалом.

Дама придирчиво разглядывала Квинтилию, заставляя ее открыть рот, после чего бесцеремонно ощупала все ее тело.

Подошедший к покупательнице помощник управляющего подобострастно спросил:

-Интересуешься, госпожа?

-Мне нужна грамотная рабыня-нянька для детей в помощь домашнему учителю.

-О, поверь, это прекрасный выбор! Только посмотри: эта девушка знает греческий и румелийский языки, освоила систему быстрого счета, в голове умножает цифры, кроме этого разбирается в травах...

-В травах,- скривила физиономию дама,- это лишнее, еще отравит меня или детей...

-Что ты, госпожа, в лечебных травах...

-Для этого я купила греческого врача, и никакой травницы мне не надо.

-Как скажешь, госпожа.

-Что ты еще умеешь делать, кроме счета и письма?- соизволила обратиться покупательница к Квинтилии.

Румелийка немного растерялась и ответила не сразу.

-Я немного играю на кифаре и флейте...

-Меня это не интересует, прясть и ткать умеешь?

-Нет, я только вышивала, госпожа.

-Лентяйка и белоручка,- прокомментировала дама,- ничемная дрянь...

-Она красива и девственна, госпожа,- заметил помощник управляющего.

-Что с того? Девственности лишаются за минуту, а красотой только соблазнять лакеев, отвлекая их от работы.

-Ты права, госпожа,- с поклоном ответил представитель торгового дома,- но у нас есть и другая грамотейка.

-Такая же бездельница?

-Не совсем, кроме грамотности, она освоила кондитерское искусство...

-Кондитерское, хм...- с недоверием ухмыльнулась дама,- лучше бы она ткачеством занималась или белье стирать могла, ладно, показывай.

Когда покупательница отошла на значительное расстояние, Аристоника тихо процедила сквозь зубы:

-Вот сука... Ей и служанку подавай, и няньку, и ткачиху с поварихой - и всё в одном лице. Чувствуется, она загоняет рабов до смерти.

-А что, разве бывает как-то по-другому? - спросила Бер-

ника, но тут же осеклась. Подскочивший к ним надсмотрщик зашипел, тыкая плетью:

-Молчать, языкиотрежем...

Однако на его угрозу Аристоники лишь скривилась в презрительной улыбке и с издевкой произнесла:

-Как скажешь, хозяин.

Надсмотрщик от неожиданности уставился на наглую рабыню, но ничего не сказал, лишь со злобой сверкнул глазами.

-Зачем ты его злишь ?- спросила стоящая рядом с Аристоникой девушка.

-А затем, что он такой же раб, а каждая из нас стоит раза в два дороже, чем этот тупой увалень, так что не только языки не отрежут, но даже сильно бить не будут, чтобы товарный вид не портился.

Она была права: Пройдоха рассчитывал получить солидную прибыль с продажи этих невольниц.

Тем более, что дела у ушлого работорговца явно пошли: вслед за проданными флейтистками, «ушла» девушка-грамотейка, ее после долгой торговли купила желчная дама, а потом холеный щёголь купил сразу трех восточных танцовщиц. В общем, не прошло и часа, как треть товара нашло своих новых владельцев.

К Квинтилии несколько раз приценивались отвратительные личности, ощупывая ее тело, один лысый потный толстяк настолько пристально рассматривал девушку, что даже

потребовал письменное заверение врача о невинности. Потом, повернув лицо девушки к свету, стал поочередно оттягивать веки, осмотрел белки глаз и, заставив открыть рот, залез туда пальцами, проверяя зубы.

Исходивший от этого лысого борова запах и его сальные потные пальцы у нее во рту вызвали рвотный рефлекс, и Квинтилия невольно срыгнула.

Толстяк отпрянул от девушки и замахнулся на нее рукой, намереваясь дать пощечину.

-Не смей,- гаркнул подбежавший Пройдоха,- не смей портить товар, можешь купить, а потом хоть забей до смерти, но пока она тебе не принадлежит.

Толстяк свирепо ощерился, но отошел и принялся осматривать стоящую поодаль негритянку.

-Ты куда смотришь, идиот,- тихо, но от того еще более зловеще спросил Пройдоха своего помощника, - он ей всю пятерню по локоть в рот засунул...

-Так я, как ты приказал, не препятствовал... - начал оправдываться помощник.

-Не препятствовал, дурак, да от него так воняет, что у меня самого тошнит, а это самая дорогая рабыня здесь. И если ее покалечат - я спущу с тебя шкуру,- предупредил Пройдоха.

Работорговец посмотрел на Квинтилию и, показав ей кулак, произнес:

-Еще одна такая выходка, милочка, и ты познакомишься

с плеткой, и не волнуйся: бить будут так, что шкуру твою не попортят, а урок надолго усвоишь.

-Прости, господин, глупую рабыню, но от него так ...воняло.

-Привыкай,- бросил Пройдоха,- это тебе не господские благовония нюхать.

Квинтилию вновь затрясло как в лихорадке, увидев это, Пройдоха дал ей легкую пощечину, предвосхищая женскую истерику, и приказал напоить девушку водой.

-Стой смирно, тварь, не доводи меня. Эй ты, возьми ее за руку,- ткнул он пальцем в Аристонику.

Потом с нетерпением спросил у помощника.

-Где этот проклятый Калокир, когда он обещал явиться?

-Так, наверное, уже в пути,- предположил помощник.

-В пути, в пути, можно подумать, что от нас до его борделя сотня стадий. Если девок разберут до него, пусть кусает локти. Кто не успел - тот опоздал.

Пройдоха еще вчера договорился с местным самым крупным «лено» - содержанием нескольких борделей Калокиром Голубом, что придержит для него некоторую часть наиболее смазливового товара. Однако, поразмыслив, делать этого не стал, а сразу выставил на продажу всех девушек, справедливо полагая:

-Чем больше покупателей, тем лучше цена. Тем более за день, как ни крути, все девки не уйдут, хоть и пошел торг, всё одно половина на следующие дни останется.

С этими мыслями «Пройдоха» отошел от Квинтили и ее подруг и направился к солидному господину в дорогом плаще, рассматривавшему айгуптских танцовщиц.

-Видимо, сегодня не купят,- предположила одна из девушек, прикованная рядом с Берникой, -что то покупателей маловато...

-А ты очень хочешь побыстрее,- спросила другая.

-А мне все равно, за три года трех хозяев меняю.

-Что так?

-Мой бывший господин проиграл меня в кости, пока я танцевала перед гостями танец живота, а потом через месяц отыграл обратно.

-Да, такое я первый раз слышу, -тихо хмыкнула Аристоника,- бывает же.

-А где сейчас твой господин?

-Убили,- вздохнув, ответила рабыня.

-Понятно.

-Нет сегодня точно торгов не будет.

Только в этот раз они ошиблись.

Не распроданными оставалось еще два десятка невольниц, ими, конечно, интересовались, приценивались и даже торговались, но... Пройдоха ни в какую не хотел уступать, заламывая высокие цены на товар.

Особенно дорого просил за Квинтилию. Три тысячи денариев. От такой цифры многие из покупателей готовы были схватиться за сердце.

-Да ты никогда ее не продашь за эти деньги. Совсем обезумел,- заявил плохо пахнувший толстяк.

- Погоди, на каждый товар найдется свой покупатель,- уверил Пройдоха.

И покупатель нашелся в лице долгожданного Калокира Голуба.

То что это «лено»- сутенер, причем из очень богатых, Аристоника поняла сразу.

-Ну, вот, девчонки, этот наверняка по наши души.

Калокир носил богато расшитую, длинную шелковую тунику ярко красного цвета. По ее подолу и рукавам шла затейливая вышивка, изображающая битву слонов и тигров. Поверх столь экстравагантного одеяния был накинут еще более броский фиолетовый плащ. Такую одежду могли позволить немногие. Издали Калокира можно было бы принять за богатого купца или землевладельца, если бы не многочисленные золотые и серебряные амулеты, изображавшие половые органы, и огромный, словно умбон щита, медальон с изображением Приапа, выдававший его род занятий.

Впрочем этот обладатель столь «забавных» оберегов и медали во славу бога «плодородия» не скрывал своей профессии. Да что там не скрывал, он ей гордился.

Калокиру принадлежала целая сеть лупанаров и других увеселительных заведений по всему Деспотису. На любой вкус и кошелек. От самых непритязательных портовых борделей, до главного «Дома Утех», расположенного недалеко

от огромного храма Афродиты Деспотийской. Сейчас Калокир задумал новый проект, и для этого решил прикупить «персонал».

В разговоре, состоявшемся пару дней назад между Пройдохой и Калокиром, последний предложил пиратскому посреднику принять в нем участие деньгами или живой плотью.

-Что это за проект, новое заведение в центре с экзотическими представлениями и безумными оргиями?- спросил Пройдоха.

-Ну, ты почти угадал, дружище Аристарх,- ухмыльнулся лено, потом добавил,- почти.

-Судя по твоей улыбке, я ничего не понял, если не считать того, что ты открываешь новый бордель, так это очевидно, как белый день. Что ты еще можешь открыть?

-Вопрос риторический. Отвечаю - бордель с шикарным питейным залом, площадкой для представлений, восточных зажигательных танцев и демонстрации девок, уютными и просторными альковами , ну и всё такое.

-Так что же в нем нового?- удивился Пройдоха.

-Место,- хмыкнул Калокир.

-Место?- переспросил работороговец.

-Да, порт.

-Порт?- от неожиданности Пройдоха скорчил гримасу. - Но это самое неподходящее место в городе. Здесь расположены наиболее дешевые и грязные заведения с потасканны-

ми девками и дурными болезнями. Да и нет у матросни приличных денег

-Я и не рассчитываю на матросов или солдат охраны караванов, мои клиенты - это купцы, капитаны, ну, может, разбогатевшие вороватые приказчики.

-Хм, но для этого у тебя есть «Дом утех».

-Да, но он не всем подходит. Далеко не всегда корабли, идущие с грузами из Кемта или Румелии, стоят подолгу в порту, это транзитные стоянки. Купцы и капитаны на таких остановках не ходят в город. К тому же многие торговцы просто ночуют на своих кораблях прямо в гавани, боясь оставить товар без должного присмотра, а я предоставлю им комфорт и удовольствие, можно сказать, в шаговой доступности.

-Интересно,- кивнул головой Пройдоха.

-Но это еще не всё!

-А что же еще?

-Налоги и подати. Порт-то хоть и защищен крепостными стенами, но городом не является, так что подать тут на четверть ниже.

-Ну, так тут свои сборы и налоги, одно на одно и выйдет.

-Нет, ты ошибаешься, Аристарх,- Калокир помахал перед лицом Пройдохи пальцем. - Порт живет с таможенных, портовых и причальных сборов. Власти мало обращают внимание на увеселительные заведения и притоны. Ну, а если будут слишком свирепствовать, всегда можно найти сговорчивого чиновника...- Калокир улыбнулся и потер палец о па-

лец, будто отсчитывал монеты.

-Я так понял, что ты предлагаешь мне войти в это дело не просто так? Ведь в Деспотисе есть люди и побогаче такого человека, как бедный Аристарх. Ты же понимаешь, что это не совсем мои деньги.

-Совсем не твои, дружище, именно поэтому ты мне и нужен, а точнее - твои вожди. Впрочем, если ты беден, то тогда я нищ,- рассмеялся лено.

-Ты отдаешь себе отчет, с кем ты готов связаться,- спросил Пройдоха, глядя прямо в глаза сутенеру колючим взглядом.

-Не вчера родился,- выдержав взгляд работорговца, ответил Калокир. Твои хозяева,- на этой фразе он сделал акцент и пристально посмотрел на реакцию Аристарха.- Твои хозяева нуждаются в обширной информации, не просто слухах, а детальном раскладе и движении товаров. Так вот между альковами и отдельными питейными кабинетами я расположу небольшие слуховые комнаты, где будут сидеть специальные люди- слухачи. Таких комнат будет пять, плюс шлюхи, они тоже имеют уши и языки. Так что вся полнота сведений будет обеспечена. Естественно, за звонкое серебро, а еще лучше золото.

-Хитро,- кивнул Пройдоха,- только учти, вход в нашу компанию - мешок серебра, а выход... Выход - жизнь. Мардан не прощает ошибок, уж о предательстве или двойной игре я и не говорю .

-Не пугай, я пуганный. Давай лучше выпьем.

-Я не пугаю, Калокир, я предупреждаю по-дружески.

С этими словами Пройдоха наполнил чаши рубиново-красным терпким вином и произнес:

-Ну, за успех твоего нового начинания.

-Так ты поговоришь с кем надо?

-Поговорю.

-Ну, тогда готовь товар, да получше и помни мы - будущие партнеры, так что с ценами не груби.

-Ладно, будут тебе девки.

Калокир Голуб запоздал на начало торга, задержали текущие дела, однако, прибыв торговый дом Аристарха, он, что называется, сразу взял быка за рога. Походя отсеяв по только ему ведомым причинами несколько девушек, он к вящему неудовольствию других покупателей заявил, что желает как можно тщательнее рассмотреть остальной двуногий скот с целью его приобретения.

-Да, но мы тоже хотим, тем более пришли первыми, мне вон та девка приглянулась...-начал было один из мужчин.

-Уважаемый, я беру товар оптом, а если кто из них приглянулся, так сможешь найти ее в одном из моих заведений, - засмеялся Голуб, при этом подмигнув незадачливому покупателю и не обращая внимание на слабые протесты, обратился к Пройдохе.

-Начнем вот с этих, - ткнул он пальцем в Квинтилию и ее подруг по несчастью.

Пройдоха, как бы извиняясь перед остальными покупате-

лями, развел руками сказал.

-Господа, закон рынка...

Квинтилия со страхом смотрела на происходящее: с одной стороны ей очень хотелось уйти сейчас отсюда, подальше от сальных лап и гнусных, как тогда казалось девушке, рож, но уйти куда? Вот к этому разодетому, как павлин, сутенеру, став жалкой игрушкой в царстве порока и разврата, очередным куском мяса для его борделя...

Калокир словно почувствовал ее липкий страх и нерешительность. Он был профессионалом и не раз видел такое, его мало интересовали душевные муки жертвы.

-Трясется от страха, ничего привыкнет, из таких получатся неплохие шлюхи. А что это у тебя за табличка на шее и бирка,- заметил он, эх ты...

-Это самая дорогая рабыня, она грамотная и пока никем нетронутая,- заявил Пройдоха.

-Так уж и никем, пиратская добыча?- с сомнением скривил рот Калокир.

-Клянусь всеми богами, у меня и свидетельство врача есть.

-Врача твоего торгового дома,- насмешливо спросил сутенер, -ну так мой врач может по приказу каждой подзаборной шалаве сертификат о девственности выдать.

После такой шутки коридор наполнился смехом и циничными замечаниями в адрес Квинтилии.

Однако Пройдоха несколько не смутился и предложил на

полном серьезе вызвать врача с рабского рынка, только за счет потенциального покупателя, добавив при этом, что торговый дом Аристарха Аргира не помойка и поддельных свидетельств о здоровье не выдает.

-Ну ладно, ладно, Аристарх, это была шутка, я верю тебе и доверяю твоему эскулапу,- примирительно сказал Калокир, заставляя Квинтилию открыть рот и показать язык.- Хорошие зубы и язык без налета, здоровая кобылка.

Сутенер ощупал девичью грудь и ущипнул за торчащие соски рабыни.

Квинтилия невольно вскрикнула, но это не остановило Калокира, и он продолжил свои исследования дальше.

-Хм, похоже, и в самом деле нетронута, хорошо. Говоришь, грамотная?

-Да.

-Ну, такое встречается, есть у меня несколько девок, которые могут кое-как разбирать письма...

-Нет, Калокир, это в самом деле грамотная: два языка, не считая общего средиземноморского диалекта, система быстрого счета по таблицам Пифагора, делит и умножает в уме сложные цифры, словно в голове у ней абак. Пишет без ошибок.

-Вот как? - Калокир перестал ощупывать Квинтилию и, отстранившись на шаг, еще раз посмотрел на девушку уже несколько другим взглядом.- Хочу проверить, - заявил он.

«Экзаменация» заняла несколько минут и поразила мно-

гих из присутствующих. Квинтилия с легкостью решала арифметические задачи с трехзначными цифрами, щелкая их, как орехи.

-Продай мне ее,- предложил один из покупателей по виду купец,- наложница и учетчик в бухгалтерии в одном лице - хорошее приобретение. Днем учитывает и описывает товар, а ночью предается с хозяином утехам иного рода.

-Продам, если уважаемый Калокир откажется...

-Не откажется,- оборвал лено,- я ее беру в числе прочих, если сойдемся в цене.

-Три тысячи,- безапелляционно заявил Пройдоха.

-Почему не пять? Не наглей, Аристарх.

-Но это уникальный товар, красавица, обученная грамотейка, и невинна.

-Невинность ее я продам на аукционе максимум за тридцать, ну если повезет, за полсотни монет, насчет красоты и получше найти можно, ну а за грамотного раба такие деньги я платить не намерен. В конечном итоге можно найти и ученого грека за тысячи полторы...Короче - даю тысячу семьсот-восемьсот динариев.

-Две с половиной, и то только потому, что ты оптовый покупатель...

-Нет так дело не пойдет, приятель...

Торг за Квинтилию и стоящих рядом с ней девушек продолжался полчаса, не меньше, за это время она узнала о себе, точнее о своем теле и навыках, много нового, и это ее не по-

радовало. Для этих двух людей все они были вещами, говорящими животными и в самом лучшем случае хорошо обученной скотиной. Эти люди бесцеремонно обсуждали размеры их бюста, бедер и состояние зубов. Прикидывали сколько они смогут прожить в борделе прежде, чем сдохнуть или, превратившись в больных заезженных кляч, быть проданными на рудники.

В конечном итоге торг закончился, и за пятерых девушек, включая Квинтилию, Калокир заплатил без малого семь тысяч денариев, после чего невозмутимо перешел к следующей пятерке.

-Ну, вот и всё,- со вздохом произнесла Аристоника, - поздравляю, теперь мы шлюхи.

-Что же дальше? - дрожащим голосом спросила Квинтилия.

-Ничего особенного, отведут в бордель, поставят на заднице или бедре метку, оденут ошейник и пошлют работать на улицу, всё как обычно. Только к тебе это не относится, принцесса,- с завистью и возможно затаенной злобой ответила стоящая рядом с Аристоникой темноволосая девушка.

-К тебе тоже. Кстати, ты же флейтистка, вот и будешь играть на дудках у клиентов,- ответила бывшая акробатка.

Девушки тихо захихикали, лишь одна Квинтилия не поняла шутки.

Однако она поняла одно, что чувство юмора, пусть даже такое вульгарного и варварского, позволяет им оставаться

людьми даже в той заднице, куда они попали.

Калокир Голуб, полностью оправдал надежды Пройдохи на получение прибыли от продажи невольниц, приобретая для своих заведений пятнадцать красавиц, обученных техникам массажа, танцам и музыке, и это было еще не всё. После покупки элитного товара Калокир потребовал показать ему остальных невольниц, пожелав отобрать еще тридцать голов для уборки помещений, помощи в готовке еды и просто использования в дешевых борделях.

Пройдоха ликовал, ведь более четверти прибыли от сделки должны были прилипнуть к его рукам. Хитрый Аристарх уже больше года вел двойную бухгалтерию, приворовывая и набивая свою мошну, при этом иногда делясь со Шрамом.

-Попадешься, проходимец, прикрывать не буду. Мардан с тебя шкуру сдерет.

-Не попадусь, шел бы этот ассанид подальше. Через несколько лет всё, похоже, изменится., не в пользу его шахиншаха, и нам нужно будет думать о себе.

-Посмотрим, - туманно заметил Шрам,- пока помалкивай и будь осторожен, у стен тоже есть уши.

Воспоминание об этом разговоре и «слуховые комнаты» в строящемся борделе заставили Аристарха Аргира вздрогнуть, но тяжесть увесистого кошелька успокаивала Пройдоху и давала надежду на будущее.

Ну, если предвкушение сладкого грядущего у Пройдохи было несколько туманно, то для проданных в бордель деву-

шек наступила вполне горькая предопределенность.

-Интересно, он нас так голышом через весь город погонит или хоть какие-нибудь тряпки даст?- резонно спросила Берника.

-Никто не знает, как захочет, так и будет,- ответила ее соседка.

Похоже, этот вопрос сейчас волновал всех девушек. Сверкать голым задом перед горожанами их совсем не прельщало.

Впрочем волнения рабынь были напрасны. Конечно, Калокир был бы не против провести по всему городу караван скованных обнаженных красавиц в целях рекламы своих и без того популярных заведений, но... Было одно но - законы деспотийского полиса, запрещавшие такие шествия. Рабов можно было раздевать донага на рынке в случае продажи и только. Невольники нередко трудились голыми на полях сельских вилл в теплую погоду ради экономии или во избежании побега, но не в черте города. По закону полиса даже жрицы любви, вышедшие на охоту за клиентами, должны были носить хотя бы чисто символическую одежду.

Вот такой весьма условной одеждой и снабди, свои «покупки» Калокир Голуб.

Нет, это была совсем не тот гардероб, который использовали «ночные бабочки» Дома утех и других подобных ему заведений. Просто Калокир взял откуда-то принесенные драные мешки из-под ячменя и приказал сделать из них ко-

роткие передники, подвязав их на талии веревкой.

Кроме этого на всех купленных девушек одели грубые железные ошейники, скованные между собой цепью.

Лено прошелся вдоль вереницы невольниц и остался доволен, он огладил одну из девушек, потом грубовато повернул к себе ее лицо и произнес:

- Не волнуйтесь, красавицы, дядюшка Калокир умеет быть добрым и щедрым. Все эти железки и тряпье с вас снимут и заменят на подчёркивающую вашу неотразимость одежду и бронзовые ошейники с моим именем. Конечно, все эти подарки получите после клеймения.

Содержатель борделя расхохотался, довольный собой и своей шуткой, а вот Квинтилии было не до смеха. Ее никто никогда не клеймил, даже не порол, ну, если только нянька в детстве, да и то не сильно.

Так что перспектива приобрести метку на теле, оставленную раскаленным железом, ее не привлекала. Она обернулась к стоящей за ней Аристонике и та, будто поняв ее страх, спокойно сказала:

- Не бойся, это быстро, ожог и всё, сначала поболит, а потом просто чесаться будет.

- Ожог и всё, и больше ты не человек, а вещь, впрочем, ты уже и сейчас вещь, а клеймо лишь поставит финальную точку на твоей прошлой жизни,- подумала Квинтилия, от этой мысли ей стало горько и она беззвучно заплакала.

Никто не обратил внимания ни на ее слезы, ни на душев-

ные терзания, лишь свежий приморский ветер осушил ей лицо, когда они вышли из ворот торгового дома Аристарха Аргира.

Квинтилия думала, что их погонят в городские кварталы, но вереница скованных между собой невольниц отправилась вниз по склону в сторону порта.

Глава седьмая

Неожиданная идея, личный состав

-Задачу ты, Евгений Николаевич, поставил нетривиальную. За подробнейший план города, конечно, спасибо кураторам, прямо в голову закачали, хоть ночью ходи - не заблудишься, только вот дьявол не в карте, а в деталях,- подумал про себя Жуков.

План городской застройки Сурхадаша всплыл в памяти Леонида сам собой ночью.

С вечера он лег спать, как обычно, а уже утром досконально знал все улицы, переулки и площади города, в котором предстояло действовать его группе.

-Видимо, тогда при первом контакте заложили в глубины памяти, а сейчас извлекли на свет божий. Подробности таковы, что можно подумать, что я там родился. С закрытыми глазами найду любую гостиницу, трактир или ночлежку. Прямо GPS какой-то.

Вот только этого было мало, знание местности не давало больших преимуществ для успешного выполнения задания. Нужны были сведения об обычаях, подробнейшей структуре

общества и мероприятий проведения религиозного праздника. Ничего этого в подкорке ни у Леонида, ни у других отобранных в экспедицию землян не оказалось.

Оставалось только надеяться на опыт и память Зенона да обрывочные сведения купцов, посещавших этот город во время торжеств.

Сегодня на бывшей городской вилле Косутия Жуков собрал весь костяк своей будущей команды, состоявшей из землян и двух приглашенных туземцев, в лице Зенона Метустрата и Тиберия, как представителя Высшего верховного совета республики.

Присутствие аристократа Леонид считал лишним, так как обсуждались технические вопросы предстоящей операции, но на его участии в совещании настоял сам Кириллов, поэтому состав собравшихся не обсуждался.

Выставив у дверей охрану из бывших гладиаторов и прибывших с Тиберием гвардейцев, приглашенные затворились в таблинуме и приказали их не беспокоить.

-Ну что, господа, - обвел взглядом Жуков присутствующих, как бы оценивая их внешний вид и настроение, написанное на лицах.

Собравшиеся здесь земляне мало чем отличались от местных аристократов, куда только делись выцветшие гимнастерки и галифе, в которых они очутились в этом негостеприимном мире.

Сейчас перед Леонидом сидели холеные, очень дорого

одетые молодые люди в военных туниках, с особыми нашивками на плечах - выдумка Головачева, обозначающая ранг человека в здешней военной иерархии. Ниже центуриона гвардейской ауксиллии - ауксилия палатинус - тут никого не было.

Жуков знал всех, все сильные и слабые стороны этих людей, не раз наблюдая их в деле. Он сам тщательно отбирал каждого, понимая, что только на них ему придется полагаться в случае смертельной опасности, а то, что такая возникнет, сомневаться не приходилось.

Первыми, на кого пал выбор, были бывшие бойцы особого отдела, а ныне офицеры тайной канцелярии при Высшем верховном совете. Кроме этого в группу был включен Миша-моряк, числившийся теперь префектом морской стражи Астрии.

Рядом с этим удалым одесситом сидели старший центурион Юра Емельяненко, которого Леонид с боем вырвал у Игнатьева. Дошло до скандала.

-Леня, ты что решил всех толковых людей с собой забрать? У меня в «конторе» одни секретари да привратники останутся! Возьми кого-нибудь от Денисова.

-Андрей, я беру только четырех человек от нас, остальные при тебе будут.

-Кого хочешь?

-Емельяненко, Тимофея Копылова, Рязанцева...

-Андрея не отдам, выбирай: либо Емельяненко, либо Ря-

занцев.

-Ладно, Рязанцева оставляй себе,- согласился Жуков, тогда давай Лобова и Сухова.

-Вот Сухова так и быть забирай, от него одни неприятности, в каждой бочке затычка.

-Ну, на том и порешим,- примирительно согласился Леонид.

В итоге под командой Жукова оказалось пять землян и десяток хорошо подготовленных туземцев. Все они должны были обеспечить прохождение к объекту Павла Никифорова и организовать его безопасную эвакуацию.

О своем задании Павел знал только в общих чертах и, признаваясь, был не в восторге от этого.

Вот только деваться все равно было некуда. Пилота временно разместили в дворце Бальбинов, окружив максимальным комфортом, приставив к нему охрану из преторианской гвардии. Сейчас Павел интенсивно учил местный язык и наслаждался всеми доступными благами здешней цивилизации. Увы, ни подарка в виде мультилингвистических возможностей, ни регенеративных способностей от кураторов ему не досталось, так что его всячески опекали и оберегали от превратностей судьбы. Шефство над пилотом взял Артем Головачев, уже обвыкшийся в столичной жизни и чувствовавший себя в Румелии, как рыба в воде.

-Пусть привыкает, -подумал Жуков,- ему полезно, назад-то всё одно пути нет, как и всем нам. Все в одной лодке

посреди океана.

Впрочем, в отличие от Павла, которому предстояло стать ключом к их миссии, задача группы Жукова была прозаичнее - доставить его на место и обеспечить все условия для успешного выполнения задания. Поэтому было необходимо уже сейчас наметить план и продумать детали.

Присутствовавший на совещании Зенон нервно постукивал костяшками пальцев о мраморную столешницу, то и дело теребя многочисленные кольца на своих руках. Он был в курсе предстоящей миссии, и в нем боролись два чувства - алчность и страх.

Страх перед гневом древних богов его народа, ведь то, что предложил ему Кирилл Евгениус, было святотатством невиданных размеров, но другой голос успокаивал совесть финикийца.

-Ты же сам видел воочию явление богини и силу пришельцев, что тебе ветхие боги Сурхадаша с их кровавыми культами? В случае успеха тебя ждет невиданная награда, ты станешь вровень с богатейшими и знатнейшими фамилиями Румелии. Твои внуки будут сенаторами, вершителями судеб этого мира. Решайся.

В итоге жадность и тщеславие победили религиозные предрассудки финикийского банкира.

-Ты ведь бывал на этом празднике, Зенон?- спросил его Жуков.- Расскажи в подробностях, что помнишь.

-Это было в молодости, Леонидус, я тогда с отцом путе-

шествовал по делам в восточном Средиземье. Отец не был большим почитателем культа Бычьего бога, но его партнеры...

-Давай ближе к делу, уважаемый, оставим усопших партнеров твоего родителя в покое и перейдем к празднику,- прервал его воспоминания Жуков.

-Ну, к празднику, так к празднику, - кивнул головой Зенон.- На это торжество съезжается вся округа, да что там округа, люди из соседних городов и даже восточных стран заранее прибывают туда. Ведь по поверью, если тебе удастся попасть на трибуны во время жертвоприношений, на тебя снизойдет милость самого бога Быка, дарующая успех в делах и крепкое здоровье на весь год.

-Вот как,- хмыкнул Миша—моряк, а мы-то и не знали.

-Не перебивай, Михаил, продолжай, Зенон,- одобрительно кивнул Жуков.

-Все жертвоприношения и религиозные мистерии проходят целый день и заканчиваются вечером под рев медных быков, раскаленных докрасна. Все действие происходит на площадке перед великим храмом, зрители сидят на трибунах, подобных тем, что стоят на румелийском ипподроме.

Перед Жуковым мысленно вырос образ, заложенный в его подсознание: сцена, трибуны под открытым небом, ступенчатая пирамида и золоченая статуя монстра полубыка-получеловека.

-Что за быки и как они режут, акустический механизм по-

дачи воздуха типа трубы?- спросил Жуков.

-Нет, не совсем, акустика типа трубы там, конечно, присутствует, но механизма там никакого нет, просто в медную тушу быка засовывают приговоренного человека и разводят под ним огонь. А механизм таков, что крики несчастного преобразуются в звуки, схожие с трубами, причем каждый бык трубит по-своему. Получается интересное сочетание звуков, иногда весьма гармоничное.

- Понятно,- только и произнес Жуков.

Остальные промолчали. Раньше бы такой рассказ вызвал волну возмущения среди землян, а сейчас, навидавшись местных «чудес» и звериных обычаев, его бойцы лишь сопели и молча принимали всё услышанное к сведению.

-То есть «бычки» эти для затравки, я правильно тебя понял, Зенон.

-Правильно, архонт.

-Так, а что дальше?

-Дальше идет церемония жрецов и жриц, которые ходят кругами по площади перед огромной статуей бога Тельца и поют гимны в его честь, прося принять в его чрево дары.

-Дальше.

-Ну, под эти гимны начинается мистерия насыщения бога.

-Жертвоприношения?

-Да.

-Детей?- спросил Жуков.

-Да, мальчиков, маленьких мальчиков, реже девочек.

-Как это происходит?- сквозь зубы процедил Емельяненко.

-Нарядно одетые дети передаются с рук на руки от родителей, ну если быть совсем точным - от усыновителей, жрецам храма. Ну и...

Зенон немного замялся, он видел какую реакцию вызывает его рассказ у присутствующих, даже Тиберий не скрывал своего отвращения.

-Дальше, Зенон, не тяни кота за хвост.

-Архонт , я только рассказываю, что видел.

-Мы поняли и не имеем к тебе претензий, нам нужно узнать, как и с чем мы будем иметь дело.

-Дальше их проводят по кругу храмовой площади, потом выстраивают вереницей, и они двигаются к изваянию Баала. Жрицы храма раздают им сладости, осыпают цветами и поют гимны. Дети поднимаются по лестнице и по очереди заходят за увитый плющом забор у ног статуи, потом входят вовнутрь исполинского изваяния и всё ...

Зенон замолчал.

-А дальше?- спросил Тиберий.

-А чего дальше-то?! Все и так понятно,- вздохнул Миша-моряк, - кирдык, привет родителям.

-Я лично не видел, как там все происходит, только слышал «голос бога», принимающего детей в свои объятия, как мне объяснили,- ответил Зенон.

-Что за голос ?

-Голос, который открывает врата главного храма. Статуя изрыгает из ноздрей дым и ревет, словно стадо взбешённых быков, приказывая воротам открыться.

-Стоп, давай-ка с этого момента поподробней. Какой голос?

-После праздника отец беседовал с одним из жрецов Бычьего бога, а я был свидетелем их разговора. Жрец поведал моему родителю, всю процедуру жертвоприношения. На старой Терре была Гиенская долина...

-Гиенна огненная, понятно, меня ей бабушка в детстве пугала,- сказал Тимофей Копылов,- думал вот сказки, а тут она в реальности, взаправду существует.

-Угу, только видать разрослась раз в сто и приняла промышленные масштабы, - согласно кивнул Емельяненко.

-Так, не перебивать, давай про «голос бога»,- сказал Жуков.

Зенон вздохнул, огладил бороду и продолжил:

-Жрец рассказал, что детей подводят к огромному наклонному лотку, по сути жёлобу, и под гимны Баалу хватают и сбрасывают в него, ну а в низу горит огонь, который идет из земли, земляное черное масло...

-Нефть, - догадался Жуков.

-Не знаю, как оно у вас называется, но за городом у них есть участки, где огонь горит вечно испокон веков...

-Ну, мне все в целом понятно, несчастные дети издают крики ужаса и боли, а их предсмертные вопли преобразу-

ются в мычание этого идола и производят влияние на толпу. Вот только при чем тут «голос бога» и ворота храма, где связь,- высказал мысль Жуков.

-Да нет тут никакой связи, Виталич,- по-русски предположил Миша-моряк, - ворота так и так откроются, а этот изумерский антураж лишь дань традиции или того хуже - коммерция на чужих жизнях.

-Да, скорей всего так, но уточнить не мешает,- заметил Емельяненко.

Жуков кивнул и решил зайти с другого конца, его интересовала, зачем это бессмысленная ежегодная гекатомба и несет ли она кроме мистического или сакрального смысла элементы коммерции.

-Ты прав, Леонидус,- поняв его интерес, ответил Зенон. Хочешь знать, на чем зарабатывает храм Бычьего бога, проводя этот праздник.

-Именно.

-Хм,- усмехнулся банкир,- на всем, на всем, что только можно.

-Давай по порядку, уважаемый.

-Ну. первое - это деньги, особые храмовые монеты.

-Храмовые деньги?- переспросил Тиберий.

-Да, сенатор. Жрецы храма не имеют права прикасаться к нечистым мирским деньгам. Поэтому, если ты хочешь купить для жертвоприношения какое либо животное, например овцу или козла, ты должен приобрести его в храмовой

лавке за храмовые деньги. Потому что только в храмовых лавках продаются чистые животные, угодные богу.

-Гениально,- хлопнул себя по колену Жуков, - деньги из воздуха, обмен мирского серебра на храмовое по особому курсу и покупка в храмовом магазине по особой цене «чистых животных». У меня вопрос: а они пока не додумались брать с паломников деньги за храмовый воздух, например насыщенный ладаном и миррой. Надо подсказать. Такая возможность пропадает.

-Пока не додумались, видно нет еще у них коммерсанта твоего уровня, Леонидус,- без иронии ответил Зенон, уважительно посмотрев на Леонида.

-Ладно, не отвлекаемся, эта манипуляция с деньгами храма – вещь, я так понимаю, повседневная, а что насчет праздника?

-Ну, тут совсем всё хорошо, доходы не просто удваиваются, они удесятерятся, Леонидус. Потому как слухи о чудесных исцелениях, возврате мужской силы, успехах в делах распространены на всю округу. В такие дни в Сурхадаш спешат паломники отовсюду, причем не только финикийцы, слава о силе бога-быка влечет к себе людей от ассанидов - до далекого Хинда.

-Да,- подтвердил Тиберий,- я знаю несколько аристократических семей Румелии, которые посещали этот праздник, а о купцах я и не говорю.

-Вот видишь, эти торжества весьма популярны,- развел

руками Зенон.

-Ладно, с паломниками понятно, с обменом денег и покупкой храмовых животных тоже ясно. На чем еще они делают деньги?

-На домах паломников в храмовом квартале, на блудницах, живущих при храме.

-Гостиницы, храмовые проститутки, наверняка харчевни и тому подобное, старо, как мир, что-нибудь еще?

-Конечно, по моим сведениям нынешний верховный жрец открыл торговлю жертвенными детьми для подношения богу-быку. Если раньше мальчиков для усыновления и посвящения Баалу паломник или прихожанин сам покупал на рынке, то сейчас он приобретает их у храма за храмовые деньги по баснословно высокой цене, или если сам приведет ребенка для этой цели, то он должен пройти «храмовый обряд очищения», а это стоит еще больших денег. Только так, иначе бог не примет жертву, ибо она не чиста, а стало быть не угодна.

У всех присутствующих заходили желваки, лишь «покерное» лицо Леонида не выражало ничего.

Он по-прежнему спокойным голосом спросил:

-Скажи, Зенон, вот этот «голос бога», этого Баала, сколько раз должен прозвучать, чтобы ворота открылись.

-Не знаю, архонт, всякий раз по-разному говорят.

-Ага, то есть от звуков идолища ворота не зависят,- хмыкнул Миша-моряк, что и требовалось доказать.

-Я бы этих уродов посвятил их Богу всех без исключения,- неожиданно резюмировал Тиберий.

-Мы полностью солидарны с тобой, сенатор,- ответил Жуков, и присутствующие закивали головами.

- Однако сейчас перед нами другая задача. Если добудем сферу, то культ этого звербога сам загнется без нашей помощи, впрочем, помочь ему сдохнуть - святое дело,- сказал Леонид.

-Если надо, я готов идти с вами , - заявил Тиберий.

-Не царское это дело , - пошутил Жуков,- вы определяете стратегию, а тактику оставьте нам грешным. Помогите только подготовить экспедицию. Так что давайте продолжим. Зенон, что происходит дальше, после открытия ворот?

-О, это непередаваемо, - воскликнул банкир,- эффект сродни эйфории: на тебя накатывает тёплая волна счастья и радости. Ты словно летаешь по воле богов, легкость во всем теле, у некоторых людей начинаются видения.

-Как долго это длится?

-Не знаю, Леонидус, может несколько минут, может часы..

-Это очень важно, - сказал Леонид по-русски,- еще не хватало после того, как откроются врата, впасть в подобную эйфорию, они нас там голыми руками возьмут и отправят в свой крематорий.

-Что же делать, должен же быть выход?- спросил Емельяненко, иначе все коту под хвост.

-Будем думать и просить совета у них,- Жуков поднял па-

лец, затем вновь перейдя на румелийский спросил.- А жрецы тоже впадают в раж, тьфу ты в эйфорию?

-Часть впадает, те что на площади перед храмом.

-А остальные?

-Не знаю, но думаю - нет,- ответил Зенон.

-С чего ты в этом уверен?

-Они поют гимны Баалу, а в эйфории петь не будешь.

-Так, а где располагаются эти певцы?

-На верхних ступенях храмового зиккурата, как раз под воротами со сферой.

-Ага, значит воздействие на них не оказывается или оказывается минимальным, интересно. Это что-то типа волны

-Она что ли над их головами проходит, ведь они рядом со сферой?- спросил Миша-моряк.

-Похоже, что так, но это надо уточнить,- кивнул Жуков, потом вновь обратился к Зенону,- то что ты поведал сейчас - очень важно. Скажи, а что происходит дальше, ну закончилась это эйфорическое воздействие и что потом.

-Радость и продолжение праздника,- ответил финикиец.

-В чем оно заключается, празднование.

-Ну как, это сродни нашим играм, только без гладиаторов.

-Это как?- спросил Тиберий.

-Типа венацио и бестиариев, плюс казни преступников с помощью тех же медных быков.

-То есть травля зверей...

-Скорей травля людей: скованных преступников и бунта-

рей выставляют против стаи волков или голодного прайда львов с ножами в руках.

-Понятно, хоть какой то шанс...- протянул Тиберий.

-Нет, сенатор, победитель также предстанет пред ликом бычьего бога в тот же день в чреве медного быка.

-Да лучше пусть меня тигр растерзает! -воскликнул претор гвардии.

-Согласен, просто приговоренные об не знают и борются за свою жизнь, как могут, как говорит многоуважаемый Кирилл Евгениус - инстинкт самосохранения.

-Понятно, и много так людей гибнет в честь этого «зверобога»?- подал голос Сухов.

-Когда как, все зависит от поставок.

-Каких поставок , поставок типа тех, что поставлял Косутию Упырь?

-И да, и нет. Владельцы поместий, чтобы умиловить Бычьего бога и получить возможность присутствия на трибунах во время празднования, посвящают храму десятки своих рабов. Правда, как правило, либо больных и никчемных, в первую очередь бунтарей, беглецов рецидивистов и всякую непокорную дрянь для массовости торжеств.

-На утилизацию, значит,- промолвил Емельяненко, -типа возьми, боже, что нам не гоже.

-Ты узрел самый корень, центурион,- согласно кивнул Зенон.

-Как их только земля-то носит? - стукнул кулаком по столу

Сухов.

Жуков строго посмотрел на своего слишком эмоционального бойца и с суровостью в голосе произнес по-русски:

-Моральную сторону вопроса мы сейчас рассматривать не будем. Всем держать себя в руках. Можно подумать, что за последние годы вы ничего подобного здесь не видели. Они,- он кивнул на румелийцев,- по сути своей ничем не лучше, нам о выполнении миссии думать надо, а не об этике с эстетикой. О таких возвышенных вещах после нашей смерти лет через триста историки книжку напишут, приврав половину.

Сказал, как отрезал, потом, обернувшись к Зенону Метустрату, вкрадчиво произнес :

-Прости, уважаемый, у некоторых эмоции разыгрались.

-Понимаю, не самый приятный культ, поэтому наша община не считает его верховным божеством и придерживается синкретических верований, почитая не только наших древних богов, но и румелийских небожителей. Тем более, порой речь идет об одних и тех же владыках неба, носящих разные имена у различных народов Ойкумены.

-Ты прав, почтенный Зенон,- кивнул Жуков,- однако не будем отвлекаться.

Сейчас ему меньше всего хотелось вступать в дискуссии о местных идолах, нужно было понять всю структуру религиозных мероприятий и выработать тактику действий.

-Насколько я помню, Сурхадаш окружен несколькими рядами стен, подобно Румелии.

Жуков достал из офицерского планшета набросок городского плана и развернул его на столе.

-Да, многое напоминает Румелию,- подтвердил Зенон,- только в меньших масштабах, и расположение строго радиальное.

-Упорядоченности больше, чем у нас,- согласился Тиберий, склонившись над рисунком.

-Здесь в центре расположен храмовый квартал, вот прямо посередине его храм и «площадь посвящения» или «площадь исполнения обета»,- ткнул пальцем в схему Зенон

-Лобное место так поэтично назвали,- заметил Миша—моряк.

-Да, уж, – мотнул головой Тимофей Копылов.

Жуков пропустил их замечание мимо ушей и сосредоточился на плане.

-Мы прибываем с моря, вот порт.

Палец Леонида скользнул по изображению бухты. Дальше идем в город, с этим, я так понимаю, проблем не возникнет.

-Не возникнет, Леонидус, если речь идет о торгово-ремесленном городе за пределами этих стен.

Зенон обвел рукой круг, очертив внешний обвод городских укреплений.

-Та-ак,- протянул Жуков. - Наметилась первая преграда. Вопрос: как ее преодолеть?

-Ну, это не сложно: вы заявляете, что хотите сделать подношение храму, к примеру десятков рабов, а еще лучше ку-

пить храмового мальчика для посвящения богу, а можно и то и другое.

-Зенон дело говорит,- кивнул Тиберий,- купить пару-тройку мальчишек и отдать жрецам.

-Не пойдет, - отрезал Жуков.

Он не хотел участвовать в столь мерзком деле и отдавать убийцам ни в чем не повинных детей. Однако даже не в этом было дело, что давало подобное «подношение» - ровным счетом ничего.

Их пропустили бы за второй городской обвод и даже пустили бы в храмовый квартал, и что? Занять место на трибуне среди зрителей и получить заряд эйфории, провалив задание.

Об этом он открыто высказался, сразу с порога отвергнув такое предложение.

-Ну, тогда можно выдать себя за купцов каким-нибудь экзотическим товаром, например, хиндов с их благовониями точно пустят, и вы тоже...

-Погоди, Зенон, купцов пустят за второй обвод, но не в район храма, так? Пустят и будут контролировать. Наверняка, безопасность в такой день у стражи на высоте?

-Да, ты прав, Леонидус.

-Тогда давайте думать, кто может относительно беспрепятственно проникнуть в храмовый квартал?

-Кто?- спросил Тиберий.

-Вот я и спрашиваю - кто?

-Жрецы,- сказал Копылов.

-Жрецы, но это нам не подходит. Даже если переоденем-ся, то при первой проверке нас раскроют и дальше – что?! Воевать прикажешь с тысячами фанатиков? Думаем, включаем мозговой штурм.

-Паломники из числа богатеев,- предложил Лобов.

-Можно, но за ними будет контроль, и весь отряд в паломники не запишешь, подозрительно,- сказал Леонид.

На ум, как назло, ничего ни у кого не шло. Внезапно Миша-моряк предложил идею.

-Актеры, акробаты, циркачи для увеселения публики.

-А что, хорошая мысль,- поддержал Емельяненко.

-Так, версия рабочая, -согласно кивнул Жуков,-только вот дело за малым: кто из нас акробат или фокусник, что-то я таких не вижу, тем более конкуренция среди подобных бродячих трупп во время праздника будет дикой. Тут нужно показать такое, чтобы тебя в храмовый квартал пустили высшее общество веселить, а мы с нашими талантами не то что элиту - толпу пьянчуг на базарной площади потешить не сможем. Акробаты нашлись.

Жуков безнадежно махнул рукой.

-Ты не прав, Леонидус,- перебил его Тиберий,- набрать таких людей можно, вот у меня есть подобный человек. Доверенный и проверенный офицер.

-Фокусник!- вскинулся Жуков.

-Нет, акробат, канатоходец, жонглер.

-Откуда? Вот уж бы не подумал, что ты акробатов в свите держишь, -удивился Леонид.- Кто он?

-Центурион по особым поручениям - Тит по прозвищу Лупо.

-Этот кривоногий коротышка? - улыбнулся Емельяненко.
- Я его знаю, нормальный парень, у него еще команда дикарей-отморозков есть во главе с циклопом.

-Кстати о команде, - сказал Тиберий, - там есть боец с уникальными способностями - нюхач, любой запах за стадию определит.

-Ну, так уж и за стадию, - усомнился Жуков.
-Ну, не за стадию, и все же поймите их в виду.
-Хочу посмотреть на этого уникама, да и с центурионом поговорить,- заинтересовался Леонид.

Тиберий рукой показал на дверь.

-Он здесь, можете его пригласить.

Жуков кивнув головой, сделал знак Копылову:

-Давай сюда акробата, поговорим.

Через минуту Тит Лупо стоял перед собравшимися. Центурион был в форме преторианской гвардии, синем плаще и богатой чешуйчатой лорике-сквамате. На правом наплечнике блестел значок с рангом- изображение шлема с поперечным гребнем и двумя скрещенными мечами, такой же ранг был у большинства присутствующих.

Все воинские знаки различия придумал в свое время Головачев. Они наносились не только на панцири, но и на

обычные солдатские туники, так что даже вне строя в обычной жизни сразу можно было понять, кто перед тобой.

Отличие было не только в знаках, но и в цвете. Гвардейские части носили золоченые значки, обычные армейские - серебряные, гарнизонные войска и ауксилія - бронзовые и эмалированные краской соответственно.

Сейчас на Тите поблескивал золотой знак центуриона по особым поручениям, а грудь украшали наградные фалеры.

Тит выкинул вперед руку в воинском приветствии, салютуя Тиберию Бальбину и Леониду.

-Вот ты каков, центурион Тит,- одобрительно кивнул Жуков и, обратившись к Бальбину, спросил.- Ты не против если достойный воин присядет за стол?

-Конечно,- Тиберий показал на стул рядом с Копыловым.

Тит снял шлем и, повесив плащ у входа, в нерешительности уставился на Тиберия.

-Положи шлем в углу на скамью,- кивнул претор,- если хочешь, выпей вина - кувшин на боковом столике.

Однако от вина Тит отказался, было видно, что он напряжен. Его отнюдь не успокаивал тот факт, что большинство из присутствующих были равны ему по рангу. На этот счет Тит не обольщался, потому как был уже наслышан об их статусе и возможностях.

Чтобы как-то разрядить обстановку, Жуков спросил Тита, как давно он в столице. Поинтересовался его участием в морском сражении и напомнил о том, что Тита, видимо, не

зря отметили очередной фалерой, ведь его имя упоминали и присутствующий здесь сенатор Тиберий Бальбин, и сенатор Виктор Сергей.

Центурион отвечал односложно, то и дело поглядывая на претора гвардии.

Тиберий еще раз подтвердил, что знает Тита много лет и полностью ему доверяет.

-Никто не сомневается в твоих словах, претор, сразу видно, что Тит - достойный офицер и великий воин, но сейчас, центурион, нас заинтересовали другие твои таланты. Говорят, в юности ты выступал с бродячей труппой акробатов и жонглеров?

От этих слов Тит аж побелел и даже покрылся потом. Он не любил, когда ему напоминали такое прошлое. Ведь если начнут копать глубже, всплывет его сомнительное происхождение и доказывать потом, как оно было на самом деле. Из гвардии, может, и не попрут, но станут шептаться по углам в ущерб авторитету.

-Это было давно, господин,- только и ответил центурион.

-Ну, давно или недавно, меня интересует сохранил ли ты навыки, полученные в бродячем цирке?

-Смотря что ты хочешь, господин.

-Канатаходство, акробатические трюки, ну что там ещё?

-Жонглирование с факелами или, как их там, с булавами,- подсказал Миша-моряк.

-Еще огонь глотают,- вспомнил Копылов.

Тит посмотрел на Копылова и ответил:

-Огонь не глотал, центурион, -бросив мимолетный взгляд на тунику Тимофея, оборвал Тит,- а по канату ходить могу и жонглировал раньше и факелами, и даже мечами, только не абы какими, а особыми, балансировка должна быть, а то без пальцев останешься.

-Ну, это понятно,- протянул Миша—моряк, - а ножики кидать в цель умеешь, чтобы рядом с человеком, ну ты понял...

Тит посмотрел на одессита и пожал плечами.

-Могу, но у меня в команде есть декурион Маркон, он и топор кинет и нож, куда лучше, чем я .

Жуков сделал пометку в лежащем перед ним блокноте.

-А, говорят у тебя еще «нюхач» есть?

-Гунальд, нос как у собаки.

-Хорошо, пригодится. Может, сойдет для показа фокусов.

-Фокусов? Прости, господин квестор, я не понял, -сказал

Тит и посмотрел на Тиберия.

-Мы хотим создать бродячую труппу актеров, фокусников , акробатов, может, кулачных бойцов, для одного дела.

Тит удивленно уставился на Жукова.

-Вы серьезно? - мотнул он головой.

-Ну, если ты считаешь, что присутствующий здесь член Верховного совета, сенатор и твой командир претор Тиберий Бальбин вместе со мной квестором тайной канцелярии республики решили пошутить, то ты ошибаешься, центурион,-строгим и официальным тоном произнес Леонид.

При его словах Тит вскочил и принял стойку «смирно».

-А вот это лишнее,- уже другим тоном сказал Жуков.

Тиберий махнул рукой, показывая на стул.

-Итак, ты был акробатом, канатоходцем и жонглером.

-Прежде всего канатоходцем и жонглером.

-Угу, хорошо, с завтрашнего дня ты на время освобождаешься от службы и приступаешь к занятиям по акробатике и разной эквилибристике. Заниматься будешь на загородной вилле. Подготовишь программу из трех – четырех номеров.

-Какую программу, квестор?- ошарашенно спросил Тит.

-Выступлений перед публикой, да, и кстати, возьми с собой этого декуриона, пусть потренируется метать топоры, ножи, ну что там еще.

-И «нюхача» пусть возьмут,- напомнил Тиберий.

-Да, пусть возьмут, будет запахи определять и к фокусам готовиться. Все ясно, вопросы?

-А как же служба, я воин, квестор, а не шут...- с некоторым вызовом в голосе спросил Тит.

-Центурион, это сейчас и есть твоя служба, ты и твои люди временно переходите из гвардии в агенты тайной канцелярии. Жалование гвардейцев за вами сохраняется, кроме этого от тайной канцелярии каждый месяц на счет, открытый в банке Бальбинов, вам будут приходить деньги, так что сумма выплат практически удвоится.

Брови Тита полезли на лоб. Его гвардейское жалование почти в три раза превышало оклад гарнизонного офицера, а

сейчас выходило, что он, будучи всего лишь сотником, пусть и гвардии, будет получать больше легионного префекта и за что? За канатоходство и жонглирование, невероятно!

-Не обольщайся, центурион, зиму ты потренируешься в своем цирковом искусстве. Кроме этого пройдешь углубленное обучение стрельбе, подготовке диверсий и взрывному делу. Тебя многому научат, а весной мы поплывем с тобой в далекое путешествие. Понял, дошло до тебя?

-Понял, я все понял.

-Ну, вот и ладно.

-У меня только одна просьба, можно я тогда всех своих парней заберу, а то останутся Вульф и Аскольд, ни то ни сё, они у меня пока к столице непривычные, пропадут, а я их к делу приспособлю и обучу каким-нибудь трюкам.

-Забирай, пусть тренируется, придумаем и им дело, чем они у тебя владеют.

-Аскольд - лучник...

-Лучник, у нас Мерген - конный лучник... - протянул Жуков.

Вдруг его размышления нарушил Миша-моряк, обратившись по-русски:

-Витальич, а у меня идея есть, такая, что все конкуренты в глубоком «тохосе», сиречь заднице, останутся.

-Чего за идея?

-Велосипеды и акробатика с ними, можно и со стрельбой из лука.

-Интересно,- вскинулся Жуков. - У Смирнова на складе, похоже, есть несколько штук немецких трофейных.

-Нет, Витальич, нужны цирковые.

-Какие цирковые?

-Ха, как в старину: большое колесо в педалях, чтобы зрелище было. Надо их Викору Сергеевичу заказать с десятка.

-Куда столько? - спросил Емельяненко.

-Найдем куда деть, коммерцию откроем, продавать будем, а эти на пробу, как это, как её, реклама.

-А ты голова, Миша,- одобрительно сказал Леонид,- как я раньше не додумался.

-У тебя Витальич учусь,- засмеялся одессит.

-У нас идея, -переходя на румелийский сказал Жуков, - потом объясню.

Затем он кивнул на сидящего за столом Тита Лупо и спросил, посмотрев на Тиберия:

- Мы можем отпустить нашего друга или к нему еще есть вопросы?

Тиберий мотнул головой и сказал:

-Тит, ты можешь быть свободен, сегодня отдыхайте, а завтра переезжайте на австрийскую виллу Кирилла Евгениуса, там пока будете жить.

Тит вскочил и, отдав воинское приветствие, направился к двери. Он нацепил шлем и уже намеревался снять с вешалки плащ, как внезапно, обернувшись к собравшимся, произнес:

-Претор, могу я задать еще один вопрос квестору?

-Задавай.

-Вы говорили о фокусах и чудесах...

-Да, а что у тебя в команде кроме «нюхача» еще фокусники есть?- с некоторой долей иронии спросил Жуков.

-Нет,- серьезно ответил Тит,- но я знаю такого человека, она людей взглядом в ступор вгоняет и голосом может заво-
рожить.

-Интересно, ты сказал - она?

-Да. Девушка, рабыня врача Гераштрата, он и сам колдун, впрочем это лучше всего спросить у Маркона, он ему жизнь спас, заговорами и червями от гниения плоти избавил.

-Ну, врачи у нас по ведомству Вяземского,- протянул Жуков,- но все равно интересно, и где этот твой эскулап вместе со своей рабыней?

-В Сегастике, там у него практика.

-Надо вызывать,- одновременно произнесли Жуков и Тиберий.

-Точно,- поднял палец вверх сенатор, кивнув головой.

Леонид вновь сделал пометку в блокноте и, наконец, отпустил Тита.

Когда за центурионом закрылась дверь, Жуков слегка стукнул по столу ладонью и с удовлетворением заметил:

-Поздравляю, господа, похоже, наш мозговой штурм удался, мы начали подбирать ключи к замку, который предстоит открыть. Самое меньшее, мы получим шанс подобраться к месту торжеств на максимально близкое расстояние, имея

вполне легальную легенду, ну а остальное - по обстоятельствам.

-По крайней мере, есть с чем ехать на доклад к дядюшке и Кириллу Евгениусу,- резюмировал Тиберий.

-Да, останется еще согласовать, остальных членов команды, продумать детали, однако начало положено.

-Нам бы еще силачей, ну что бы гири бросали или там как-нибудь по-другому удаль показывали,- предложил Емельяненко.

-О, вот и займись, флаг тебе в руки, через три дня доложишь,- ответил Жуков,- ну всё, давайте действуйте, ищите, дерзайте, думайте ,начинайте готовиться, а нам на доклад.

-Ну это авантюра какая-то: циркачи, фокусы, акробаты, мальчишество,- высказался Головачев,- нужно придумать что-то солидное и основательное.

-Что, например? Купить толпу детей и смотреть, как они их жарить будут, так даже это не выход, Витя.

-Не знаю, но и то, что ты сейчас предлагаешь, не вариант. Как ты собираешься проникнуть в этот чертов зиккурат, даже если тебя как актера пустят в храмовый квартал.

Жуков улыбнулся и произнес:

-Есть у меня задумки, но если вы мое предложение не принимаете и считаете его авантюрой...-развел руками Леонид.

-Погоди, никто не снимает твое предложение с повестки,-

сказал Кириллов,- но пойми сам, каково слушать такое, это же голимая импровизация, по типу ввяжемся в бой, а там как пойдет, куда кривая выведет.

-Николаич, уж от кого - от кого, а от тебя такое услышать... Мы три года импровизируем, и крутимся как ужи на сковородке, не хуже цирковых эквилибристов, да и нет у нас другой дороги. Если только на штурм пойти с криком «ура», но так это не по-вашему, не по-чекистски вроде.

Кирилов пожевал губу и напомнил:

-Прежде, чем предлагать, нужно будет еще не раз проконсультроваться с ними, - Кириллов поднял палец кверху,- нам нужен точный план этой чертовой пирамиды, все ходы и выходы из нее, сокровищница, помещения для жрецов и охраны, ну и все такое прочее. В конечном итоге сфера нужна им, а не нам.

-Согласен, такое нам не помешает,- кивнул Головачев,- хотя если ,как ты говоришь, нам тоже плюшки переппадают, то надо стараться.

Они сидели в тесном кругу впятером, только земляне: Кириллов, Головачев, Денисов и Игнатьев с Леонидом. Чужих тут не было. Два часа назад Тиберий Бальбин и Жуков доложили о своих соображениях посвященным членам Высшего верховного совета. Реакция не заставила себя ждать, предложение восторга не вызвало, хотя и с ходу было не отмечено.

Докладчиков попросили еще раз всё обдумать и взвесить. Такова была официальная резолюция совета, а сейчас в сво-

ем тесном кругу шло детальное обсуждение предложения.

-Закачали бы в голову детальный план этой пирамидки да и всей храмовой прибуды при ней, им это поди ничего не стоит, а нам подспорье, - вздохнул Жуков.

Будто ответом на его слова на запястье Кириллова завибрировал браслет. Евгений вздрогнул от неожиданности и, обнажив запястье, сказал:

-Они здесь с нами и слушают.

-Хм, кто бы сомневался, я давно уже ничему не удивляюсь,- усмехнулся Леонид,- надеюсь просьбу о детальной схеме этих сооружений мы вскоре получим.

Глава восьмая

Диалог эголатов (примерный перевод на язык людей).

-Эгостап, почему вы до сих пор не дали этому примату всю полноту информации по объекту?

-Простите, экселенс , но эта особь не совсем адаптирована к чипу, к тому же после черепно-мозговой травмы, полученной в самом начале внедрения, он еще менее восприимчив к нашему воздействию, только во время сна нам удалось активизировать чип и закачать ему в подкорку значительную информацию.

-Вы хотите сказать, что он вышел из-под контроля?

-Нет, просто он иногда бывает недоступен, но это не влияет на ход операции.

-Тогда замените его кем-нибудь другим из подконтрольных особей, а этого отстраните.

-Не могу, экселенц.

-Почему?

-Он наряду с их руководством занимает ключевые посты в сложившейся иерархии. Может быть, позже мы его даже нейтрализуем, но не сейчас.

-Хорошо, ну так закачайте в его примитивный мозг нужную информацию, всю, что он просит.

-Конечно, экселенц, я делаю это, просто процесс не одно-моментный и предусматривает два- три этапа. Сейчас будет второй.

-Хорошо, действуйте и помните, вся ответственность на вас.

-Слушаюсь, будет исполнено.

Глава девятая

Жуков, мысли и чувства.

Леонид оказался прав: всё, что ему было нужно, он получил утром следующего дня, просто встав с постели.

Улыбнувшись, он сбросил одеяло и снял с со своей груди руку молодой наложницы. Рабыня посапывала во сне, а ее черные, как смоль, волнистые волосы удивительно пахли смесью ароматов духов и едва уловимым запахом свежего девичьего тела. Он стал спать с ней совсем недавно, хотя она всеми силами пыталась привлечь к себе его внимание, видя в нем не только хозяина и мужчину, но и единственную опору в этой жизни. Собственно, так и было. Леонид спас эту девушку из лап чудовища по имени Кастор - племянника

Косутия, перед бандами которого дрожало полстолицы. Она помнила это и всячески старалась угодить своему господину. Вот только ее спаситель никак на это не реагировал, девочка оставалась для него ребенком, подростком, к которому кроме жалости он не испытывал никакого чувства. Так продолжалось почти три года, пока однажды среди прислуживающих за обедом служанок его взгляд упал на нее и уже не мог оторваться.

Жуков за чередой хозяйственных и политических дел, коммерческих сделок и мимолетных связей не заметил, как из милого, отнюдь не гадкого утенка вырос прекрасный лебедь.

Это случилось два месяца назад. Вечером после приема гостей Леонид вызвал к себе старшую рабыню - хранительницу ключей, умную и проницательную женщину средних лет, доставшуюся ему по наследству вместе с домом от бывшего хозяина, так неожиданно и скоропостижно почившего «в бозе» в ночь государственного переворота.

-Фламиния, иди сюда,- позвал Леонид

Ключница подошла и застыла в подобострастной позе.

-Фламиния, у нас там эта ассанидская малышка, как ее зовут, напомни,- с деланным безразличием произнес Леонид.

-Прости, господин, ты о Дарье.

-Да, наверное, а у нас что много служанок из ассанидов.

-Нет, господин, только две: я и Дарья.

-Ну, положим, ты уже не малышка, Фламиния.

-Да, господин,- согласно кивнула ключница.

-Ну и не старуха, конечно,- усмехнулся Жуков,- впрочем речь сейчас не о тебе. Там у этой Дарьи воздыхатели среди слуг есть?

-Воздыхателей-то много, только она близко никого к себе не подпускает.

-Вот как?

-Да, господин, она влюблена.

-Хм, и в кого же?

Внезапно Жуков почувствовал укол ревности.

-В тебя, господин,- потупив глаза ответила Фламиния.

Леонид отхлебнул глоток вина и, посмотрев на ключницу, спросил:

-С чего это ты взяла?

-У меня есть глаза и я женщина, к тому же хранительница ключей в этом доме, и в отличие от вас мужчин...- тут она осеклась, испугавшись своей дерзости.

-Продолжай, Фламиния, я не сержусь. Хочешь выпить?

Жуков был слегка пьян и в хорошем настроении. Однако Фламиния благоразумно отклонила его предложение.

-Ну, так что ты там говорила о слепоте мужчин? - спросил он.

-Ты занят государственными делами, господин, и тебе нет дела до ничтожных существ вроде нас...

-Разве я не забочусь о слугах? Вы сыты, одеты и даже деньги получаете на каждый праздник, я не помню, когда в этом

доме кого секли розгами или сажали в колодки. Кстати, у нас колодки есть?

-Нет, господин, по твоему приказу их отвезли в деревню.

-Так что же я не вижу, Фламиния, на что не обращаю внимание?

Ключница сжалась, она сама была не рада, что затеяла этот разговор, потом вдруг, подняв глаза, спросила:

-Прости, господин, мне прислать к тебе Дарью сейчас или...

-Сейчас,- рассмеялся Леонид,- присылай сейчас, чего время-то тянуть.

Фламиния улыбнулась и с поклоном вышла, а через несколько минут перед Леонидом стояла юная ассанидка.

Он без разговоров взял девушку за руку и увлек за собой в спальню.

«Дашка», как теперь звал ее Жуков, с тех пор больше не вернулась в каморку служанок, где проводили ночи девушки из числа прислуги, а делила теперь ложе со своим господином. При этом обязанности горничной никто с нее не снимал, поэтому ассанидская красотка по-прежнему убиралась в доме или помогала садовнику в розарии под бдительным присмотром Флавинии.

Единственной поблажкой для нее было то, что ей позволяли подольше спать и иногда завтракать в компании хозяйина.

Жуков посмотрел на соблазнительные формы девушки,

полуприкрытые одеялом, ее бархатистую, чуть тронутую загаром кожу и почувствовал стойкое желание еще раз излить в нее свое семя, но увы..., в дверь негромко, но настойчиво постучали.

-Вестовой, наверняка, прибыл,- догадался Леонид.

Он не ошибся, за дверью его ждал камердинер с лакеем, принесшим тазик для омовения лица, полотенца и принадлежности для чистки зубов.

-Господин, прости, что потревожили, но ты вчера приказал, как только прибудет солдат...

-Всё в порядке, давай умываться,- кивнул Жуков, подумав про себя ,- новый день, приносящий новую пищу для размышлений. Схему зиккурата они в меня все-таки закачали, ну и на том спасибо.

Он умылся, почистил зубы и, набросив на плечи шелковый халат, подошел к кровати, где нежилась наложница. Отвесил ей звонкий шлепок по очаровательной попе, рыкнув с напускной строгостью.

-Дашка, вставай, совсем обнаглела, дрянь, спит дольше господина, прикажу тебя высечь розгами.

Наложница вскочила и, протирая глаза, натянув на себя тунику, опрометью попыталась выскочить из спальни, на ходу завязывая узлом роскошные волосы.

-Куда побежала, я тебя не отпускал.

Дарья потупила взгляд и сложила руки на животе.

-Ты же сам сказал, что мне надо работать, господин, я в

розарий.

-Сейчас позавтракаем и займемся делами: я в совете, а ты в розарии.

-Как прикажешь, хозяин.

-Умойся и приведи себя в порядок,- приказал Жуков.

За завтраком Леонида не отпускала мысль о внутреннем устройстве пирамиды, тайном ходе, коридорах и галереях ее внутреннего устройства. По всему выходило, что взять ее даже полноценным взводом спецназа, будь у него такой, было бы невозможно. По крайней мере, атакуя зиккурат снаружи. К тому же нарочный принес не очень хорошие вести об обстановке на морских коммуникациях.

Жуков посмотрел на часы, сутки здесь не были равны земным и их хронометры были во многом бесполезны, однако по ним четко можно было отмерять время, если договориться о нем заранее. Через два часа его ждали в совете.

Так что время еще было. Леонид потребовал письменные принадлежности – бумагу и свинцовый карандаш, после чего по памяти стал воспроизводить схему коридоров и подземелий.

Бумага рвалась, и Леонид чертыхался:

-Такое дерьмо выпускаем, хуже газетки, только подтираться ей, прав был политрук Лифшиц - годятся лишь листочки печатать.

Леонид вспомнил попытку создать рекламные комиксы для безграмотных потребителей, но качество картинок по-

лучилось такое, что впору этими печатными рисунками ночью пугать детей.

-Надо что-то делать с этим, - начертав очередную сводчатую галерею на листе бумаги подумал Леонид.

Внезапно он почувствовал на себе чей-то взгляд и, подняв глаза, увидел, что за ним наблюдает Дарья.

-Ты еще здесь? Доела кашу и марш в розарий.

-Слушаюсь, господин,- потупив голову, ответила наложница.

Провожая ее взглядом, Жуков отметил, что эта девушка ему не безразлична. Первый раз в этом мире он поймал себя на таком чувстве. Нет, за последние года Леонид имел много связей с разными женщинами, да вот только чувств не было, кроме похоти, конечно, а сейчас... Впрочем, это потом, всё потом, пока надо думать об этой чертовом храмовом комплексе.

Задача была не из легких: кроме обычных дверей, галереи верхних ярусов имели железные решетки, которые опускались в случае опасности. Только не это было главным препятствием. Любые двери и конструкции из железных прутьев можно было подорвать .

-Да, трудно, но возможно...- барабанил карандашом, проговаривал Жуков,- а дальше...Что дальше?

Инженер или архитектор, проектировавший ступенчатый зиккурат, был гениальным человеком. Он предусмотрел всё, ну, может, только не продумал защиту от бомбардировки с

воздуха или парашютного десанта. Так ни у кого в этом мире не было ни бомбардировщика, ни даже парашютистов.

-Гениальная сволочь, это надо же так додуматься, что по звону сигнальных колокольчиков объявляется тревога и в двух местах коридоры перекрываются запорными камнями,- размышлял Леонид.

-Стоит только нажать на рычаг и из стены, ровно, как по полозьям, выкатывается круглая многотонная плита. Такой гранитный диск, поставленный на ребро. Этот камушек встает в паз и всё, как там говорит наш одессит Миша-морьяк, «пишите письма, мелким подчерком и привет родителям». Этот «камушек» никакими шашками не взорвать. Так что штурм снаружи отменяется. Остается подземный ход, но это тоже не вариант. Во-первых, на пути штурмующих будут ямы-ловушки, оборудованные кольями, система сюрпризов в виде самострелов, те же решетки и, во -вторых, главное - запорный камень, точно такой же как наверху, причем все это срабатывает либо само собой, либо по воле жрецов.

Леонид почувствовал легкую головную боль и помассировал затылок. Потом еще раз пересмотрел начертанный на бумаге план.

-Впрочем, такие меры предосторожности могут вызвать только восхищение: ведь подземная галерея - это не только тайный проход, но еще и путь в сокровищницу, тут есть над чем поломать голову. Думаю, Кириллов и другие получили точно такие же сведения от кураторов, так что «брейн

шторм» нам сегодня обеспечен.

Глава десятая

Дерзкие планы.

До совета было еще около часа, и Леонид решил пройтись пешком в сопровождении охраны, благо идти было недалеко.

Жуков пересекал площадь перед сенатом, кивая малознакомым людям или вяло отвечая на приветствия встречных преторианцев, небрежно махая им рукой. Он был погружен в свои невеселые мысли. Нужно было найти нетривиальное решение, но в голову, как назло, ничего не лезло. Кроме одного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.